

Россия и Азия

№ 3 (33), 2025

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 3 (33), 2025 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте [http:// russia-asia.org/](http://russia-asia.org/)

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, независимый эксперт г. Манама, Бахрейн.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), главный научный сотрудник АО ЦНИИ «Электроника», Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Москва, Россия.

Содержание**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

Шеров-Игнатьев В. Г. Африканский рынок мобильных телефонов: роль китайских компаний	6
Ларионов С. Л. Система факторов привлечения венчурных инвестиций в экосистему технологических стартапов России. Опыт Израиля	16
Охотский А. И. Факторы и способы формирования БРИКС как нового мирового финансового центра	39
Чиниев Д. Б. Современное состояние взаимной торговли в ЕАЭС: основные характеристики и тенденции	50

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

Савинский А. В. Перспективы стратегии декарбонизации Ирана в условиях неопределенности	63
Чухарев А. В. Производство и импорт зерновой продукции как ключевые направления обеспечения продовольственной безопасности Китая	74
Сабон В. Л. Современные особенности экономической модели Вьетнама	85

ПОСТРЕЛИЗ

Соловьёва Ю. В. Российско-китайский форум сотрудничества в новую эпоху	100
---	------------

Content**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

Sherov-Ignatev V. G. African mobile phone market: the role of Chinese companies	6
Larionov S. L. System of factors for attracting venture investments into the ecosystem of technological startups in Russia. The experience of Israeli	16
Okhotsky A. I. Factors and ways of forming BRICS as a new global financial center	39
Chinieva D. B. The current state of mutual trade in the EAEU: main characteristics and trends	50

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Savinsky A. V. Prospects for Iran's decarbonization strategy amid uncertainty	63
Chukharev A. V. Production and import of grain products as key directions of ensuring food security in China	74
Sabon V. L. Modern features of Vietnam's economic model	85

POSTRELEASE

Solovieva Yu. V. Russian-Chinese Cooperation Forum in a New Era	100
--	------------

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /
WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

Африканский рынок мобильных телефонов: роль китайских компаний

Шеров-Игнатъев Владимир Генрихович¹

В статье дана характеристика состояния и тенденций рынка мобильных телефонов африканских государств. Цель данной статьи — дать характеристику рынка мобильных телефонов африканских стран с точки зрения его структуры, специфики и роли отдельных компаний, в особенности китайских. Автор анализирует особенности африканских рынков мобильной связи в условиях их дифференцированности, низкой степени их насыщенности и высоких темпов роста их емкости, а также представленность на нем важнейших компаний–поставщиков, прежде всего из Китайской Народной Республики. Вопрос исследуется под углом зрения насыщенности рынков мобильной связи, основных стран–поставщиков, попытки организации собственной сборки мобильных телефонов, включая смартфоны, в странах континента, а также география и условия импорта мобильных телефонов в государства Африки. Делается вывод о доминировании китайских компаний на данном рынке (которые постепенно вытесняют ранее присутствовавшие здесь компании из развитых стран) и о важности учета местной специфики — как ценовой, так и особенностей потребительского поведения, а также высокая готовность к колебаниям спроса, вызванным различными внутренними и внешними детерминантами — как факторах успеха.

Ключевые слова: *мобильные телефоны, страны Африки, китайские компании, Transsion, импорт, ввозные пошлины.*

JEL коды: F13, F14, L68.

Введение

Человека XXI в. трудно представить без мобильного телефона, чаще всего — без смартфона. Почти во всех государствах мира число подписок на мобильную связь превысило число жителей, хотя понятно, что младенцы и некоторые люди преклонного возраста мобильными телефонами не пользуются даже в развитых странах. Один из наиболее динамичных рынков средств мобильной связи — африканский. Динамичность не эквивалентна стабильному росту: для африканских экономик характерны сильная зависимость от конъюнктуры мировых рынков на экспортируемые товары, что влияет на доходы и

¹ Шеров-Игнатъев Владимир Генрихович — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

покупательную способность жителей. Другая их особенность — порой резкие изменения правил государственного регулирования.

За последние десятилетия китайский бизнес развил мощную активность на африканском континенте, поддерживаемую китайским государством. Не стала исключением и сфера средств мобильной связи. Китайские компании успешно конкурируют на рынках кнопочных телефонов и смартфонов как с компаниями из других стран, так и между собой.

Цель данной статьи — дать характеристику рынка мобильных телефонов африканских стран с точки зрения его структуры, особенностей и роли отдельных компаний, главным образом китайских. Отдельное внимание уделено инициативам по локализации производства мобильных телефонов в африканских странах, а также интересным различиям в таможенно-тарифной политике отдельных государств континента применительно к импортируемой телефонной аппаратуре.

Результаты исследования

1. Африканский рынок мобильных телефонов: особенности, тенденции, основные игроки

По данным авторов доклада «Мобильная экономика в Африке южнее Сахары 2024», на конец 2023 г. в Тропической Африке насчитывалось 527 млн пользователей мобильной связи (по числу подписок) (уровень проникновения — 44%), из них 320 млн человек использовали мобильный интернет (уровень проникновения — 27%) (The mobile economy, 2024). Отмечается, что среди стран Африки по числу подписчиков лидирует Нигерия: 219 млн пользователей, уровень проникновения — 85%. Однако реальное число пользователей может быть гораздо меньше, т. к. у пользователей мобильной связи часто более одной подписки. Например, в ЮАР количество подписок вдвое превышает число жителей страны (Ekamen, 2024).

В отличие от других континентов, в Африке по-прежнему массово распространены кнопочные телефоны (*Feature phones*). По оценкам, в 2025 г. на них приходится около 55% всех соединений по мобильной связи (Extensia, 2024). Доминируют они и в поставках на рынки континента. Только за 2022 г. в африканские страны экспортерами было отгружено 93,4 млн кнопочных телефонов. Распространенность смартфонов неуклонно растет, однако наиболее популярны бюджетные модели. За 2022 г. в Африку было отправлено 73,4 млн смартфонов, в основном, бюджетных: устройства стоимостью менее 200 долларов составили 82% от общего объема поставок смартфонов. А в 2024 г., при общем росте поставок на 9%, ценовой сегмент ниже 100 долл. вырос на 49%, показывая, насколько финансовое напряжение формирует рынок (Oyedepi, 2025). В 1-м квартале 2024 г. продажи смартфонов в Африке впервые превысили продажи кнопочных телефонов (Manek, 2024). Они выросли на 17,9% в годовом исчислении и достигли 20,2 млн устройств. По данным Международного торгового центра (ИТС), общая стоимость поставленных в 2023 г. в Африку телефонов — 10,6 млрд долл. (около 21 доллара на среднего африканца), что свидетельствует о далеко не исчерпанном потенциале данного рынка.

В Африке, как и во всем мире, по мере совершенствования технологий происходит смена поколений мобильной связи. На 2022 г. около 70% африканцев имели доступ только к сетям 2G/3G. В странах Африки к югу от Сахары, по данным на 2022 г., технология 3G

занимала 55% рынка мобильной связи, в то время как 2G и 4G — по 22% (Omoruyi, 2022). При этом в 1-м квартале 2025 г. на устройства, поддерживающие сети 4G, приходилось 85% поставок. Стартовали и проекты развития сетей 5-го поколения. По оценкам, к 2025 г. на долю 5G должно было приходиться 4% от общего числа подключений в регионе (Africa's smartphone market, 2025).

Еще 20 лет назад главными поставщиками мобильных телефонов в Африку были Франция, Швеция и США, представленные компаниями *Alcatel*, *Ericsson* и *Motorola*. Сегодня же основным поставщиком телефонов в Африку стал Китай. К концу 1-й четверти XXI в. на африканском рынке мобильных телефонов доминировали несколько компаний, главным образом — китайских. Кратко остановимся на их перечне. Сразу надо оговориться, что статистические оценки несколько различаются в зависимости от источника.

По оценкам аналитической компании *Canalys Estimates* (2025), 1-е место стабильно держит *Transsion Holdings* — китайская компания, специализирующаяся на производстве мобильных телефонов и электроники. Она владеет брендами *Tecno*, *Infinix* и *iTel* (Гришанков, 2025). Телефоны *Transsion* доминировали и на рынке кнопочных телефонов (в 2022–2023 гг. с долей в 79,1%), и на рынке смартфонов (около 50% продаж). Особенно большая клиентская база у нее в ультра-дешевом сегменте — до 100 долл. Компания уверенно чувствует себя в Тропической Африке, а в последние годы стремится расширить свое присутствие на рынках Северной Африки, прежде всего в таких странах, как Марокко, Египет и Алжир. В 4-м квартале 2023 г. ее поставки в Северную Африку выросли в среднем на 94% (Locally assembled, 2024). *Transsion* была первой неафриканской компанией–производителем устройств для мобильной связи, которая создала сеть послепродажной поддержки в Африке и в полной мере использовала это преимущество «первого хода». Продукция компании частично производится в самой Африке — в Эфиопии. Пример *Transsion* показывает, что успеха в Африке способны добиться компании, учитывающие африканскую специфику в своих технологических и маркетинговых решениях. Смартфоны фирмы оснащены камерой, адаптированной под темный цвет кожи владельцев (без потери детализации портретных изображений), и рассчитаны на длительный период работы без подзарядки, что важно в условиях проблем с доступом к электричеству, а также позволяют использовать 2 сим-карты, что дает возможность африканским пользователям, чередуя провайдеров, делать звонки внутри их сетей. Телефоны компании включают поддержку нескольких африканских языков, например амхарского в Эфиопии (Dahir, 2022; Yan, Sautman, 2024).

На рынке кнопочных телефонов 2-е место после *Transsion* — у финской *HMD Global*, выпускающей (в кооперации с тайваньскими партнерами) кнопочные телефоны под брендом *Nokia* (6,1%) (Njanja, 2023; Africa's smartphone, 2023).

На африканских рынках смартфонов по итогам 2024 г. 2-е место сохранила корейская компания *Samsung*, однако ее доля сильно упала: 19% рынка вместо 26% годом ранее. Со средней ценой продажи в 240 долларов — самой высокой среди брендов *Android* — *Samsung* ориентируется на потребителей среднего класса в Африке. Но в регионе, где доступность устройства стимулирует продажи, эта стратегия не окупается так, как ожидалось.

Далее следовали опять-таки китайские бренды. Доля *Xiaomi* выросла с 9 до 11%. *Xiaomi* агрессивно расширялась в Западной Африке, нарастив там продажи на 38%. Еще одна китайская компания, *Realme* (в 2018 г. отделившаяся от китайской же компании *OPPO*), продемонстрировала взрывной скачок продаж — на 89% — благодаря своему растущему присутствию в Северной и Восточной Африке. Доля смартфонов *Realme* на африканских

рынках — 5%, доля *OPPO* — 4% (табл. 1). На все остальные бренды в 2024 г. пришлось 10% (Oyedeji, 2025). Упомянем среди них еще одну китайскую компанию — *HONOR*, доля которой выросла до 3% рынка уже в 1-м квартале 2025 г.

Таблица 1.

Африканский рынок смартфонов: основные компании / бренды в 2023–2025 гг.,
по данным двух источников, %

<i>Canalys Estimates</i> (2023)				<i>Statcounter Global Stats</i> (2025)		
Бренд	Доля рынка, %			Бренд / фирма	Доля рынка, %	
	2023	2024	1-й квартал 2025		Февраль 2025	Июнь 2025
<i>Transsion</i> (<i>Tecno</i> , <i>Infinix</i> , <i>Tel</i>)	50	51	47	<i>Samsung</i>	29,8	31,6
<i>Samsung</i>	26	19	21	<i>Transsion</i> (<i>Tecno</i> , <i>Infinix</i> , <i>Tel</i>)	24,6	23,0
<i>Xiaomi</i>	9	11	13	<i>Xiaomi</i>	6,6	10,3
<i>Realme</i>	3	5	3	<i>Apple</i>	13,3	10,1
<i>OPPO</i>	4	4	3	<i>Realme</i>	2,3	2,1
<i>HONOR</i>	1	1	3	<i>Huawei</i> / <i>HONOR</i>	6,4	6,3
Прочие	7	9	10	<i>OPPO</i>	5,3	9,1
				Прочие	11,8	11,6

Источник: составлено по данным: *Canalys Estimates*, 2025; Oyedeji, 2025; *Statcounter Global Stats*, 2025.

HONOR — бренд, ранее принадлежавший китайской компании *Huawei*. Разделение произошло в связи с американскими санкциями против *Huawei*, затруднившими продажи их телефонов под собственным брендом.

Еще одна аналитическая компания, *Statcounter Global Stats*, дает несколько иные оценки распределения долей компаний на африканских рынках мобильных телефонов. По ее данным, в июне 2025 г. совокупная доля брендов компании *Transsion* значительно ниже: 23%. На 1-е место эксперты данной аналитической компании ставят *Samsung* с 31,6% продаж. На 3-м же, по их данным — китайская *Xiaomi* (10,3%), которой лишь немного уступает американская *Apple* — 10,1%, по неясной причине насчитываемая в расчетах *Canalys Estimates* (табл. 1).

Таким образом, основная часть африканского рынка мобильных телефонов занята китайскими компаниями. Однако важными исключениями являются *Samsung*, *Apple* (в сегменте моделей средней и даже высокой стоимости) и финская *HMD* (на рынке кнопочных телефонов).

2. Производство мобильных телефонов в странах Африки

Хотя основная доля потребностей в мобильных телефонах африканцев удовлетворяется за счет импорта, нельзя не отметить ряд инициатив (разной степени успешности) по организации производства (в реальности — сборки) мобильных телефонов, включая смартфоны, в самих африканских странах. Эти инициативы стали результатом усилий как

зарубежных компаний, стремящихся снизить издержки производства, так и правительств самих стран Африки, заинтересованных в создании высокотехнологичных рабочих мест и повышении престижа своих государств. Более развитые африканские экономики (Египет, Нигерия, ЮАР и ряд других) стремятся активно встраиваться в ускоряющиеся глобальные процессы массовой цифровизации, внедрения инноваций (Морозенская, 2022; Новые тренды цифровизации, 2023). Одно из направлений такой активности — создание собственных производств средств мобильной связи.

Попытки такого рода начались еще в 2005 г., когда китайская компания *ZTE* организовала сборочное производство в Абудже (Нигерия). Однако собранные телефоны не выдерживали конкуренции с импортными, но более дешевыми телефонами известных брендов, и в 2007 г. завод был закрыт (Malakata, 2007). Спустя много лет та же компания планировала открыть новое производство — теперь уже в Замбии, с прицелом на рынки Юга Африки — завод планировалось запустить в 2024 г. (Duruson, 2023). Правда, к середине 2025 г. о его запуске все еще не сообщалось.

Немало шума наделало известие о старте производства смартфонов в Руанде в 2019 г. Смартфоны *Nara Z* и *Mara X* начала собирать компания *Maraphobes*, основанная родившимся в Великобритании в семье выходцев из индийского штата Гуджарат молодым бизнесменом А. Таккаром. Почти одновременно в сотрудничестве с компанией *IDC* было организовано производство тех же телефонов в ЮАР. В условиях локдауна периода *COVID-19* и сильной конкуренции с глобальными брендами производство вскоре закрылось (IDC, 2022). О телефонах, производимых в Руанде, новых сведений также не поступает.

В мае 2023 г. правительство Кении объявило, что выпустит первую партию из 1 млн смартфонов *4G* местной сборки в июле по розничной цене 40 долларов (реальные цены оказались выше — около 50 долларов) (Fakiya, 2023). Производством телефонов занялась компания *East Africa Device Assembly Kenya Limited (EADAK)* — совместное предприятие местных операторов мобильной связи *Safaricom* и *Jamii Telecommunications* и китайского дилера мобильных устройств *Shenzhen TeleOne Technology*. Ожидалось, что сборочная линия создаст от 300 до 500 рабочих мест и будет производить от 1,2 до 1,4 млн смартфонов в год (Fakiya, 2023). Предприятие *EADAK facility* нацелено на производство недорогих телефонов таких как *Neon 5 «Smarta»* и *6 ½ «Ultramobile»*.

Китайская компания *Mione*, базирующаяся в Дубае, в феврале 2023 г. запустила в Уганде сборочный цех в городе Мбале, где производятся смартфоны *U1* и *Joy 9*. Ранее компания собирала в этой стране более простые мобильные телефоны. *MiOne* — не единственный производитель телефонов в Уганде. В 2019 г. китайская фирма *Engo* открыла первый в Уганде завод по производству и сборке мобильных телефонов в Кампале (Techpoint Africa, 2024).

Наконец, надо упомянуть сборку смартфонов в Эфиопии, организованную китайской компанией *Transsion* — основным поставщиком мобильных телефонов на рынки африканских государств (Onyango, 2024).

3. Импорт мобильных телефонов в Африку: география и ввозные пошлины

Несмотря на попытки налаживания местного производства, подавляющее большинство продаваемых в Африке мобильных телефонов — импортные. Ниже представлена краткая характеристика географии внешней торговли стран Африки продукцией данной товарной

группы Гармонизированной номенклатуры (соответствующей ТН ВЭД) 8517, включающей как смартфоны, лишь недавно выделенные ЮНКТАД в отдельную подгруппу товаров (код 8851713), так и более простые модели мобильных телефонов, а также небольшие объемы смежной аппаратуры¹.

Как уже было показано в разделе о представленных на рынке Африки компаниях — поставщиках телефонов, сегодня основным поставщиком телефонов в Африку стал Китай. В 2023 г. из Китая прибыли 64,5% импортированных странами Африки телефонов. С учетом того, что еще 4,7% поставок пришлось на Гонконг, реальная доля китайских мобильных телефонов в африканском импорте превышает 69%. Немало телефонов (6,7%) поступает также из Вьетнама (табл. 2). Значительная часть поставок из Вьетнама — собранные там телефоны корейской компании *Samsung*. Половина африканского импорта телефонов в 2023 г. пришлась на 3 государства: ЮАР, Египет и Марокко (табл. 2).

Таблица 2.

Импорт мобильных телефонов в Африку в 2023 г.: страны–поставщики и основные страны–покупатели

Страны-поставщики	Стоимостной объем, млн долл.	Доля рынка, %	Импортёры	Стоимостной объем, млн долл.	Доля рынка, %
Весь мир	10639,1	100,0	Африка	10639,1	100
Китай	6865,9	64,5	ЮАР	3134	29,5
Вьетнам	713,5	6,7	Египет	1154	10,8
Гонконг	496,6	4,7	Марокко	999	9,4
Индия	341,2	3,2	Нигерия	705	6,6
Тайвань	220,2	2,1	Алжир	548	5,1
США	205,6	1,9	Эфиопия	348	3,3
Мексика	169,3	1,6	Мали	267	2,5
Швеция	159,7	1,5	Ливия	228	2,1
ЮАР	145,7	1,4	Тунис	228	2,1
ОАЭ	122,1	1,1	Танзания	222	2,1
Франция	103,1	1,0			
Остальные страны	1096,2	10,3	Остальные страны		24,3

Источник: рассчитано и составлено по данным ИТС (Trademap.org)

На масштабы импорта мобильных телефонов в африканские страны влияют различные экономические и институциональные факторы. Например, **тарифная политика** в отношении импорта мобильных телефонов и смежной продукции (код ТН ВЭД / HS 851712) различается по странам и группам стран континента. Наиболее высокую пошлину на их ввоз (около 20%) применяют Зимбабве, Мавритания, Алжир и Кабо-Верде. Впрочем, пошлины порой

¹ Включая переносные трубки для проводных сетей связи, маршрутизаторы и некоторые другие позиции. Строго говоря, собственно мобильным телефонам до 2022 г. соответствовал код 851712. В 2022 г. был введен новый код 851713 — смартфоны, однако данных по данной товарной позиции пока не поступало. В этой связи здесь и далее сопоставляются данные по более широкой группе товаров 8517.

дифференцированы по странам–поставщикам. Так, Зимбабве применяет ставку 26,3% для всех стран–поставщиков, кроме соседей по Восточной и Южной Африке — членов регионального объединения КОМЕСА¹, откуда телефоны ввозятся беспошлинно. Алжир применяет 3 разные ставки: для телефонов, ввозимых из арабских стран — 0%, из стран Европейского союза — 3,5%, из прочих стран — 23,8%².

Среди других африканских государств в обсуждаемом контексте можно выделить 2 основные группы. Одна — это страны-участницы Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), а также Экономического сообщества центральноафриканских государств (ЭСЦАГ). Эти государства применяют единую для всех поставщиков пошлину 10% (Шкваря, Абдулай, 2024). Отметим, что в этой группе преобладают бывшие французские колонии. В отличие от них, государства 2-й группы — участники Восточноафриканского сообщества (ВАС), Общего рынка Восточной и Южной Африки (КОМЕСА) и Южноафриканского таможенного союза (ЮАТС) (в большинстве своем — бывшие британские колонии) придерживаются более либеральной таможенной политики. Почти все они ввозят мобильные телефоны беспошлинно (рис. 1).

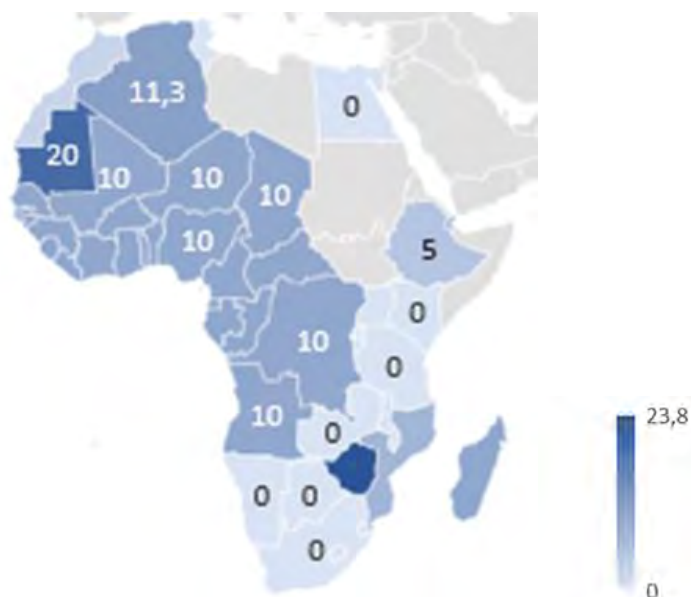

Рис. 1. Ввозные пошлины на мобильные телефоны (код ТН ВЭД / HS 851712) в странах Африки на 2022 г., %

Источник: построено по данным ИТС (Trademap.org)

Различия в уровне таможенного тарифа оказывают определенное влияние на интенсивность импорта соответствующей техники в отдельные страны и, вероятно, в ряде случаев могут подталкивать к организации контрабандного ввоза ИКТ-товаров из стран с более либеральным тарифом в государства с высоким уровнем ввозных пошлин, типа Зимбабве или Мавритании. Косвенно на это указывают низкие объемы официального импорта тех же мобильных телефонов, например в Мавританию, и быстрый рост их ввоза в соседнюю страну, Мали.

¹ COMESA — Общий рынок стран Восточной и Южной Африки (КОМЕСА).

² Trademap.org.

Помимо пошлин, на рынок телефонов влияют меры налоговой политики, обусловленные дефицитом бюджета (важный фактор торможения рассматриваемого рынка в Египте), снижение реальных доходов населения в ситуациях неблагоприятной конъюнктуры на рынках экспортируемых товаров и ошибок макроэкономической политики. Рост тарифов на телекоммуникации в Нигерии, новый налог на импорт в Египте в размере 38,5%, ужесточение правил налогового администрирования в Кении создают сложности для производителей даже на крупнейших страновых рынках Африки, вынуждают их диверсифицировать ценовую политику (Oyededeji, 2025).

Заключение

Африканский рынок мобильных телефонов весьма динамичен и еще далек от насыщения. До сих пор немалую долю телефонов в Африке составляют кнопочные, однако доля смартфонов быстро растет. Китайские компании и бренды абсолютно доминируют на рынках мобильных телефонов африканских стран, причем среди них выделяется очевидный лидер: компания *Transsion*. Опыт этой и других китайских компаний свидетельствует, что важным фактором успеха на рынках Африки является способность учесть его специфику — как ценовую, так и особенности потребительского поведения, и готовность к колебаниям спроса, вызванным различными внутренними и внешними факторами.

Попытки наладить местную сборку мобильных телефонов в африканских государствах пока имеют ограниченные результаты, однако позитивный опыт Кении и Эфиопии дает основание ожидать продолжения попыток локализации производства с учетом накопленного опыта.

Список литературы

1. Гришанков В. (2025) TECNO и Infinix — что их связывает и чем отличаются бренды? / AndroidLime.ru (15 февраля 2025). [Grishankov V. (2025) TECNO and Infinix — what connects them and how do the brands differ? / AndroidLime.ru (February 15, 2025). (In Russian).] URL: <https://androidlime.ru/tecno-vs-infinix-brands-compare>.
2. Морозенская Е. В. (2023) Перспективные направления торгово-экономического сотрудничества России со странами Африки // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 241. № 3. С. 184–193. [Morozenskaya E. V. (2023) Promising areas of trade and economic cooperation between Russia and African countries // Scientific Papers of the Free Economic Society of Russia. Vol. 241. No. 3. Pp. 184–193. (In Russian).] DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-184-193
3. Новые тренды цифровизации: Россия и мир / Пономаренко Е. В., Дигилина О. Б., Шкваря Л. В., Вереникина А. Ю., Меланьина М. В., Налбандян А. А., Оганесян А. А., Рузина Е. И., Тыркба Х. В., Павлов А. М., Пономарева В. С. Москва, 2023. 209 с. [New trends in digitalization: Russia and the World / Ponomarenko E. V., Digilina O. B., Shkvarya L. V., Verenikina A. Yu., Melanyina M. V., Nalbandian A. A., Oganesyanyan A. A., Ruzina E. I., Tyrkba H. V., Pavlov A. M., Ponomareva V. S. Moscow, 2023. 209 pp. (In Russian).] DOI: 10.12737/2009648
4. Шкваря Л. В., Абдулай М. С. Ю. (2024) ЭКОВАС: интеграция VS дезинтеграция // Азия и Африка сегодня. № 8. С. 33–41. [Shkvarya L. V., Abdoulaye M. S. Y. (2024) ECOWAS:

integration VS disintegration // Asia and Africa Today. No. 8. Pp. 33–41. (In Russian).] DOI: 10.31857/S0321507524080048

5. Africa's smartphone market is resilient: 12% growth in Q3 2023 amid macro-volatility (2023). URL: www.canalys.com/newsroom/africa-smartphone-market-q3-2023

6. Africa's smartphone market grew 9% in 2024, but 2025 faces economic headwinds — Canalys (2025). URL: <https://www.lightreading.com/smartphones-devices/africa-s-smartphone-market-grew-9-in-2024-but-2025-faces-economic-headwinds-canalys>

7. Canalys Estimates (2025) Smartphone Analysis. Canalys Estimates, May 2025. URL: www.canalys.com/newsroom/africa-smartphone-market-q1-2025

8. Dahir A. L. (2022) A low-profile, Chinese handset maker has taken over Africa's mobile market. Quartz Africa (Updated July 21, 2022). URL: <https://qz.com/africa/1374404/chinas-transsion-dominates-africas-phone-market-with-tecno-itel>

9. Duruson S. (2023) Zambia Announces Local Smartphone Manufacturing Facility. TechInAfrica. URL: <https://www.techinafrica.com/zambia-announces-local-smartphone-manufacturing-facility/>

10. Ekamen S. (2024) Top 5 African countries with the highest number of mobile phones. URL: <https://africa.businessinsider.com/local/markets/african-countries-with-the-highest-number-of-mobile-phones/lzqj62z>

11. Extensia (2024) In Africa, local manufacturing of smartphones can be a viable option with fiscal support from governments (report). URL: <https://extensia.tech/in-africa-local-manufacturing-of-smartphones-can-be-a-viable-option-with-fiscal-support-from-governments-report/>

12. Fakiya V. (2023) Kenya opens its first smartphone factory with retail prices starting from KSh 7,499. Techpoint Africa. URL: <https://techpoint.africa/news/kenya-opens-first-smartphone-factory/>

13. IDC (2022) 09 Feb IDC Statement on Mara Phones Feb 2022. Industrial Development Corporation. URL: <https://www.idc.co.za/idc-statement-on-mara-phones-feb-2022/>

14. ITC (2025) Interrelational Trade Center. Trademap.org.

15. Locally assembled phones power Africa's mobile market amid currency woes (2024) URL: <https://primeprogressng.com/news/made-in-africa-phones-power-africas-mobile-market-amid-currency-woes/>

16. Malakata M. (2007) ZTE mobile phone assembly plant in Africa closed. InfoWorld. URL: <https://www.infoworld.com/article/2187823/zte-mobile-phone-assembly-plant-in-africa-closed.html>

17. Manek S. (2024) Africa's Smartphone Market Surpasses Feature Phones for the First Time in Q1 2024. URL: www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prMETA52320624

18. Njanja A. (2023) Africa's smartphone market shrunk by 18% last year. URL: <https://techcrunch.com/2023/02/14/africas-smartphone-market-shrunk-by-18-last-year/>

19. Oyedeji E. (2025) A look at the African smartphone market in 2024 where Chinese brands are winning. URL: <https://www.techloy.com/a-look-at-the-african-smartphone-market-in-2024-where-chinese-brands-are-winning/>

20. Omoruyi O. (2022) Despite 5G rollout, data shows that 70% of Africans only have access to 2G/3G networks. URL: <https://technext24.com/2022/09/15/70-africans-have-access-2g-3g-networks/>

21. Onyango C. (2024) Locally assembled phones power Africa's mobile market amid currency woes. 2024/03/13. URL:<https://primeprogressng.com/news/made-in-africa-phones-power-africas-mobile-market-amid-currency-woes/>
22. Oyedeji E. (2025) A look at the African smartphone market in 2024 where Chinese brands are winning. February 27, 2025. URL:<https://www.techloy.com/a-look-at-the-african-smartphone-market-in-2024-where-chinese-brands-are-winning/>
23. Statcounter Global Stats (2025). URL: <https://gs.statcounter.com/vendor-market-share/mobile/africa/#monthly-202502-202502-bar>.
24. Techpoint Africa (2024) Ifeoma Joy Okorie. China's MiOne launches locally assembled smartphones in Uganda. URL:<https://techpoint.africa/news/chinas-mione-assembled-smartphones-uganda/>
25. The mobile economy in Sub-Saharan Africa 2024. URL: <https://www.gsmainelligence.com/research/the-mobile-economy-sub-saharan-africa-2024>
26. Yan H., Sautman B. (2024) China, Ethiopia and the Significance of the Belt and Road Initiative // The China Quarterly. No. 257. Pp. 222–247. DOI: 10.1017/S0305741023000966

African mobile phone market: the role of Chinese companies

Vladimir G. Sherov-Ignatev,

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of World Economy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

The article describes the state and trends of the mobile phone market in African countries. The purpose of this article is to characterize the mobile phone market in African countries in terms of its structure, characteristics and the role of individual companies, especially Chinese ones. The author analyzes the features of the African mobile communication markets in terms of their differentiation, low saturation and high growth rates of their capacity, as well as the representation of the most important supplier companies, primarily from the People's Republic of China. The issue is being investigated from the point of view of the saturation of mobile communication markets, the main supplier countries, attempts to organize their own assembly of mobile phones, including smartphones, in the countries of the continent, as well as the geography and conditions of import of mobile phones to African countries. The conclusion is drawn about the dominance of Chinese companies in this market (which are gradually replacing companies from developed countries that were previously present here) and the importance of taking into account local specifics — both pricing and consumer behavior, as well as high willingness to fluctuations in demand caused by various internal and external factors as success factors.

Keywords: mobile phones, African countries, Chinese companies, Transsion, import, import duties.

JEL codes: F13, F14, L68.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2025 г.

Система факторов привлечения венчурных инвестиций в экосистему технологических стартапов России. Опыт Израиля

Ларионов Алексей Сергеевич¹

Формирование кластера венчурных инвестиций в технологических секторах экономики страны — одна из наиболее сложных задач национальной экономики для большинства государств мира. Израиль остается одним из мировых лидеров в привлечении венчурных инвестиций в НИОКР, технологии и стартапы, и его опыт, накопленный за десятилетия развития, может быть применен в других странах, в том числе и в Российской Федерации. Это исследование рассматривает два научных вопроса: сравнительный анализ системных факторов модели привлечения венчурных инвестиций применительно к Российской Федерации и Израилю за период 2014–2024 гг., а также возможность применения в Российской Федерации опыта создания и развития би-национального фонда венчурных инвестиций Российской Федерации и Израиля на примере двухстороннего фонда инвестиций в НИОКР Израиля и США. Автор в рамках исследования апробирует подход к построению системы факторов привлечения венчурных инвестиций в экосистему технологических стартапов России, используя данные по экосистеме Израиля как бенчмарк, с целью выявления потенциала для развития факторов привлечения венчурных инвестиций в Российской Федерации. Проведена рейтинговая оценка привлекательности венчурных экосистем Российской Федерации и Израиля для венчурных инвестиций через ранжирование и оценку факторов. Подготовлены рекомендации по направлениям для российских институтов развития технологических инноваций. Проведен анализ принципов организации и результатов деятельности би-национального фонда инвестиций в НИОКР Израиля и США, сформирована концепция для двухстороннего фонда венчурных инвестиций Российской Федерации и Израиля. Актуальность темы исследования подтверждается включением задач построения системы выбора и финансирования инноваций для достижения технологического суверенитета России в национальную стратегию до 2030 г.

Ключевые слова: стартапы, венчурные инвестиции, экосистема, технологии, инновации, межгосударственные фонды инвестиций в НИОКР.

JEL коды: F55, G23, G24, O30, O32.

Введение

В рамках опубликованных в 2024 г. Стратегии научно-технического развития Российской Федерации и в том же году — Национальных целей развития нашей страны на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., а также — в 2023 г. — Концепции технологического развития Российской Федерации до 2030 г. президентом и правительством сформулированы и определены стратегические задачи для управления процессом развития инноваций и НИОКР (Министерство экономического развития, 2025). Согласно Концепции,

¹ Ларионов Алексей Сергеевич — аспирант Института Востоковедения РАН, Москва, Россия.

трансформация науки и технологий определены как ключевой фактор развития страны, а основными принципами для трансформации определены независимость (технологический суверенитет) и конкурентоспособность (достижение преимуществ в выбранных технологических направлениях по отношению к другим странам). В Концепции указаны вызовы и возможности, которые есть у нашей страны для развития технологических секторов, а также сформулированы цели, задачи и алгоритмы их достижения на национальном уровне. Одним из барьеров инновационного развития России названа неразвитость венчурного рынка, недоступность венчурного финансирования для малых технологических компаний (МТК), а также проблемы выхода стартапов на внутренний и внешние рынки сбыта. При этом в показателях достижения технологического развития страны поставлена задача утробения уровня инвестиций в МТК к 2030 г. по отношению к базе 2020 г. и увеличение несырьевого неэнергетического экспорта на 50% к 2030 г. по отношению к базе 2022 г. (Распоряжение, 2023). Одной из мер поддержки развития инноваций в части межгосударственного сотрудничества определены мероприятия по формированию и развитию инструментов международных прямых и венчурных инвестиций.

В рамках статьи автор сделал акцент на возможностях для России в области привлечения венчурных инвестиций в технологические сектора экономики за счет создания привлекательных условий для инвесторов в рамках венчурной экосистемы России, определив систему факторов привлечения венчурных инвестиций на примере экосистемы Израиля, а также проанализировал потенциальные возможности межгосударственного фонда венчурных инвестиций России и Израиля для финансирования совместных проектов в области НИОКР.

Факторы израильской модели привлечения инвестиций в венчурную экосистему

Венчурная экосистема Израиля была сформирована благодаря целенаправленной государственной политике в области управления инновациями и НИОКР в период 1991–2021 гг. Во многом успехи, достигнутые Израилем в части технологического лидерства, обусловлены созданным в стране и успешно развивающимся рынком частного венчурного капитала. По уровню венчурных инвестиций в % от ВВП (5,66% в 2021 г.) Израиль находился на 1-м месте в мировом рейтинге стран (Angular Ventures, 2021), и это одна из причин лидерства Израиля в показателе инвестиций в НИОКР на душу населения в мире. В 2021 г. стартапы Израиля привлекли более 25 млрд долларов венчурных инвестиций, а сумма полученных венчурными фондами Израиля возвратов от продажи долей проинвестированных стартапов достигла исторического максимума в 23 млрд долларов (IVC Research Center, 2021 report).

Автор в своей научно-исследовательской деятельности подробно и детально проанализировал показатели развития венчурной экосистемы Израиля за период 1991–2021 гг. (Ларионов, 2025). Этот анализ позволил выделить и сформулировать основные системные факторы привлекательности экосистемы стартапов и инноваций для венчурных инвестиций, а именно:

- Уровень расходов на образование;
- Уровень расходов на НИОКР;
- Объем венчурных инвестиций на душу населения;
- Уровень развития инфраструктуры;
- Объем экспорта высокотехнологичных товаров и услуг;

- Рейтинг венчурной экосистемы страны;
- Уровень инвестиций государства в НИОКР;
- Уровень предпринимательской среды;
- Уровень университетов страны;
- Инвестиционная активность мультинациональных корпораций.

В рамках более раннего исследования автором с целью апробации методологии был проведен сравнительный анализ системы факторов привлечения инвестиций в Израиле с 10 малыми странами мира, из 3-х географических кластеров, который показал применимость созданной автором модели как для развивающихся, так и высокоразвитых технологических экономик (Ларионов, 2024).

Дальнейший ход рассуждений привел автора к идее проверки модели на данных, доступных по показателям развития венчурной экосистемы Российской Федерации, и сравнения их с венчурной экосистемой Израиля, выбранной в качестве бенчмарка.

Обзор литературы

Изучение и сравнительный анализ венчурных экосистем в разных странах мира — явление для научного мира новое и актуальное. В российских научных базах исследований данного вопроса не много, и из доступных для изучения стоит отметить следующие труды.

- **«Формирование и развитие кластера венчурного инвестирования. Пример Израиля»** (Марьясис, 2016а) выступает одним из ярких исследований влияния формирования кластера венчурных инвестиций на примере Израиля на создание и развитие системы инноваций в стране. Автор на основе предложенной Авнимелех, Тойбал и Кенни (2003–2004) модели жизненного цикла развития венчурной индустрии (на основе истории развития венчурных экосистем в США и Израиле) провел критический анализ применимости модели к венчурной индустрии Израиля.

- **«Перспективы российско-израильского сотрудничества в сфере инноваций»** (Марьясис, 2016в), где автор системно разобрал текущий статус сотрудничества двух стран, проблемы и барьеры в развитии отношений и сформулировал предложения о возможностях российско-израильского сотрудничества в сфере прорывных инноваций через инновационный подход организации «треугольников» с участием третьих стран, которыми могут быть США, Китай или Индия.

- **«Возможности трансформации системы государственной поддержки развития инноваций. Опыт Израиля»** (Марьясис, 2017). Автор предлагает новый подход к парадигме государственно–частного партнерства (ГЧП) в части развития инноваций в Российской Федерации, рассматривает концепцию эволюции ГЧП через призму регионального развития инновационных процессов, проводит анализ эффективности программ поддержки инноваций правительством в Израиле, в части программ *Yozma*, *Magnet*, технологических инкубаторов и других мер поддержки технологического предпринимательства.

- **«Проблемные зоны в системе инновационной экономики Израиля и возможные варианты их устранения»** (Марьясис, 2019) представляет собой интереснейший вариант факторного анализа проблемных зон системы инноваций в Израиле на основе комплексного изучения трех международных индексов — Индекса экономики знаний (*KEI*), Всемирного инновационного индекса (*GII*) и Всемирного индекса конкурентоспособности (*GCI*), а также

применения эмпирической оценки принципов построения инновационной экономики в Израиле на основе концепции Аткинсона и Этцеля (2021).

- **«Венчурные экосистемы России и США: сравнительный анализ»** (Дуненкова, Лысова, 2020). Авторами подготовлен обзор истории формирования венчурной экосистемы США и сделан критический анализ функционирования венчурной экосистемы Российской Федерации с формированием предложений по совершенствованию регулирования инвестиций венчурного капитала (ВК).

- **«Проблемы и перспективы развития институтов венчурного капитала в России»** (Глазьев, 2021) — исследование, в котором автор делает системный анализ и верхнеуровневое сравнение венчурных экосистем США, ЕС, Китая, Российской Федерации, приводит примеры построения венчурных экосистем в Бразилии и Израиле и формулирует на основании изучения мирового опыта критические предложения по изменению государственных подходов по регулированию и развитию венчурной экосистемы Российской Федерации.

- **«Россия и Израиль: проблемы и перспективы двустороннего экономического и научно-технического сотрудничества»** (Марьясис, 2021) — авторский взгляд на барьеры и возможности сотрудничества России и Израиля в сфере инноваций и технологий, в котором автор формулирует принципиально новое предложение о создании совместного российско-израильского акселератора-инкубатора, который позволит на двухсторонней основе «выращивать» стартапы, требующие финансирования и поддержки, интересные как Российской Федерации, так и Израилю.

- **«Анализ моделей развития венчурной экосистемы на примере России и Китая»** (Абожик, Реснянская, 2022), где приводится краткое описание особенностей сложившихся венчурных экосистем в Российской Федерации и КНР и особенности их регулирования со стороны государственной власти.

- **«Экосистема России: путь к конкурентоспособности и технологическому суверенитету»** (Ворожихин, 2023). Автор подчеркивает важность достижения технологического суверенитета как основы для построения технологической экосистемы Российской Федерации, для преодоления глобальных вызовов через интеграцию научных знаний, НИОКР и технологических инноваций.

Методологическая основа исследования

Для анализа и сравнения факторов системы привлечения венчурных инвестиций в страну были использованы данные:

- Всемирной организации по интеллектуальной собственности (WIPO), в частности, Глобальный индекс инноваций (GII) (Global Innovation Index 2024);

- база данных макроэкономических параметров стран Всемирного Банка (World Bank) (World Bank 2024);

- база данных о венчурных инвестициях по странам мира частного исследовательского агентства «Dealroom» (Dealroom, 2025);

- рейтинги стартап экосистем по странам мира StartupBlink и StartupGenome (Global Startup Ecosystem Index, 2025);

- рейтинги развития предпринимательства в глобальном отчете *Global Entrepreneurship Monitor (GEM)* (Global Entrepreneurship Monitor, 2025).

Для оценки динамики изменений факторов модели автор посчитал необходимым консолидировать данные по странам на 10-летнем временном интервале и рассчитать индекс динамики изменений сравнив данные по итогам 2024 и 2014 гг.

С точки зрения нормализации данных автор избегал использования абсолютных значений и применил в расчетах либо относительные показатели, либо оценки параметров по сравниваемым странам из глобальных рейтингов.

Набор факторов для сравнительного анализа был выбран и апробирован автором на основании исследования опыта Израиля, значения были взвешены, ранжированы и выстроены в итоговый рейтинг в соответствии с определенным автором подходом.

Сравнительный анализ факторов привлечения венчурных инвестиций в экосистемы в Российской Федерации и Израиле

Опираясь на выработанный автором исследовательский подход к анализу факторов системы привлечения венчурных инвестиций в страну на примере экономики Израиля, задача исследования возможностей применения опыта Израиля требует проведения сравнительного анализа ключевых параметров венчурной экономики в Российской Федерации.

С учетом различий между экономиками Израиля и Российской Федерации как в размере, так и в структуре, а также принимая во внимание дефицит данных по венчурной экосистеме Российской Федерации, в первую очередь необходимо применить модельный подход сравнительного анализа и сравнить данные по Израилю и Российской Федерации в относительных величинах, опираясь на статистику мировых исследовательских организаций и систему факторов привлекательности инвестиций.

Итак, рассмотрим ключевые факторы оценки привлекательности венчурной экосистемы Российской Федерации в сравнении с Израилем. Сравнивая динамику параметров привлекательности венчурной экосистемы для инвестиций за 2014 и 2024 гг. по Российской Федерации нельзя отметить существенного улучшения факторов ни по одному из выбранных для анализа параметров, которые показывают отсутствие изменений за прошедшие 10 лет. Поэтому стоит, во-первых, сфокусироваться на сравнении оценок параметров с данными бенчмарка, а именно экосистемы Израиля, а во-вторых — разобрать прямые и косвенные причины, которые не позволяют венчурной экосистеме в Российской Федерации улучшить оценки в сравнении с другими странами мира.

Как видно по данным приведенной табл. 1, население Израиля выросло на 18%, тогда как население Российской Федерации увеличилось на 2%, при этом ВВП на душу населения в Израиле вырос до 55 тыс. долларов (+58% в 2024 к 2014 г.), тогда как в Российской Федерации рост был более динамичным и ВВП на душу населения достиг 35 тыс. долларов (+97% за тот же период).

Очевидно, что в экономике Российской Федерации основополагающую роль играет добыча и переработка полезных ископаемых, но при этом задел в технологических секторах, наработанный еще во времена Советского Союза, существует, на его базе создается новый технологический уклад (Шкваря, 2010), и это дает возможности для возобновления развития в технологических секторах, с учетом современных реалий.

Таблица 1.

Сравнительный анализ факторов привлечения венчурных инвестиций в экосистемы Израиля и Российской Федерации

		Страны		Вес фактора	Ранг фактора	Взвешенный по рангу вес фактора	Факторная оценка привлекательности страны для ВК инвестиций	
		Российская Федерация	Израиль				Российская Федерация	Израиль
	Население, млн, 2014 (WIPO GII)	143,5	7,9					
	Население, млн, 2024 (WIPO GII)	145,8	9,3					
	Индекс 2024 к 2014	102%	118%					
	ВВП на душу населения, млн долларов, PPP, 2014 (WIPO GII)	17 884	34 770					
	ВВП на душу населения, млн. долларов, PPP, 2024 (WIPO GII)	35 310	54 771					
	Индекс 2024 к 2014	197%	158%					
1	Расходы на образование, % ВВП, 2014 (World Bank)	3,8%	5,7%	20	9	0,18	0,007	0,010
	Расходы на образование, % ВВП, 2024 (World Bank)	4,1%	6,5%				0,007	0,012
	Индекс 2024 к 2014	108%	114%					
2	Валовые расходы на НИОКР, % ВВП 2014 (World Bank)	1,1%	4,1%	20	8	0,16	0,002	0,007
	Валовые расходы на НИОКР, % ВВП 2024 (World Bank)	1,1%	6,0%				0,002	0,010
	Индекс 2024 к 2014	103%	146%					
3	ВК инвестиции в 000 USD на душу населения, 2014 (Dealroom)	0,004	0,190	15	10	0,15	0,001	0,028
	ВК инвестиции в 000 USD на душу населения, 2024 (Dealroom)	0,001	0,398				0,000	0,060
	Индекс 2024 к 2014	27%	210%					
4	Оценка инфраструктуры в рейтинге 2014, ранг (WIPO GII)	51	20	10	5	0,05	0,025	0,040
	Оценка инфраструктуры в рейтинге 2024, ранг (WIPO GII)	76	41				0,012	0,030
	Индекс 2024 к 2014	-25	-21					
5	Высокотехнологичный экспорт, % от экспорта товаров, 2014 (World Bank)	12,1%	19,4%	5	6	0,03	0,004	0,006

	Высокотехнологичный экспорт, % от экспорта товаров, 2023 (<i>World Bank</i>)	9,7%	34,8%				0,003	0,010
	Индекс 2023 к 2014	80%	179%					
6	Оценка в рейтинге стартап экосистем, 2019, ранг (<i>Startublink, Startupgenome</i>)	15	4	5	4	0,02	0,017	0,019
	Оценка в рейтинге стартап экосистем, 2024, ранг (<i>Startublink, Startupgenome</i>)	35	3				0,013	0,019
	Индекс 2024 к 2019	-20	1					
7	Гос. расходы на НИОКР, % ВВП 2014 (<i>World Bank</i>)	0,7%	0,7%	5	3	0,02	0,000	0,000
	Гос. расходы на НИОКР, % ВВП 2024 (<i>World Bank</i>)	0,7%	0,5%				0,000	0,000
	Индекс 2024 к 2014	101%	73%					
8	Оценка предпринимательской среды, <i>GII</i> 2014, ранг (<i>WIPO GII</i>)	55	30	5	2	0,01	0,005	0,007
	Оценка предпринимательской среды, <i>GII</i> 2024, ранг (<i>WIPO GII</i>)	107	49				-0,001	0,005
	Индекс 2024 к 2014	-52	-19					
9	Оценка топ 3 университетов в топ 1000 QS рейтинг 2014, ранг (<i>WIPO GII</i>)	25	21	5	1	0,01	0,004	0,004
	Оценка топ 3 университетов в топ 1000 QS рейтинг 2024, ранг (<i>WIPO GII</i>)	29	34				0,004	0,003
	Индекс 2024 к 2014	-4	-13					
10	Оценка инвестиций МНК в НИОКР страны, <i>GII</i> 2014, ранг (<i>WIPO GII</i>)	29,0	19	10	7	0,07	0,050	0,057
	Оценка инвестиций МНК в НИОКР страны, <i>GII</i> 2024, ранг (<i>WIPO GII</i>)	41	23				0,041	0,054
	Индекс 2024 к 2016	-12	-4					
				100	55			
	Итоговая оценка привлекательности страны для ВК инвестиций, 2014 г.						0,11	0,18
	Итоговая оценка привлекательности страны для ВК инвестиций, 2024 г.						0,08	0,20

Источник: составлено автором по данным *WIPO GII, World Bank, Dealroom, StartupBlink, StartupGenome, GEM*.

1. **Уровень расходов на образование** в Российской Федерации увеличился на 8% — с 3,8% от ВВП до 4,1% от ВВП, тогда как в Израиле данный параметр — один из самых высоких в мире и достиг 6,5% в 2024 г., показав рост на 14% в сравнении с 2014 г. Как отмечают в своих отчетах мировые экономические организации, данный параметр экономического развития не имеет быстрого влияния на макроэкономические индикаторы экономики государства, но в среднесрочной перспективе формирует подготовленную, экономически активную и образованную часть населения, которая станет основой для формирования предложения новых технологических идей и разработок в инновационных секторах экономики. При этом

важно отметить, что исходя из возрастающей значимости технологических секторов в ВВП развитых и развивающихся государств, в настоящее время приоритет в образовательных программах отдается физико-математической направленности и специальностям, так или иначе связанным с ИКТ (Айдрус, Асматуллин, 2015). Это касается как систем высшего, так и среднего образования, которые готовят студентов в таких перспективных направлениях технологий, как робототехника, искусственный интеллект, работа с большими данными, квантовые технологии, технологии распределенного реестра, новые энергетические технологии и новые материалы, и множество других. Влияние государства на оценку данного параметра непосредственное:

- через увеличение бюджетирования статей государственных расходов на федеральном и региональном уровне на целевые образовательные программы для технологических специальностей;
- через стимулирование частных инвестиций в образовательные программы уровня университетов и колледжей;
- через финансирование обучения студентов и стажировок научного состава ВУЗов за рубежом по программам культурных обменов и международных стажировок с целью расширения кругозора, получения опыта совместных с иностранными коллегами исследований и разработок, погружения в научные достижения более развитых в технологическом отношении стран с целью как заимствования опыта, так и построения на базе достижений других стран своих НИОКР в их национальных лабораториях и корпорациях.

2. По параметру оценки **валовых расходов в стране на НИОКР** Россия показывает уровень развивающихся стран — 1,1% от ВВП без изменений за последнее десятилетие. В стране бенчмарке Израиль инвестиции в НИОКР в 2024 г. составили 6% от ВВП, что на 46% больше, чем в 2014 г. Анализ уровня инвестиций в других странах в сферу НИОКР показывает, что для обеспечения глобальной конкурентоспособности экономики стране необходимо тратить на инвестиции в НИОКР от 4 до 7% ВВП. Тот же уровень расходов на *R&D*, кстати, сейчас демонстрируют и годовые отчеты ведущих международных МНК в технологических секторах: *Apple*, *Alphabet*, *Nvidia*, *Tesla* и многие другие лидеры технологий в мире инвестируют в *R&D* от 4 до 20% выручки ежегодно, и глобальный темп конкуренции не дает возможности МНК, участвующим в ней, инвестировать в НИОКР меньше, поскольку это чревато потерей конкурентоспособности, доходов, прибыли, капитализации и уходом с арены мировой технологической борьбы (Приоритет науки, 2022). Сравнение уровня инвестиций государств в НИОКР и уровня инвестиций отдельных МНК на данном этапе вполне правомерен, поскольку и годовая выручка, и суммы вложений по крупным МНК уже давно обогнали и размер годового ВВП и вложения в НИОКР отдельных стран мира.

3. Ключевым параметром привлекательности венчурной экосистемы в стране является **уровень венчурных инвестиций**. Как показывает статистика исследовательского агентства «Dealroom», использованная автором в табл. 1, уровень ВК инвестиций в Российской Федерации в 2014 г. составил 511 млн долларов, а в 2024 г. он сократился до 141 млн долларов, тогда как в Израиле он, наоборот, вырос, увеличившись с 1,5 млрд долларов до 3,7 млрд долларов. В абсолютных величинах уровень венчурного капитала, инвестируемого в стартапы Российской Федерации и Израиля, не сопоставим на данном этапе, поскольку Израиль уже перешел в «следующую лигу» по развитию венчурной экосистемы, планомерно поддерживая увеличение инвестиций ВК-фондов в технологический сектор. Конечно, 3,7 млрд долларов ВК-инвестиций — это не пиковое значение по годовому объему вложений для экономики

Израиля, и оценка «Dealroom» максимально консервативна, но даже политический кризис в Израиле не привел к «обнулению» активности венчурных фондов — внешняя среда накладывает отпечаток на макроэкономику любого государства, и вместо 8–10 млрд. долларов ВК–инвестиций, в 2024 г. стартапы Израиля привлекли меньше капитала, но это все равно не идет ни в какое сравнение с уровнем ВК–инвестиций в России на сегодняшний день.

Основными причинами низкого уровня ВК инвестиций в Российской Федерации, по мнению автора, стали следующие факторы:

- непривлекательность венчурной экосистемы Российской Федерации для внешних частных инвестиций (даже из дружественных стран БРИКС);
- неэффективность внутренней политики и практики венчурных инвестиций;
- неразвитый внутренний частный сектор венчурных фондов.

Анализу и разбору вышеупомянутых причин можно было бы посвятить отдельную научную работу, но стоит отметить основные причины низкого уровня венчурных инвестиций в России, которые подтверждаются следующими фактами:

- Закрытость экономики Российской Федерации для внешних инвестиций подтверждается данными *UNCTAD* — уровень прямых иностранных инвестиций (*FDI*) в Российской Федерации упал до 235 млрд долларов, и это самый низкий показатель за 15 лет (*World Investment Report*, 2024);

- Неэффективность внутренней политики и практики венчурных инвестиций подтверждается их динамикой — за последние 10 лет общий размер венчурного капитала в фондах уменьшился кратно, размер венчурных инвестиций остался на уровне сотен миллионов долларов, государственное участие в финансировании венчурных инвестиций сократилось до незначительного уровня, развитие законодательной базы и стимулирование институциональных инвесторов к финансированию ВК фондов на федеральном уровне замедлилось. Есть положительная динамика на уровне корпоративных ВК фондов крупных государственных и частных корпораций, но суммы ВК–инвестиций данных фондов измеряются даже не десятками миллионов долларов инвестиций, а единичными сделками (*Обзор*, 2024);

- Неразвитость внутреннего частного сектора ВК фондов и инвестиций подтверждается аналитическими отчетами исследовательских агентств: количество фондов ВК не увеличивается, объем капитала в них не растет, объем инвестиций в стартапы не растет, напротив, наблюдается либо стагнация, либо снижение по данным показателям. Конечно, велико влияние политических факторов в периоде 2022–2024 гг. на уровень инвестиционной привлекательности российского технологического сектора, но, как свидетельствует статистика агентств, количество стартапов растет, и уже даже в зарегистрированных базах в 2024 г. более 10 000 малых технологических компаний занимаются НИОКР, но испытывают колоссальный дефицит венчурных инвестиций как со стороны частных, так и со стороны государственных фондов (*Венчурная Евразия*, 2024).

Очевидно, что низкий уровень венчурных инвестиций как в абсолютном, так и в относительном выражении в экономике Российской Федерации остается системной государственной проблемой, требующей внимания как правительственных министерств, так и крупных институциональных инвесторов внутри страны, в лице банков, пенсионных фондов, страховых компаний, семейных офисов.

4. По фактору **уровня инфраструктуры** в мировых рейтингах оценка России снизилась с 51-го места в 2014 г. до 76-го места в 2024 г. Надо отметить, что и оценка Израиля

за тот же период снизилась: с 20-го места инфраструктурный ранг страны опустился на 41-е место, но, как автор полагает, это свидетельствует не столько об ухудшении инфраструктуры в стране, сколько об улучшении инфраструктуры в других государствах мира. В параметре оценки инфраструктуры в рамках рейтинга *Global Innovation Index* ежегодно издаваемого *WIPO* используется 10 факторов, таких как доступность ИКТ-технологий внутри страны, общая оценка логистической и энергетической инфраструктуры государств, экологическая устойчивость и другие. Прогресс в инфраструктуре развитых стран мира — США, ЕС и наиболее развитых стран Азии — настолько динамичен, что все остальные государства мира, которые не инвестируют на том же уровне в свою инфраструктуру, теряют позиции в мировом рейтинге. Этому параметру отводится высокое значение во всех мировых рейтингах, и по мнению автора, это справедливо, потому что наличие современной инфраструктуры создает стимулы для стартапов и привлечения инвесторов в технологический сектор и служит обязательным условием для развития венчурной экосистемы в стране.

5. Показатель высокотехнологического экспорта — это один из ключевых *KPI* венчурной экосистемы государства. Как ранее было выявлено и методами эконометрики доказано автором, есть сильная регрессионная зависимость влияния данного показателя на вклад высокотехнологического сектора в экономику страны (Ларионов, 2025). Иными словами, чем больше страна экспортирует высокотехнологичных товаров и услуг, тем динамичнее растет высокотехнологичный сектор и его вклад в экономику, что в настоящее время остается основным драйвером роста ВВП большинства развитых стран мира, а также ряде развивающихся стран, например КНР (Хэ и др., 2020). Доля *high-tech*-экспорта в общем экспорте производственной продукции из Российской Федерации сократилась с 12% в 2014 г. до 9,7% в 2023 г. — почти на 20%, в то же время по данным *World Bank*, доля *high-tech*-экспорта Израиля выросла с 19 до 35%, увеличившись на 80%. На десятилетнем периоде, возможно, на долю высокотехнологичного экспорта влияет рост экспорта в абсолютном выражении, и если страна экспортирует в целом товаров и услуг больше, то падение доли *high-tech*-экспорта не так критично, но не в данном случае. По данным ЦБ России, экспорт из Российской Федерации в 2014 г. составлял 550 млрд долларов, а в 2024 г. оценивался в 475 млрд долларов (ЦБ России, 2024), соответственно, падение доли высокотехнологичного экспорта при снижении всего экспорта в абсолютном выражении дает еще более пессимистичную оценку положению дел в части *high-tech*-товаров и услуг, поставляемых Россией на мировой рынок.

6. Оценка места (ранга) страны в мировых рейтингах стартап-экосистем «*StartupGenome*» и «*StartupBlink*» является косвенным индикатором развитости венчурной экосистемы внутри страны. Стартап-экосистема России в 2019 г. занимала 15-е место в мировом рейтинге, а в 2024 г. — 35-е место, в то же время экосистема Израиля за 5 лет перешла с 4-го на 3-е место в мире, уступая лидерство только Кремниевой долине в США и Сингапуру. Оба мировых рейтинга стартап-экосистем также принимают во внимание десятки параметров, определяющих привлекательность страны как для стартапов, так и для венчурных фондов. Учитывая, что история формирования рейтингов доступна относительно недавно и на постоянной основе рейтинги стали формироваться всего 5 лет назад, лидерство Израиля не подлежит сомнению, равно как и отставание России от других стран мира в условиях их привлекательности венчурной экосистемы, создаваемых для стартапов и венчурных фондов.

7. Не менее, а может быть и более, важным фактором привлекательности венчурной экосистемы в стране является государственная поддержка инноваций. Как показывает опыт

Израиля, заключаться она должна не столько в прямом финансировании инноваций, сколько в косвенных мерах поддержки, делающих организацию стартапа и венчурные инвестиции делом менее рискованным, и значит, более выгодным для частных экономических агентов. Но с точки зрения арифметики и влияния на привлекательность экосистемы в одной стране относительно других стран нужно анализировать **государственные расходы на НИОКР**, которые с одной стороны оказывают непосредственное влияние на развитие технологического сектора и привлекательность экосистемы инноваций для всех ее участников, с другой стороны показывают степень сформированности рынка венчурных инвестиций.

В России в 2014 и 2024 гг., по данным Мирового банка, доля государственных инвестиций в НИОКР составляла 69% и 68% соответственно, но при отсутствии роста инвестиций в НИОКР в стране в целом можно сделать вывод, что степень влияния государства на поддержку инвестиций в новые технологии не изменилась. Для сравнения в Израиле доля государственных инвестиций в 2024 г. снизилась до 9% от общих инвестиций в НИОКР по сравнению с 13% в 2014 г. на фоне увеличения общих инвестиций до 6% ВВП. Это свидетельствует о двух тенденциях: 1) государство в Израиле уже давно не главный финансовый агент венчурной экосистемы и нагрузка на государственный бюджет в части прямой поддержки инновационного процесса минимальна, 2) государство в лице основного органа Управления Инноваций Израиля (ИИ) не смотря на то, что его инвестиции легко могут быть замещены частными венчурными фондами, продолжает вкладываться в те сектора технологий, которые частным инвесторам не интересны по причине высоких рисков, долгой окупаемости инвестиций либо низкого возврата на вложенный капитал.

8. Одним из важнейших драйверов развития технологий является **предпринимательская активность**. Качество предпринимательской среды в странах мира оценивает уже более 20 лет международная исследовательская организация *GEM Consortium* (*GEM Consortium*, 2025). Измеряется множество параметров в каждой стране мира, которые влияют на результат — развитие индекса предпринимательской активности, являющегося движущей силой инноваций в том числе. По оценке *WIPO* на основании данных *GEM*, ранг России по предпринимательской среде снизился с 55-го места в мире в 2014 г. до 107-го места в 2024 г., для сравнения: тот же рейтинг показывает снижение места Израиля с 30-го до 49-го места в 2024 г. по сравнению с 2014 г. Очевидно, что критического ухудшения условий для предпринимателей не произошло за это время ни в России, ни в Израиле, но зато произошли критические улучшения условий для ведения предпринимательства в других странах мира, которые и поднялись в мировой таблице о рангах на десятки мест вверх. В частности, многие страны из географических кластеров Ближнего Востока и Восточной (Юго-Восточной) Азии сделали значительный прорыв в рейтингах в части создания привлекательной среды для малых технологических компаний и предпринимателей в целом.

9. **Образование и система университетов в стране** имеют критический характер влияния на развитие технологического сектора через формирование потока НИОКР, взаимодействие с корпорациями, подготовку кадрового резерва для технологической индустрии и непосредственное участие в развитии стартапов и технологий через систему технологического трансфера. По уровню университетов в мировой таблице о рангах используемой *WIPO* — это *Quacquarelli Symonds* — QS мировой рейтинг университетов (*QS World University rankings*, 2024). В 2024 г. Россия по данному параметру заняла 29-е место, что ниже, чем в 2014 г., когда она занимала 25-ю строчку мирового рейтинга. Израиль за эти годы потерял в рейтинге намного больше мест, переместившись с 21-го на 34-е место в мировой

табели. Проанализировав первую двадцатку стран по данному параметру, отражающему рейтинг ТОП–3 университетов страны в топ 1000 университетов мира, нельзя не отметить рост количества азиатских университетов — из Китая, Гонг-Конга, Тайваня и Сингапура, которые медленно, но верно с каждым годом увеличивают отрыв в рейтинге от университетов других стран.

10. Роль МНК в мировом технологическом прогрессе и состоянии технологий в отдельных странах стала сопоставима с ролью государств или даже групп государств, поскольку суммы ежегодных инвестиций в НИОКР крупнейших мировых корпораций в 4–20% от выручки не уступают, а часто даже и превосходят суммы инвестиций отдельных государств в НИОКР. Но нужно отметить, что МНК действуют глобально, а значит, их инвестиции распределяются также глобально на все континенты и страны, где есть их центры НИОКР. Соответственно, чем больше в стране центров НИОКР открытых МНК, тем больше приходит в страну инвестиций на НИОКР из глобального бюджета каждой МНК. Данную зависимость прекрасно поняли в Израиле более 30 лет назад, когда еще МНК только начинали формировать свой глобальный ландшафт, и воспользовались этим пониманием в полной мере. На сегодня более 500 центров НИОКР открытых глобальными МНК со всех континентов действуют в Израиле и ведут разработки с привлечением глобальных бюджетов НИОКР материнских компаний, получая трансферты из головных офисов корпораций и возвращая новые технологии, которые затем могут эффективно использоваться МНК во всей мировой географии присутствия, продавая как свои товары и услуги. Россия по оценкам рейтинга *WIPO* с 29-го места в 2014 г. по уровню инвестиций МНК переместилась на 41-е место в 2024 г., тогда как Израиль с 19-го места переместился только на 23-е место. Нужно опять отметить растущую роль азиатских стран в количестве и качестве открываемых НИОКР–центров МНК, но не только потому, что это делают в Азии МНК развитых стран, но и потому, что МНК стали появляться в самих азиатских странах (происходить из них) в большом количестве, и они же на своих домашних рынках лидируют по количеству как НИОКР–центров, так и инвестиций в НИОКР внутри своих стран либо в рамках региона. Россия не находится в лидерах среди стран, где инвестируют глобальные МНК, по причине высокого риска таких инвестиций, и риски страны перевешивают возможные доходности от вложений для глобальных офисов МНК, когда они принимают решение об инвестициях по странам мира, формируя свои ежегодные бюджеты на НИОКР. Изменить данное позиционирование будет возможно для России после снижения уровня своего странового риска, что сделает экосистему страны привлекательной для мировых МНК и позволит улучшить динамику инвестиций.

Подводя итог оценке факторов инвестиционной привлекательности России и Израиля (как бенчмарка) в 2024 г. по отношению к 2014 г., можно отметить следующие факты:

1) Итоговая оценка привлекательности венчурной экосистемы России в 2024 г. к 2014 г. снизилась на 3 процентных пункта — с 0,11 до 0,08.

2) Итоговая оценка привлекательности системы Израиля увеличилась на 2 процентных пункта — с 0,18 до 0,20, что ставит страну в ряд мировых лидеров.

Проведенный анализ факторов привлекательности венчурной экосистемы России показывает, что страновой риск в текущем моменте влияет на результат, но в большей степени на него влияет ориентация государственного управления и целевых программ интенсификации развития технологической индустрии внутри страны, с учетом мировых практик и достижений. Безусловно у каждой страны свой собственный путь и траектория, по которой она движется в рамках мировой кооперации к своему экономическому статусу, но,

как показывает опыт Израиля, Сингапура, Тайваня и многих других стран, достигших прорыва в технологиях и создавших таким образом новую растущую часть своей экономики, ничего невозможного в этом нет — нужно выработать, с учетом положения и преимуществ страны, принять и осуществлять целенаправленную, рассчитанную на десятилетия программу инвестиций и поддержки венчурной экосистемы внутри и вне страны для достижения заметных на мировом уровне успехов в технологиях и инновациях.

Анализ возможности создания совместного Российско-Израильского фонда прямых венчурных инвестиций

Рассуждая о возможностях совместного инвестирования в технологии Израиля и Российской Федерации, стоит отметить, что диалоги на эту тему ведутся уже более 20 лет, как в рамках межправкомиссии, начавшей свою деятельность еще в 1995 г., которая данный вопрос делегирует соответствующим агентствам стран, так и в рамках общественных структур, таких как Российско-Израильский Деловой Совет и торгово-промышленные палаты. Но анализ практики совместных инвестиций 2-х стран в технологические компании не выходит за рамки нескольких попыток организации соответствующих фондов. Одной из таких попыток был Российско-Израильский фонд содействия инвестициям, созданный по решению межправкомиссии как аналитическо-совещательная структура, без реальной инвестиционной деятельности, и действовавший с 2007 по 2017 гг. Были попытки и со стороны российских государственных инвестиционных институтов развития, таких как РВК и Роснано, создать совместные инвестиционные фонды с израильскими венчурными фондами, в частности Роснано привлекала известный израильский фонд *Catalyst* в 2011 г. к созданию совместного российско-израильского венчурного фонда, но поиск финансирования с израильской стороны не увенчался успехом. Российские ученые и исследователи неоднократно выдвигали идеи о создании совместных российско-израильских инвестиционных структур, в частности, в исследованиях Марьясиса Д. А. (2016а; 2016в; 2017) упоминается концепция «треугольников», которую автор предлагал рассматривать в рамках деятельности Российско-Израильского делового совета. Концепция подразумевала, что кроме России и Израиля в формате совместного фонда НИОКР необходимы такие партнеры, как США, которые могут предоставить доступ участникам фонда к инвестиционному капиталу, либо одна из арабских стран, которая является заинтересованным партнером с точки зрения получения доступа к высоким технологиям, разработанным в Израиле, для дистрибуции на мировых рынках, либо к производственным мощностям в Российской Федерации для организации производства высокотехнологичной продукции.

Автор с точки зрения темы своего исследования видит потенциал для создания совместного Российско-Израильского фонда прямых венчурных инвестиций по ранее апробированной модели совместных фондов, которые были созданы десятилетия назад Израилем совместно с правительствами США, ЕС, Сингапура, Японии и других стран.

Наиболее перспективной автору видится модель двухстороннего фонда НИОКР, по примеру Израильско-Американского Двухстороннего Фонда НИОКР «*Israel-US Binational Industrial Research and Development Foundation*» (*BIRD*) (*BIRD Foundation*).

Для формулировки предложения о возможной конструкции Российско-Израильского фонда целесообразно рассмотреть в качестве образца основные принципы работы, цели и результаты, достигнутые Израилем и США, на примере фонда *BIRD*.

Итак, фонд *BIRD* был создан в 1977 г. правительствами Израиля и США для финансирования стартапов и научно-исследовательских организаций в сфере высоких технологий из двух стран. Основными задачами фонда были определены поиск технологических партнеров для совместных проектов в Израиле и США и предоставление грантов для НИОКР совместных проектов компаний из двух стран в сумме не более 50% бюджета проекта и с ограничением до 1,5 млн долларов на один проект.

Технологические сектора, в которые фонд может и заинтересован инвестировать, согласно мандату выданного правительствами: высокотехнологичное производство, агротехнологии, чистые технологии, энергетика и окружающая среда, коммуникации, строительные технологии, кибербезопасность, электроника, финтех, пищевые технологии, технологии в здравоохранении, науки о жизни, нанотехнологии, полупроводники, программное обеспечение, водоснабжение и некоторые другие технологические секторы.

Ежегодно *BIRD* финансирует от 10 до 30 инновационных проектов, при этом с начала своей деятельности в 1977 г. фонд уже профинансировал более 1000 проектов, общие продажи новых технологий, разработанных этими проектами в 2024 г., превысили сумму в 5 млрд долларов.

Участие фонда *BIRD* основывается на следующем принципе инвестирования: когда фонд предоставляет финансирование проекту, он не получает в обмен доли в акционерном капитале проекта, но при этом получает гарантию, что в случае успешной коммерческой реализации результатов НИОКР проекта в виде продаж товаров или услуг, фонд получит возврат своих вложений в виде роялти с продаж в сумме от 100 до 150% проинвестированных фондом в проект. Таким образом, условия, предлагаемые фондом для стартапов и корпораций, занимающихся НИОКР, являются весьма привлекательными — фонд не претендует на долю в капитале, но, по сути, берет на себя основной риск инвестора в НИОКР, который заключается в том, что понесенные частным инвестором затраты на разработку инновационного продукта не смогут быть коммерциализированы и возмещены, то есть в случае, если НИОКР профинансированный *BIRD*, не выйдет по любым причинам на стадию коммерческой реализации, частные инвесторы, будь то стартап либо корпорация, не будут обязаны возвращать финансирование *BIRD*.

Принцип выбора компаний для инвестиций совместного Израильско-Американского фонда заключается в том, что любая пара компаний из Израиля и США, имеющая совместную идею или проект, может подать в фонд заявку на финансирование НИОКР. Условие — продемонстрировать фонду, что совместная разработка, производство, продажи и поддержка проекта на основе НИОКР позволят коммерциализировать его и вывести на международный рынок. Каждая из сторон при этом будет выполнять свою часть работ, связанных с НИОКР, и свою часть работ, связанных с коммерциализацией разработки. Готовность партнеров из Израиля и США разделить риски между собой, связанные как с разработкой, так и с коммерциализацией продукта, является одним из ключевых факторов оценки проектов со стороны *BIRD*. Решения об одобрении либо отклонении заявок на финансирование проектов принимается советом директоров *BIRD*, который собирается раз в полгода и рассматривает заявки.

Ограничением при подаче заявки на проект в *BIRD* от заявителей является их неаффилированность, иными словами, ни у той, ни у другой стороны не должно быть более 50% доли в капитале другой стороны. Если обе стороны являются публичными компаниями,

либо проинвестированы одним и тем же венчурным частным фондом, это не является ограничением для подачи заявки в *BIRD*.

Схема инвестиций со стороны *BIRD* в компании — участники проекта, представлена на рис. 1.

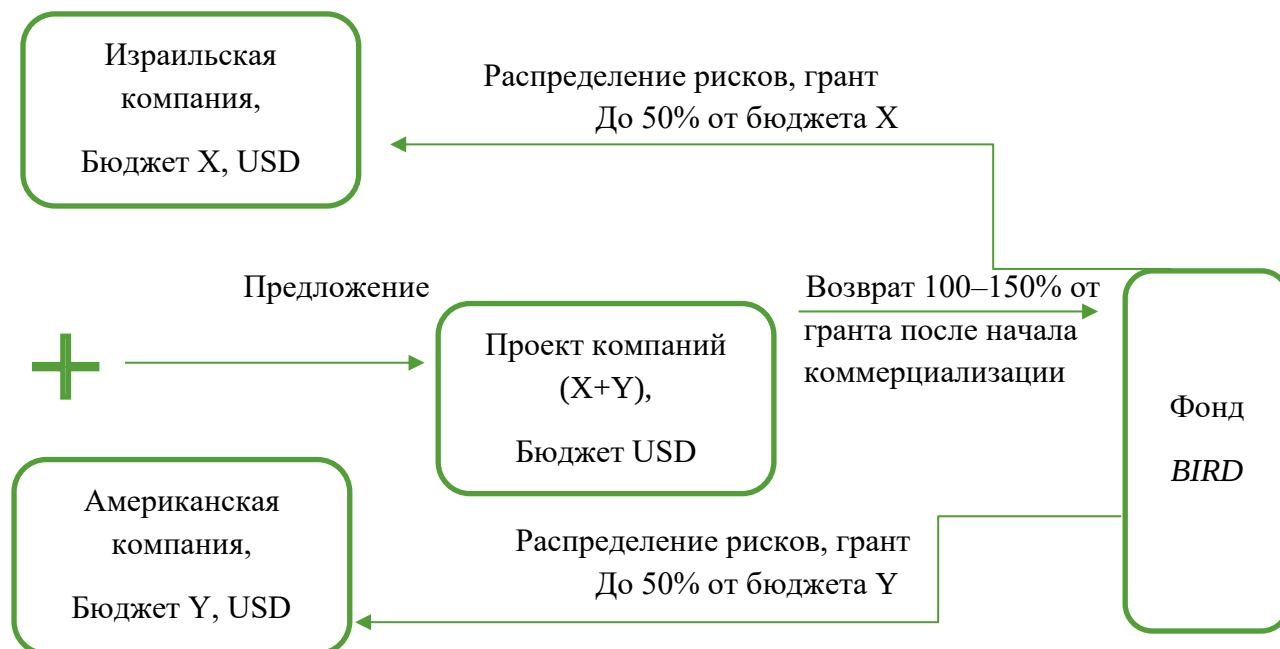

Рис. 1. Схема финансирования совместных проектов НИОКР фондом *BIRD*.

Источник: составлено автором по данным *BIRD Foundation*.

Создаваемый продукт в результате реализации проекта НИОКР должен быть защищен правами на интеллектуальную собственность, содержать существенную технологическую новизну и быть предназначен для перспективного, растущего, в идеале глобального, рынка. Проект, предлагаемый в *BIRD* для финансирования, должен иметь обозримые сроки реализации, с датой начала в момент одобрения заявки фондом, и продолжительностью периода разработки до стадии сертификации и коммерциализации из расчета не более 3–4 лет. Обе компании — участники проекта должны иметь в своих странах необходимые компетенции, связанные с проведением НИОКР и последующей коммерциализацией проекта, будь то лаборатории, производственные мощности и система сбыта. Оба партнера должны вносить свой вклад в разработку и интеллектуальную собственность проекта, но их вклад не обязательно должен быть равным, при этом доля каждой стороны не может быть меньше 30%. Производство может быть основано по соглашению между участниками проекта в любом месте, или передано подрядчикам, а маркетинг и продажи должны быть разделены между партнерами, и у них должна быть возможность реализовать коммерциализацию как минимум в согласованной географии. Бюджет проекта рассчитывается участниками и предоставляется на рассмотрение в *BIRD*, причем фонд рассматривает все возможные расходы на НИОКР, включая трудозатраты, материалы, субподрядчиков, консультантов, оборудование, и расходы на маркетинг. Бюджет должен охватывать всю продолжительность проекта. В случае положительного решения совета директоров по заявке на финансирование проекта *BIRD* разделит грант на 2 части, и каждая сторона получит свою часть гранта на реализацию НИОКР. Грант выплачивается фондом раз в 6 месяцев на основании предоставленного каждой

стороной отчета о проделанной работе и финансового отчета о понесенных затратах на проект. Возврат гранта фонду осуществляется участниками проекта только после начала получения дохода (не прибыли) от реализации проекта, при этом в зависимости от количества лет после старта коммерциализации возвращается от 100 до 150% суммы гранта. Возврат суммы гранта рассчитывается как 5% с полученных от проекта доходов и должен быть осуществлен в первый год после начала коммерциализации проекта, плюс в случае расширения лицензирования любым из участников проекта 30% от дополнительных доходов от лицензии, либо в случае продажи лицензии третьей стороне — 50% от полученного дохода. Если доходы от проекта не позволяют сторонам в установленные сроки обеспечить возврат суммы гранта фонду, то участники проекта могут запросить увеличение сроков возмещения. После 5-го года с момента коммерциализации проекта увеличения долга свыше 150% от суммы гранта уже не производится. Если участники проекта по собственной воле захотят погасить грант фонду досрочно, это допускается. В случае, если в ходе коммерциализации проекта не будут достигнуты параметры дохода, по технологическим либо маркетинговым причинам, фонд не будет истребовать сумму предоставленного гранта от сторон. Таким образом осуществляется разделение рисков неудачи проекта между сторонами и фондом. Предоставляя грант, фонд, по сути, берет на себя 50% затрат, риск неудачи проекта на сумму данных затрат и не требует взамен ни гарантий возврата в случае неудачи, ни долю в акционерном капитале, ни прав на интеллектуальную собственность, разработанную проектом. С точки зрения учета, грант для получающих его компаний является внебалансовым доходом, уменьшающим расходы на НИОКР, а возврат гранта оформляется как расходы на роялти. Обе транзакции являются частью баланса доходов и расходов, но сам грант не регистрируется как обязательство, а значит, не оказывает влияния на баланс участников проекта. Важно, что согласно законодательству, возврат гранта разрешено учитывать как расходы до налогообложения, таким образом уменьшая налоговую базу по корпоративным налогам. Такой способ оформления гранта и отражения его в финансовом учете сделал систему привлекательной как для частных, так и публичных компаний.

Рассмотрение поступающих в фонд *BIRD* проектов в конфиденциальном формате проводят эксперты в части инноваций, НИОКР, и венчурного бизнеса, представляющие интересы учредителей Фонда — Национального Института Стандартов и Технологий (*NIST*) со стороны США и Управления по Инновациям Израиля (*IIA*), что является дополнительной гарантией перспективности предлагаемых к финансированию проектов. Знакомство и аудит участников проекта со стороны экспертов также влияет на уверенность сторон при создании совместного предприятия для разработки НИОКР.

В совет директоров фонда *BIRD* со стороны США входят Директор *NIST*, Директор Ближневосточного Бюро Казначейства США, Заместитель директора по научно-техническому сотрудничеству Госдепартамента США. Со стороны Израиля в совете директоров *BIRD* участвуют Главный Ученый, Министерства Инноваций, Науки и Технологий, Директор Управления Инноваций Израиля *IAA*, Министр финансов, Министр Экономики и Промышленности. Как видно, уровень входящих в совет директоров фонда *BIRD* чиновников со стороны Израиля значимо выше, чем со стороны США, что в целом логично и отражает важность данного Фонда и его мероприятий для поддержки стартапов и НИОКР в Израиле.

Центральный офис фонда *BIRD* находится в Израиле, в Тель-Авиве, штатная структура включает 10 сотрудников, остальные консультанты фонда и зарубежные представители в США. Совет директоров собирается 2 раза в год, с целью рассмотрения поступивших заявок

от стартапов и корпораций из всех технологических секторов, и принимает решение о финансировании либо отказе в заявке.

Отдельно были учреждены в рамках *BIRD* 3 отраслевые совета директоров, которые собираются один раз в году и рассматривают заявки из профильных секторов:

- *BIRD Energy*, рассматривает заявки на новые технологии в энергетике, с привлечением Министерства энергетики США и Министерства энергетики Израиля;
- *BIRD HLS (Homeland security)*, рассматривает новые технологии в обеспечении безопасности, с привлечением Министерства внутренней безопасности США и Министерства общественной безопасности Израиля;
- *BIRD Cyber*, рассматривает проекты в сфере технологий кибербезопасности, с привлечением Министерства внутренней безопасности США и Дирекции по кибербезопасности Израиля.

Независимую оценку результатов работы фонда, начиная с 1977 г., проводили несколько раз, наиболее содержательная оценка влияния фонда на развитие технологий и НИОКР в Израиле и США была проведена в 2020 г. и охватывала шестнадцатилетний период — с 2002 по 2018 гг. (*BIRD Impact Study*, 2020).

Из ключевых достижений фонда *BIRD*, согласно проведенной оценке 2020 г., стоит отметить следующие:

- 50% участников отметили высокую степень НИОКР в рамках своего проекта под эгидой фонда;
- 67% участников ответили, что созданные в проекте под эгидой фонда технологии носят прорывной характер;
- 75% участников проектов продолжили отношения (совместный бизнес) после окончания работы над совместным проектом под эгидой фонда;
- 63% участников оценили качество партнерских взаимоотношений и поддержки в рамках проекта как высокие;
- >20% участников стартапов из США и свыше 60% участников стартапов из Израиля, остальные участники — уровня корпораций.
- Основные технологических сектора, составляющие более половины одобренных проектов фонда — здравоохранение, телекоммуникации, электроника и программное обеспечение.
- 40% проектов учреждены Израильскими стартапами и корпорациями из США, 50% проектов учреждены стартапами из 2-х стран, 10% проектов учреждены стартапами из США и корпорациями из Израиля.

• Гранты фонда с разделением ответственности позволяют инвестировать в высокорисковые разработки, но при этом не заменяют частные инвестиции и не снижают вероятность их привлечения, поскольку фонд не получает долю в капитале в обмен на грант.

В годовом отчете фонда *BIRD* по итогам работы за 2024 г. подведены результаты деятельности, которые демонстрируют эффективность двухстороннего инвестирования в стартапы Израилем и США (*BIRDF Annual Report* 2024):

- с момента основания фонд *BIRD* получил 341 млн долларов процентного дохода от фонда целевого капитала (*endowment fund*);
- с момента основания фонд *BIRD* получил 117 млн долларов выплат роялти от проектов, которым были выделены гранты;

- накопленная сумма грантов фонда достигла уровня 406 млн долларов, при среднегодовой сумме предоставляемых грантов в 10 млн долларов;
- количество проинвестированных проектов достигло 1081 компаний, из которых 505 осуществляют выплаты роялти фонду от реализованных проектов;
- накопленные кумулятивно прямые продажи продуктов НИОКР и интеллектуальной собственности достигли 5,33 млрд долларов.

Рассмотрев ключевые принципы и результаты работы организации одного из наиболее успешных примеров организации двухстороннего фонда, автору видится целесообразным следующая концепция организации аналогичного фонда Российской Федерации и Израиля.

- В рамках действующей межправкомиссии Российской Федерации и Израиля вынести на рассмотрение и принять рекомендацию об организации двухстороннего инвестиционного фонда венчурных инвестиций в НИОКР;
- Россия и Израиль в лице правительств внесут в уставный капитал фонда целевые средства в сумме не менее 100 млн долларов от каждой страны;
- Целями создания фонда должна стать поддержка инновационных проектов, требующих высокорискового финансирования НИОКР, при наличии двух заинтересованных компаний — из Российской Федерации и Израиля;
- В совет директоров Фонда должны войти представители из правительства Израиля уровня Министра финансов и Министра инноваций, науки и технологий, и из правительства России уровня Министра финансов и Министра цифрового развития;
- Принцип финансирования проектов совместного фонда принять по аналогии с проверенным на практике фондом *BIRD*: предоставлять гранты проектам на сумму до 50% затрат на НИОКР с ограничением суммы до 1,5 млн долларов на возвратной основе при условии достижения коммерциализации результатов проекта и получения выручки от продаж;
- Российско-Израильскому инвестиционному фонду венчурного финансирования НИОКР необходимы 2 офиса, в Москве и Тель-Авиве, и штат квалифицированных экспертов для поиска, отбора и оценки заявок от российских и израильских компаний на финансирование НИОКР;
- Офисы фонда будут искать перспективные и заинтересованные стартапы в Израиле и России, которые за счет совместной разработки и коммерциализации НИОКР смогут достичь прорывных инновационных технологий;
- Приоритетными направлениями, технологическими секторами для Российско-Израильского фонда должны быть определены важные для двух стран направления научно-технологического развития, такие как: искусственный интеллект, кибербезопасность, космические технологии, агротехнологии, робототехника, энергетика.

В качестве экспертной группы к отбору проектов для Российско-Израильского инвестиционного фонда необходимо привлечь специалистов Управления Инноваций Израиля (IAA), Министерства цифрового развития РФ; с точки зрения дальнейшей коммерциализации и увеличения вклада частных инвесторов в проекты под эгидой фонда можно привлечь частные венчурные фонды Израиля, частные венчурные фонды из Российской Федерации, в случае крупных инфраструктурных проектов — Российский Фонд Прямых Инвестиций (РФПИ).

Выгоды для Израиля и Российской Федерации от создания совместного инвестиционного фонда венчурного финансирования инноваций будут заключаться в следующем:

- Увеличение проектов и НИОКР в прорывных областях науки, с потенциалом коммерциализации не только на ограниченных рынках двух стран, но и на глобальном уровне;
- Развитие международной кооперации в области технологий позволит эффективно использовать опыт развитой венчурной экосистемы Израиля и задел советской и российской фундаментальной науки для создания работающих прототипов и технологий, с потенциалом продаж на мировых рынках;
- Развитие стартапов Российской Федерации и Израиля на условиях возвратного финансирования, без предоставления фонду доли в капитале проектной компании и с льготным налогообложением затрат, понесенных на инвестиции в НИОКР, создаст прецедент государственного участия в стимулировании роста технологических стартапов двух стран;
- Двухсторонний государственный фонд выступит гарантом рискованных прорывных проектов для частных венчурных инвесторов Израиля и России, снизив за счет своего финансирования выбранных проектов риски участников от неполучения возврата инвестиций в НИОКР;
- Для израильских компаний Фонд сможет предоставить квалифицированный доступ к базам технологических стартапов и их идей в России, технологическим проектам крупных российских компаний, таких как Сбер, Яндекс, Озон, ВК, Авито и других, акселераторам российских технологических университетов таких как МГУ, МФТИ, Бауманский технологический университет, развивающим НИОКР–проекты;
- Для российских компаний Фонд сможет предоставить возможность поиска технологических партнеров среди израильских стартапов и технологических корпораций, заинтересованных в совместной разработке НИОКР, фондам технологического трансфера израильских университетов, венчурным фондам Израиля финансирующим НИОКР проекты в перспективных секторах.

Заключение

Оценивая текущие позиции России в мировых рейтингах венчурных экосистем стран мира, необходимо отметить кардинальное несоответствие рангов Российской Федерации в рейтингах ее потенциалу, как научно-техническому, так и экономическому, в части мировых технологий. Наличие в России устойчивой производственной, научно-технической, образовательной базы является основой для формирования венчурной экосистемы в стране и роста технологического сектора экономики в части его вклада в ВВП, в доходную часть бюджета и уровень благосостояния населения. Необходимым и обязательным условием развития технологий в Российской Федерации является формирование пула стартапов (малых технологических компаний) в ключевых секторах инноваций мира, таких как технологии искусственного интеллекта, новые материалы, биотехнологии, робототехника, квантовые технологии, чистые и глубокие технологии, а также формирование индустрии венчурных фондов, оперирующих частным капиталом с государственной поддержкой и последовательно инвестирующих в стартапы на всех стадиях роста.

Опыт Израиля в части формирования как «спроса» так и «предложения» в части венчурной экосистемы уникален и применим в других странах, в частности, анализ автора показал, что Россия может применить подходы и стратегии в части государственной поддержки создания индустрии венчурных фондов, в части поддержки стартапов на ранних стадиях через технологические инкубаторы, гранты на НИОКР, гранты на коммерциализацию

ННОКР для университетов и корпораций, в части создания двухсторонних межгосударственных фондов венчурных инвестиций в инновации. Смотри в будущее международной кооперации технологического сектора России и Израиля, можно найти много общих проектов ННОКР, которые при поддержке правительств двух стран могут обеспечить выход на новые технологические рубежи. Немаловажным фактором должна являться и стратегия долгосрочной поддержки стартапов, поскольку разработка технологий требует зачастую многолетних усилий от команды стартапа, финансирования со стороны венчурных фондов на горизонте 5–8 лет и возможностей коммерциализации технологий на глобальных рынках. Именно в этих вопросах Израиль преуспел намного больше, чем Россия за последние 30 лет, и инициация совместного двухстороннего фонда инвестиций в большей степени должна быть в интересах Российской Федерации, чтобы перенять передовой мировой опыт построения венчурной экосистемы и коммерциализации технологий.

Список литературы

1. Абожик А. С., Реснянская В. К. (2022) Анализ моделей развития венчурной экосистемы на примере России и Китая / Общество и экономика знаний, управление капиталами: цифровая экономика знаний : Материалы XII Международная научно-практическая конференция, Краснодар, 27–28 мая 2022 года. Краснодар: Кубанский государственный университет. С. 313–324. [Abozhik A. S., Resnyanskaya V. K. (2022) Analysis of development models of the venture ecosystem on the example of Russia and China / Society and knowledge economy, capital management: digital knowledge economy: Proceedings of the XII International scientific and practical conference, Krasnodar, May 27–28, 2022. Krasnodar: Kuban State University. Pp. 313–324. (In Russian).]
2. Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. Р. (2015) Системы управления обучением как фактор повышения конкурентоспособности российских вузов // Alma Mater (Вестник высшей школы). № 6. С. 63–68. [Aidrous I. A. Z., Asmyatullin R. R. (2015) Learning management systems as a factor in increasing the competitiveness of Russian universities // Alma Mater (Bulletin of Higher Education). No. 6. Pp. 63–68. (In Russian).]
3. Венчурная Евразия. Итоги 2024 г. [Venture Eurasia. Results of 2024. (In Russian).] URL: <https://b1.ru/upload/sprint.editor/8fa/1zo4ou00wwi9gfjsv2828vq2rwy7ho5r/b1-dsight-venture-eurasia-2024-results-review.pdf>
4. Ворожихин В. В. (2023) Экосистема Россия: путь к конкурентоспособности и технологическому суверенитету // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 241. № 3. С. 262–271. [Vorozhik V. V. (2023) Ecosystem Russia: the path to competitiveness and technological sovereignty // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. Vol. 241. No. 3. Pp. 262–271. (In Russian).] DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-262-271.
5. Глазьев С. С. (2021) Проблемы и перспективы развития институтов венчурного капитала в России // Российский экономический журнал. № 3. С. 81–103. [Glazyev S. S. (2021) Problems and Prospects for the Development of Venture Capital Institutions in Russia // Russian Economic Journal. No. 3. Pp. 81–103. (In Russian).] DOI: 10.33983/0130-9757-2021-3-81-103.
6. Дуненкова Е. Н., Лысова Е. А. (2020) Венчурные экосистемы России и США: сравнительный анализ // Вестник университета. № 12. С. 95–102. [Dunenikova E. N., Lysova E. A. (2020) Venture capital ecosystems of Russia and the USA: a comparative analysis //

Bulletin of the University. No. 12. Pp. 95–102. (In Russian).] DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-95-102.

7. Ларионов А. С. (2024) Венчурные инвестиции в Израиле: влияние на экономику и технологическое развитие // Финансовый журнал. Т. 16. № 4. С. 114–133. [Larionov A. S. (2024) Venture capital investments in Israel: impact on the economy and technological development // Financial Journal. Vol. 16. No. 4. Pp. 114–133. (In Russian).] DOI: 10.31107/2075-1990-2024-4-114-133.

8. Ларионов А. С. (2025) Роль государства в создании и развитии экосистемы венчурных инвестиций, стартапов и технологических инноваций в экономике Израиля // Финансовый журнал. Т. 17. № 2. С. 100–121. [Larionov A. S. (2025) The role of the state in the creation and development of an ecosystem of venture investments, startups and technological innovations in the Israeli economy // Financial Journal. Vol. 17. No. 2. Pp. 100–121. (In Russian).] DOI: 10.31107/2075-1990-2025-2-100-121.

9. Марьясис Д. А. (2016а) Формирование и развитие кластера венчурного инвестирования. Пример Израиля // Финансы и бизнес. № 3. С. 92–106. [Maryasis D. A. (2016a) Formation and development of a venture investment cluster. The example of Israel // Finance and business. No. 3. Pp. 92–106. (In Russian).]

10. Марьясис Д. А. (2016в) Перспективы российско-израильского сотрудничества в сфере инноваций / Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов, Д. В. Ефременко. Вып. 11. Ч. 1. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН. С. 299–303. [Maryasis D. A. (2016b) Prospects of Russian-Israeli cooperation in the field of innovation / Russia: trends and development prospects : Yearbook / RAS. INION. Scientific Department cooperation; Edited by V. I. Gerasimov, D. V. Efremenko. Is. 11. Part 1. Moscow : Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, pp. 299–303. (In Russian).]

11. Марьясис Д. А. (2017) Возможности трансформации системы государственной поддержки развития инноваций. Опыт Израиля // Экономическая политика. Т. 12. № 5. С. 80–103. [Maryasis D. A. (2017) Possibilities of transforming the system of state support for innovation development. The Israeli experience // Economic policy. Vol. 12. No. 5. Pp. 80–103. (In Russian).] DOI: 10.18288/1994-5124-2017-5-05.

12. Марьясис Д. А. (2019) Проблемные зоны в системе инновационной экономики Израиля и возможные варианты их устранения // Восточная аналитика. № 3. С. 70–98. [Maryasis D. A. (2019) Problem areas in the Israeli innovation economy system and possible ways to eliminate them // Oriental Analytics. No. 3. Pp. 70–98. (In Russian).]

13. Марьясис Д. А. (2021) Россия и Израиль: проблемы и перспективы двустороннего экономического и научно-технического сотрудничества // Россия и Азия. № 1 (15). С. 80–91. [Maryasis D. A. (2021) Russia and Israel: Problems and Prospects of Bilateral Economic and Scientific-Technical Cooperation // Russia and Asia. No. 1(15). Pp. 80–91. (In Russian).]

14. Министерство экономического развития Российской Федерации. Стратегические документы в сфере инновационного развития, 2025. [Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Strategic documents in the field of innovative development, 2025. (In Russian).] URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/strategicheskie_dokumenty_v_sfere_innovacionnogo_razvitiya/

15. Обзор. Венчурные инвестиции 2024. [Review. Venture capital investments 2024. (In Russian).] URL:<http://www.rvca.ru/upload/files/lib/RVCA-yearbook-2023-Russian-PE-and-VC-market-review-ru.pdf>
16. Приоритет науки: почему Китай стал одним из мировых R&D лидеров (2022) [Priority of Science: Why China has become one of the World's R&D Leaders (2022) (In Russian).] URL:<https://daily.hse.ru/post/prioritet-nauki-pochemu-kitay-stal-odnim-iz-mirovyh-rd-liderov>
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р [Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/20/2023 No. 1315-r. (In Russian).] URL:<http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050>
18. Федорченко А., Марьясис Д., Мельвиль А. (2006) Научно-технический комплекс России и Израйля: возможности взаимодействия / Сер. Аналитические доклады. Т. 7 (12). Москва. [Fedorchenko A., Maryasis D., Melville A. (2006) Scientific and technical complex of Russia and Israel: possibilities of interaction / Ser. Analytical reports. Vol. 7 (12). Moscow. (In Russian).]
19. Хэ М., Шкваря Л. В., Ван С. (2020) Китай: социально-экономическое развитие и внешняя торговля // Азия и Африка сегодня. № 11. С. 11–16. [He M., Shkvarya L. V., Wang S. (2020) China: socio-economic development and foreign trade // Asia and Africa today. No. 11. Pp. 11–16. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750012178-7
20. ЦБ России. Статистика внешнего сектора (2025) [The Central Bank of Russia. External sector statistics (2025) (In Russian).] URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ets/
21. Шкваря Л.В. (2010) Инновационное развитие Российской Федерации в контексте участия в межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 г. // Инновации. № 11 (145). С. 11–14. [Shkvarya L. V. (2010) Innovative development of the Russian Federation in the context of participation in the interstate program of innovative cooperation of the CIS member states for the period up to 2020 // Innovations. No. 11 (145). Pp. 11–14. (In Russian).]
22. Angular Ventures, Enterprise Deep tech Europe & Israel Data 2021. URL: <https://medium.com/angularventures/enterprise-deep-tech-vc-in-europe-israel-2021-43b35512f43>
23. Atkinson R. D., Ezell S. J. (2012) Innovation Economics. The Race for Global Advantage. New Heaven, Yale University Press.
24. Avnimelech G., Teubal M. (2003) Evolutionary Venture Capital Policies: Insights from a Product Life Cycle Analysis of Israel's Venture Capital Industry / Working Paper Series STE-WP-20, Samuel Neuman Institute, Technion. Israel Institute of Technology.
25. Avnimelech G., Kenney M., Teubal M. (2004) Building Venture Capital Industries: Understanding the U.S. and Israeli Experiences, BRIE Working Paper 160.
26. BIRD Impact Study 2020. URL: <https://www.birdf.com/wp-content/uploads/2020/11/BIRD-Impact-Study-October-2020.pdf>
27. BIRD Foundation (2025). URL: <https://www.birdf.com/the-bird-model/>
28. BIRDF Annual Report 2024. URL: <https://www.birdf.com/wp-content/uploads/2025/03/Annual-Report-2024.pdf>
29. Dealroom, 2025. URL: <https://app.dealroom.co/>
30. GEM Consortium (2025). URL: <https://www.gemconsortium.org/>
31. Global Innovation Index 2024: Realizing the potential of social entrepreneurship. URL:<https://www.wipo.int/ru/web/global-innovation-index>

32. Global Startup Ecosystem Index, 2025. URL: <https://www.startupblink.com/#rankings>, www.startupgenome.com
33. Global Entrepreneurship Monitor, 2025. URL: <https://www.gemconsortium.org/reports/latest-global-report>
34. IVC Research Center, 2021 report. URL: <http://www.ivc-online.com>
35. World Bank 2024. World Development Indicators: Countries and Economies. URL: <https://data.worldbank.org/>
36. QS World University rankings, 2024. URL: <https://www.topuniversities.com/>
37. World investment report 2024: Investment facilitation and digital government. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf

System of factors for attracting venture investments into the ecosystem of technological startups in Russia. The experience of Israeli

Alexey S. Larionov,

*Postgraduate student of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.*

The formation of a cluster of venture investments in the technological sectors of the country's economy is one of the most difficult tasks of the national economy for most countries in the world. Israel is one of the world leaders in attracting venture investments in R&D, technology and startups, and the experience accumulated over decades of development can be applied in other countries, including the Russian Federation. This study examines two research issues: a comparative analysis of systemic factors of the venture investment attraction model in relation to Russia and Israel for the period 2014–2024, and the possibility of applying in Russia the experience of creating and developing a bi-national venture investment fund of Russia and Israel using the example of a bilateral R&D investment fund of Israel and the USA. As part of the study, the author tests an approach to building a system of factors for attracting venture investments in the ecosystem of technology startups, using data on the Israeli ecosystem as a benchmark, in order to identify the potential for developing factors for attracting venture investments in Russia. A rating assessment of the attractiveness of the venture ecosystems of Russia and Israel for venture investments was conducted through ranking and evaluation of factors. Recommendations were prepared for Russian institutes for the development of technological innovations. An analysis of the organizational principles and results of the bi-national R&D investment fund of Israel and the USA was conducted, and a concept for a bilateral venture investment fund of Russia and Israel was formed. The relevance of the research topic is confirmed by the inclusion of the tasks of building a system for selecting and financing innovations to achieve technological sovereignty of Russia in the national strategy until 2030.

Keywords: startups, venture investments, ecosystem, technologies, innovations, interstate R&D investment funds.

JEL codes: F55, G23, G24, O30, O32.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025.

Факторы и способы формирования БРИКС как нового мирового финансового центра

Охотский Александр Игоревич¹

Экономический рост стран БРИКС и изменение глобального экономического ландшафта в пользу развивающихся стран, политическая воля лидеров и их заинтересованность в многостороннем сотрудничестве способствуют укреплению позиций БРИКС на международной арене и формированию новой модели глобального развития, ориентированной на принципы справедливости, устойчивости и многополярности. Количественное и качественное развитие объединения актуализирует исследования о возможностях и перспективах его дальнейшей эволюции в различных аспектах. Важная роль в деятельности объединения уделяется вопросам экономического суверенитета, реформирования международных институтов с предоставлением большего веса развивающимся странам при принятии решений, а также преодоления гегемонии развитых стран и валюты США в международных расчетах. Целью статьи является анализ предпосылок укрепления стран БРИКС в мировой экономической и финансовой системе, а также реализуемых и потенциальных методов и инструментов расширения влияния объединения на мировую финансовую архитектуру. Автор приходит к выводу о том, что в условиях давления со стороны западных стран на мировую финансовую систему, а также несмотря на существующие противоречия и препятствия, суверенные государства стремятся создать альтернативную финансовую архитектуру, основанную на принципах равноправного партнерства.

Ключевые слова: БРИКС+, мировая финансовая архитектура, финансовые институты, валюта, Новый банк развития (НБР).

JEL коды: F01, F02, F33.

Введение

За последние 20 лет БРИКС превратился из условного наименования ряда стран с существенным экономическим потенциалом до полноценного межгосударственного союза. Формированию нового глобального экономического центра обусловлено комплексным взаимодействием экономических, политических, институциональных и геополитических факторов. В данном контексте становится актуальным вопрос необходимости преобразований в мировой финансовой архитектуре, в которой на протяжении долгого времени доминировали развитые страны Западной Европы и Северной Америки, а также существенная роль и влияние предоставлялась «западным» финансовым институтам.

В данной работе уделяется внимание тому, как государства БРИКС стремятся преобразованию мировой финансовой системы путем создания альтернативных механизмов и

¹ Охотский Александр Игоревич — аспирант кафедры мировой экономики, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия.

инструментов, которые позволят снизить зависимость от традиционных валют и институтов. Для этого рассматриваются макроэкономические показатели БРИКС, определяющие их экономический потенциал и роль в мировой системе. В процессе работы были использованы научные труды исследователей, специализирующихся на анализе роли БРИКС в глобальной экономике и оценке потенциальных эффектов влияния данного объединения на мировую финансовую систему. При этом требуется более глубокое изучение текущих и перспективных финансовых инструментов и институтов, которые могут способствовать укреплению позиций БРИКС на мировой арене. Необходимо также рассмотреть существующие и потенциальные вызовы и риски, с которыми сталкиваются объединение и которые могут стать предприятиям для успешной совместной работы в области расширения влияния на финансовую архитектуру.

Результаты исследования: Современное положение БРИКС

БРИКС было основано в 2009 г., когда Бразилия, Россия, Индия и Китай, затем и Южноафриканская Республика решили объединить усилия для создания платформы по сотрудничеству в различных областях, включая экономики, политики и культуры. Предпосылкой для объединения стал ожидаемый значительный экономический рост данных стран в конце XX — начале XXI вв., обладающих существенными человеческими и природными ресурсами, что предоставляло им возможность достичь существенного влияния (Хейфец, 2023, Соловьёва, 2015). Первоначально данный альянс был создан для усиления голосов развивающихся стран на международной арене.

С тех пор БРИКС стал важным игроком в глобальной политике и экономике, активно продвигая идеи многополярности и справедливости международного порядка. В последние годы интерес к БРИКС возрос, и в 2023 г. было объявлено о расширении группы, в которую вошли новые члены такие, как Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия, Саудовская Аравия и Индонезия (Хорос, Потапова, 2024). После расширения объединение получило наименование «БРИКС+»

Растущая роль стран БРИКС подтверждается увеличением их вклада в мировую экономику. Так, в 2010 г. доля БРИКС в мировом ВВП составила 27%, а к 2024 г. — данный показатель увеличился на 7%, достигнув 34% (рис. 1).

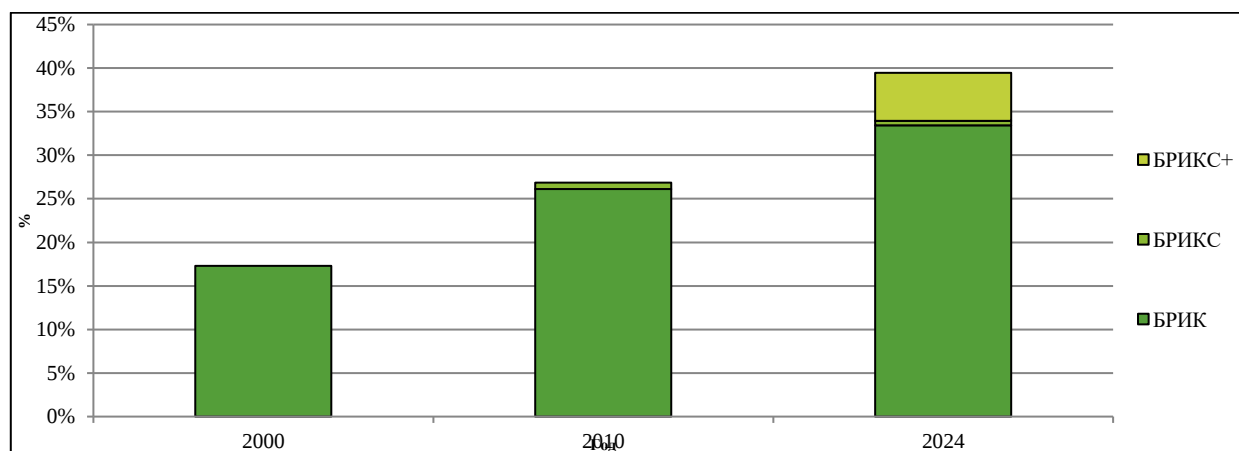

Рис. 1. Доля БРИКС+ в мировом ВВП по паритету покупательной способности в 2000–2024 гг., %.

Источник: составлено автором по: (World Bank).

С расширением объединения вклад БРИКС+ в мировой ВВП на 2024 г. составляет 39% или 76,9 трлн долл. Стоит отметить, что в то время как доля БРИКС в мировом ВВП увеличивалась, доля развитых экономик, представленных странами «Большой семерки» (далее — G7), постепенно снижалась — с 44% в 2000 г. до 29% в 2024 г. (рис. 2).

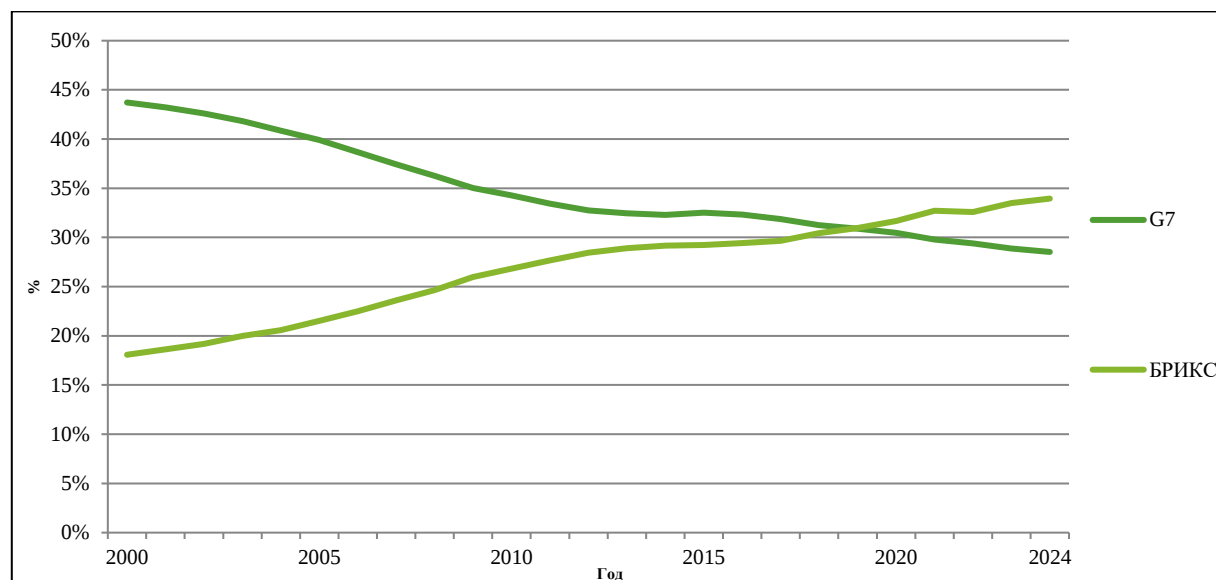

Рис. 2. Доля БРИКС и G7 в мировом ВВП по паритету покупательной способности в 2000–2024 гг., %.

Источник: составлено автором по: (World Bank).

Таким образом, с 2020 г. БРИКС превосходит G7 по вкладу в мировой ВВП.

Макроэкономические показатели и потенциал БРИКС

На 2024 г. на БРИКС+ приходится порядка 30% общей площади суши, 48% мирового населения, 27% мирового номинального ВВП или 39% мирового ВВП, а также 18% мировой торговли (табл. 1). Ключевая роль БРИКС для мировой экономики заключается, в том числе, в специализации стран на конкретных, основополагающих для экономического развития, областях (Кондратов, 2021; Чикова, 2025). Так, Китай является одним из крупнейших экспортеров товаров и готовой продукции в мире, Бразилия – продукции аграрного сектора, Россия — энергоресурсов, в особенности нефти и газа, в то время как Индия поставляет промышленные товары, а также предоставляет дешевую рабочую силу и высококвалифицированных сотрудников, в особенности в области информационных технологий, а ЮАР — ряд важнейших полезных ископаемых, в том числе платину и золото.

Принимая во внимание значительные экономические показатели БРИКС, а также уменьшение удельного веса развитых государств в мировом ВВП, отмечается актуальность переоценки традиционных моделей глобального экономического развития. В этом контексте особое внимание следует уделить новым экономическим центрам, представленным развивающимися странами, с предоставлением большего контроля и участия в глобальном управлении.

Стоит отметить, что, несмотря на то что развивающиеся экономики БРИКС+ представлены странами с высокими значениями численности населения, экономики демонстрируют впечатляющие темпы роста ВВП на душу населения, приближаясь к показателям развитых стран.

Таблица 1.

Макроэкономические показатели БРИКС+ в 2024 г., %

Страна	Доля по площади	Доля в мировом населении	Доля в мировом ВВП	Доля в мировом внешнеторговом обороте
Бразилия	6	3	2	1
Египет	1	1	1	0
Индия	2	18	8	3
Индонезия	1	3	2	1
Иран	1	1	1	0
Китай	6	17	19	11
ОАЭ	0	0	0	2
Россия	11	2	4	1
Эфиопия	1	1	0	0
ЮАР	1	2	1	0
БРИКС	26	40	34	17
БРИКС+	30	48	39	18

Источник: составлено автором по: World Bank.

Следует также отметить незначительное влияние на показатель ВВП на душу населения после присоединения новых членов к БРИКС. Таким образом, в 2024 г. ВВП на душу населения в БРИКС составляет 20,4 тыс. долл., БРИКС+ — 19,6 тыс. долл. Рост данного показателя свидетельствует о том, что государства БРИКС не только укрепляют свою экономику, но и повышают уровень жизни своих граждан, что, в свою очередь, создает предпосылки для более активного участия в глобальных экономических процессах, повышении привлекательности стран для бизнеса и формировании новых центров экономической силы (Ярыгина, Боровикова, 2019). Тем не менее, данные показатели ниже показателя мирового ВВП на душу населения (табл. 2).

Таблица 2.

ВВП на душу населения в БРИКС+, G7 и мире в 2000–2024 гг.

Страна	ВВП на душу населения, тыс. долл. США									Место в мире	
	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024	2000	2024
Бразилия	9	11	14	15	16	18	20	21	22	86	105
Россия	7	12	20	24	32	39	42	45	48	107	55
Индия	2	3	4	5	7	8	9	10	11	191	153
Китай	3	5	9	13	18	21	23	25	27	165	90
ЮАР	8	10	13	13	13	14	15	15	15	94	137
Новые члены	6	7	10	10	12	12	14	15	16	-	-
БРИКС	3	5	8	11	14	16	17	19	20	-	-
БРИКС+	4	5	8	11	13	15	17	18	20	-	-
G7	31	37	42	49	55	60	66	69	72	-	-
Мир	8	10	13	15	18	20	22	23	24	-	-

Источник: составлено автором по: World Bank.

Цели, достижения и будущее БРИКС как финансового центра

Основной целью объединения БРИКС+ является коллективное стимулирование экономического роста стран-участниц и повышение их влияния на международной арене через активное взаимодействие, направленное на обеспечение финансовой и социальной стабильности (Ярыгина, Герасимов, 2024). Приоритетным направлением деятельности БРИКС+ является углубление интеграционных процессов, включая расширение торговых и инвестиционных связей, а также содействие использованию национальных валют в международных расчетах, что способствует диверсификации валютных резервов и снижению зависимости от валюты США, доминирующей в мировой системе.

Совместная работа стран БРИКС по оказанию влияния на мировую финансовую архитектуру и работе над ее преобразованием выражается в том, что государства реализуют комплексную стратегию укрепления своего влияния на международной арене, включающую как реформирование глобальных финансовых институтов, так и создание собственных альтернативных механизмов (Борисоглебская, 2025). В частности, страны БРИКС активно лоббируют реформы в структурах Всемирного банка и Международного валютного фонда (далее — МВФ), стремясь к более справедливому распределению голосов и ресурсов.

Параллельно БРИКС развивают собственную финансовую инфраструктуру, что проявляется в создании Нового банка развития (далее — НБР) в 2014 г. со штаб-квартирой в Шанхае. НБР представляет собой инструмент для финансирования инфраструктурных проектов и продвижения устойчивого развития как в странах БРИКС, так и в других развивающихся экономиках. Его создание стало знаковым событием, символизирующим стремление БРИКС к экономической автономии и снижению зависимости от традиционных западных финансовых институтов (Ярыгина, 2022).

Сравнивая НБР с МВФ и Всемирным банком, следует отметить различия в подходе управления и кредитования. Условиями получения займов государствам в западных финансовых институтах могут являться обязательства по проведению каких-либо реформ, которые могут противоречить национальным интересам и встречать протесты со стороны населения (Жариков, 2022). При этом институтами управляют страны-члены, голоса которых различаются в зависимости от размера их экономик. Таким образом, страны G7 имеют суммарно более 40% голосов, в то время как БРИКС — не превышает 20%. Следовательно, активно развивающиеся экономики находят подобную парадигму несправедливой и видят необходимость в реформировании институтов. Таким образом, НБР, с первоначальным капиталом в 100 млрд. долл., стал институтом, предоставляющим равные права голоса всем государствам-учредителям. С момента своего основания НБР активно поддерживает инфраструктурные проекты такие, как развитие систем общественного транспорта, строительство гидроэлектростанций и модернизация систем водоснабжения. Банк также играет роль «финансовой подушки безопасности» для стран-участниц, что было продемонстрировано в 2020 г., когда ЮАР привлекла 1 млрд долл. для борьбы с последствиями пандемии COVID-19. Объем выданных НБР кредитов с 2014 г. превышает 22 млрд долл., что, тем не менее, значительно меньше, чем объемы МВФ и Всемирного банка — более 110 и 350 млрд долл. соответственно. Важно отметить, что НБР действует без навязывания структурных реформ, что позволяет государствам самостоятельно определять направления развития своей инфраструктуры (Андрианов, 2024).

Также группой был сформирован в 2015 г. Пул условных валютных резервов БРИКС (далее — ПУВР), целью которого выступает выработка механизма обеспечения финансовой стабильности в государствах-членах и предоставление необходимых ресурсов для предотвращения приостановки международной торговли или дефолта по внешнему долгу. Центральный банк каждой страны-участницы выделяет определенную сумму для страхования на случай возникновения чрезвычайных ситуаций на финансовых рынках, вызванных значительным оттоком капитала или резкими колебаниями курсов валют, которые могут приводить к краткосрочному дефициту ликвидности и оказывать давление на платежный баланс. Капитал пула составляет 100 млрд долл., из которых 41% внесено Китаем, 18% — Бразилией, 18% — Россией, 18% — Индией и 5% — ЮАР (Ярыгина, Шелепов, 2024). В случае возникновения проблем с ликвидностью в национальных финансовых системах партнёры по соглашению предоставляют взаимную поддержку, осуществляя переводы денежных средств на срочной и возвратной основе. ПУВР регулируется Советом директоров, принимающих решение на основе консенсуса, и Постоянным комитетом, который осуществляет оперативное управление и состоит из директоров, избранных из числа представителей центральных банков стран-участниц.

БРИКС+, объединяя усилия в рамках глобального экономического сотрудничества, также стремится диверсифицировать механизмы международных расчетов и снизить зависимость от доминирования доллара США. Стратегическое направление включает в себя разработку и внедрение инновационных инфраструктурных проектов, направленных на совершенствование системы расчетов в национальных валютах (Авдокушин, Жариков, 2024). Такой подход нацелен как на минимизацию валютных рисков, так и на повышение устойчивости национальных экономик к внешним шокам, что является ключевым фактором в случаях глобальной экономической нестабильности.

Одной из инициатив является создание единой платежной системы *BRICS Pay*, которая предполагает прямую интеграцию коммерческих банков через их центральные институты. Данная система не только оптимизирует международную торговлю, осуществляемую в национальных валютах, но и использует передовые технологии такие, как *Unified Payments Interface (UPI)* с применением QR-кодов, для проведения трансграничных платежей. Таким образом, межбанковская платежная система БРИКС позволяет значительно повысить эффективность и скорость транзакций, а также снизить транзакционные издержки, а также поддерживать взаимодействие между странами в случае внешнего влияния, как, например, отключение от *SWIFT* (Битюк, Глизнуца, 2024). Кроме того, предложены инициативы по созданию международной зерновой биржи и формированию депозитарной системы *BRICS Clear* на базе блокчейн-технологий, что свидетельствует о комплексном подходе стран к диверсификации финансовых инструментов.

Стоит отметить, что члены БРИКС+ сталкиваются с рядом проблем и препятствий, которые мешают им строить более тесные отношения и, как следствие, эффективно влиять на реформирование мировой финансовой архитектуры. Так, внутренние проблемы каждой из стран-участниц создают сложности для совместной работы. Например, в Бразилии наблюдаются политические и экономические кризисы, которые, в том числе, влияют на приоритеты на внутреннем уровне. Более того, государства БРИКС имеют разные уровни экономического роста, структуры и управления, что приводит к различным подходам в экономической политике. Разногласия возникают также в вопросах геополитических интересов. Так, Россия и Китай наиболее активно стремятся укрепить свои позиции на

международной арене и способствуют дедолларизации мировой финансовой системы, что иногда противоречит интересам Индии, которая имеет собственные стратегические партнерства, включая отношения с США, и не стремится к поддержанию жестких антизападных инициатив. Также на отношения влияют политические и территориальные противоречия участников (Фесенко, 2021). В данном контексте БРИКС предстоит проделать значительную работу по преодолению существующих противоречий и укреплению сотрудничества, в том числе в области совершенствования национальных финансовых рынков, что необходимо для эффективного финансового сотрудничества и преобразования глобальной архитектуры (Ситникова, 2022).

Говоря о способах реформирования глобальной финансовой архитектуры и препятствиях сотрудничества, следует отметить, что в последние годы активно ведутся дискуссии о возможности воздания единой валюты в рамках БРИКС. В случае достижения соглашения и введении единой валюты, будет значительно упрощена торговля внутри БРИКС, включая устранение валютных рисков и снижения транзакционных издержек (Ярыгина, 2023). Единая валюта будет способствовать усилению экономической интеграции, создавая более гибкие финансовые связи и способствуя совместным инвестиционным проектам. Тем не менее, введение единой валюты сталкивается с рядом серьезных препятствий, которые делают данный процесс практически невозможным на текущий момент. Так, экономические различия между участниками являются основным барьером (Андрианов, 2025). Каждое государство имеет свою уникальную экономическую структуру, уровень развития и финансовую систему, которые, следовательно, имеют различные потребности в кризисных ситуациях. Примером подобных угроз может служить опыт Европейского союза – создание единой валюты сопровождается утратой суверенитета в проведении монетарной политике, в то время как единственным инструментами государства в кризис остаются фискальные меры (Охотский, Пласкова, 2024). В период кризисов странам с разным уровнем экономического развития требуются специфические меры как в фискальной, так и монетарной политике, обеспечение которых затруднено при введении единой валюты. Тем не менее, БРИКС+ в случае реформирования валютной системы может рассмотреть опыт использования синтетической валюты, представляющей собой средневзвешенное значение валют стран-участниц, взяв за основу опыт Западной Европы и их валюты ЭКЮ, предшественника евро (Охотский, 2025).

Более того, значительные возможности расширения влияния в мировой финансовой системе БРИКС может достичь путем создания специальных валютных зон с региональными резервными валютами. Страны-участницы являются ключевыми и одними из крупнейших экономик в своих регионах и континентах. Расширение финансового и валютного влияния путем объединения с соседними государствами в Азии, Африке, Ближнем и Среднем Востоке, Восточной Европе и Южной Америке будет как способствовать росту стран БРИКС по отдельности, так и повышать влияние объединения в целом на глобальной арене. Такие валютные зоны могут стать важными элементами мировой финансовой архитектуры, способствуя созданию многополярной системы, где не только доллар США, но и другие валюты такие, как китайский юань, российский рубль, индийский реал и др., будут играть значительную роль (Андрианов, 2024). Таким образом, формирование валютных зон с участием БРИКС не только позволит укрепить их экономические позиции, но и обеспечит более сбалансированное распределение финансовых ресурсов и влияния в мировой экономике, что в конечном итоге приведет к более устойчивой и справедливой финансовой системе.

Заключение

В настоящее время БРИКС вносит весомый вклад в мировую экономику, являясь одним из ключевых двигателей глобального ВВП и международной торговли, а также обладает значительным потенциалом для дальнейшего роста и развития. Благодаря своему вкладу в мировую экономику БРИКС+ повышает значимость развивающихся стран на глобальной арене. В экономической сфере БРИКС проводит реформы существующей системы и разрабатывает альтернативные подходы.

Каждая из стран-участниц, в рамках развития собственных финансовых институтов, активно участвует в глобальных финансовых дискуссиях, включая обсуждение реформирования мировой финансовой архитектуры и укрепления национальных многосторонних финансовых институтов, а также развивает инновационные аспекты финансовой системы, в том числе вводя цифровые валюты. Более того, страны БРИКС, в рамках совместной работы, достигли соглашения о создании Нового банка развития и Пула условных валютных резервов, которые представляют альтернативу существующим глобальным финансовым структурам. НБР играет ключевую роль в формировании БРИКС как альтернативного центра мировой финансовой системы, предоставляя развивающимся странам доступ к финансированию инфраструктурных проектов без политических ограничений, характерных для западных финансовых институтов. Данный институт способствует более широкому представительству развивающихся стран в мировой экономике, сосредоточиваясь на развитии инфраструктуры и исключая геополитические аспекты из процесса кредитования и финансирования.

Таким образом, в условиях давления со стороны западных стран на мировую финансовую систему, а также несмотря на существующие противоречия и препятствия, суверенные государства стремятся создать альтернативную финансовую архитектуру, основанную на принципах равноправного партнерства.

Список литературы

1. Авдокушин Е. Ф., Жариков М. В. (2024) Страны БРИКС в современной мировой экономике : монография. М.: ИНФРА–М. [Avdokushin E. F. Zharikov M. V. (2024) The BRICS countries in the modern world economy : a monograph. Moscow: INFRA–M. (In Russian).]
2. Андрианов В. Д. (2024) Новый банк развития БРИКС и формирование альтернативной мировой валютной системы // Белорусский экономический журнал. № 2 (107). С. 44–57. [Andrianov V. D. (2024) The New BRICS Development Bank and the formation of an alternative global monetary System // Belarusian Economic Journal. No. 2 (107). Pp. 44–57. (In Russian).]
3. Андрианов В. Д. (2024) Роль стран БРИКС в создании новой мировой валютной системы / Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире. Материалы Второй международной научно-практической конференции. Москва. Изд-во: Издательский дом «УМИЦ». С. 18–36. [Andrianov V. D. (2024) The role of the BRICS countries in creating a new global monetary system / BRICS countries: development strategies and mechanisms of cooperation in a changing world. Materials of the Second International Scientific and Practical Conference. Moscow, Publishing House: UMTS Publishing House. Pp. 18–36. (In Russian).]

5. Андрианов В. Д. (2025) Создание новой мировой валютной системы: роль стран БРИКС+ // *Международный бизнес*. № 2 (12). С. 43–66. [Andrianov V. D. (2025) Creating a new Global monetary system: the role of the BRICS+ countries // *International Business*. No. 2 (12). Pp. 43–66. (In Russian).]
6. Битюк А. А., Глизнуца М. В. (2024) Перспективы развития трансграничной платежной системы в рамках БРИКС+ с использованием ЦВЦБ // *Экономика и бизнес: теория и практика*. № 5–1 (111). С. 25–29. [Bityuk A. A., Gliznutsa M. V. (2024) Prospects for the development of a cross-border payment system within the framework of BRICS+ using central securities // *Economics and Business: theory and practice*. No. 5–1 (111). Pp. 25–29. (In Russian).]
7. Борисоглебская Л. Н. (ред.) (2025) Развитие стран БРИКС в глобальном пространстве : монография. М: ИНФРА–М. [Borisoglebskaya L. N. (ed.) (2025) The development of the BRICS countries in the global space : a monograph. M: INFRA–M. (In Russian).]
8. Жариков М. В. (2022) Мультилатеральные финансовые институты стран БРИКС в условиях новой волны антироссийских санкций // *Общество и экономика*. № 8. С. 37–52. [Zharikov M. V. (2022) Multilateral financial institutions of the BRICS countries in the context of a new wave of anti-Russian sanctions // *Society and Economics*. No. 8. Pp. 37–52. (In Russian).]
9. Кондратов Д. (2021) Страны БРИКС в условиях глобальной нестабильности: новые вызовы и перспективы развития // *Общество и экономика*. № 4. С. 81–104. [Kondratov D. (2021) BRICS countries in the context of global instability: new challenges and development prospects // *Society and Economics*. No. 4. Pp. 81–104. (In Russian).]
10. Охотский А. И. (2025) Формирование единой валютно-финансовой системы в рамках международной интеграции: опыт и уроки Европейского союза // *Инновационная экономика*. № 1 (42). С. 53–75. [Okhotsky A. I. (2025) Formation of a single monetary and financial system within the framework of international integration: the experience and lessons of the European Union // *Innovative Economics*. No. 1 (42). Pp. 53–75. (In Russian).]
11. Охотский А. И., Пласкова Н. С. (2024) Государственный долг: стимул или тормоз экономической стабильности страны и мировой экономической системы // *Финансовый менеджмент*. № 3. С. 199–214. [Okhotsky A. I., Plaskova N. S. (2024) Public debt: an incentive or a brake on the economic stability of a country and the global economic system // *Financial Management*. No. 3. Pp. 199–214. (In Russian).]
12. Ситникова О. Г. (2022) Особенности экономического сотрудничества стран БРИКС в современных условиях // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. Т. 12. № 12–1. С. 65–70. [Sitnikova O. G. (2022) Features of economic cooperation between the BRICS countries in modern conditions // *Economics: yesterday, today, tomorrow*. Vol. 12. No. 12–1. Pp. 65–70. (In Russian).]
13. Соловьёва Ю. В. (2015) Трансферт технологий стран БРИКС: проблемы и перспективы // *Экономический журнал*. № 4(40). С. 85–96. [Solovieva Yu. V (2015) Трансферт технологий стран БРИКС: проблемы и перспективы // *Economic Journal*. No. 4(40). Pp. 85–96. (In Russian).]
14. Фесенко Е. С. (2021) Страны БРИКС в мировой экономике // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. № 5 (57). С. 442–446. [Fesenko E. S. (2021) The BRICS countries in the global economy // *Skif. Questions of student science*. No. 5 (57). Pp. 442–446. (In Russian).]
15. Хейфец Б. А. (2023) Новая модель международной экономической интеграции. М.: Институт экономики РАН. [Kheifets B. A. (2023) A new model of international economic integration. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).]

16. Хорос В. Г., Потапова Е. Ю. (2024) От БРИКС к БРИКС+: на пути к новому миропорядку // Полицентричный мир. Т. 1. № 1–2. С. 64–76. [Khoros V. G., Potapova E. Y. (2024) From BRICS to BRICS+: on the way to a new world order // Polycentric World. Vol. 1. No. 1–2. Pp. 64–76. (In Russian).]
17. Чикова А. Е. (2025) Сотрудничество в рамках БРИКС+ как новый формат интеграционного процесса быстроразвивающихся стран // Право и управление. XXI век. Т. 21. № 1 (74). С. 195–206. [Chikova A. E. (2025) Cooperation within the framework of BRICS+ as a new format of the integration process of rapidly developing countries // Law and Management. XXI century. Vol. 21. No. 1 (74). Pp. 195–206. (In Russian).]
18. Ярыгина И. З. (2022). Межгосударственные проекты ЕАЭС–БРИКС в финансовой сфере: проблемы и решения / Россия: тенденции и перспективы развития. Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. С. 322–324. [Yarygina I. Z. (2022) EAEU–BRICS interstate projects in the financial sector: problems and solutions / Russia: trends and development prospects. Materials of the XXI National Scientific Conference with international participation. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Pp. 322–324. (In Russian).]
19. Ярыгина И. З. (2023) Перспективы взаимодействия межгосударственных объединений на базе использования единой расчетной единицы в международных расчетах / Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС. Материалы международной научно-практической конференции. Москва: Изд-во: Институт научной информации по общественным наукам РАН. С. 240–244. [Yarygina I. Z. (2023). Prospects of interaction between interstate associations based on the use of a single unit of account in international settlements / Scientific, technological and innovative cooperation of the BRICS countries. Materials of the international scientific and practical conference. Moscow: Publishing house: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Pp. 240–244. (In Russian).]
20. Ярыгина И. З. Боровикова О. А. (2019) БРИКС+ как фактор экономического роста и инвестиционного развития // Экономика. Налоги. Право. Т. 12. № 4. С. 111–120. [Yarygina I. Z. Borovikova O. A. (2019) BRICS+ as a factor of economic growth and investment development // Economy. Taxes. Pravo. Vol. 12. No. 4. Pp. 111–120. (In Russian).]
21. Ярыгина И. З., Герасимов В. И. (ред.) (2024) БРИКС в мировых финансах и экономике. М.: МГИМО. [Yarygina I. Z., Gerasimov V. I. (ed.) (2024) BRICS in Global Finance and Economics. Moscow: MGIMO. (In Russian).]
22. Ярыгина И. З., Шелепов А. В. (2024) Частно-государственное партнерство как фактор дедолларизации экономического сотрудничества стран БРИКС. М.: РСМД. [Yarygina I. Z., Shelepov A. V. (2024) Public-private partnership as a factor in de-dollarization of economic cooperation between the BRICS countries. Moscow: RIAC. (In Russian).]
23. World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

Factors and ways of forming BRICS as a new global financial center

Alexander I. Okhotsky,

*Postgraduate Student of the Department of World Economy,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.*

The economic growth of the BRICS countries and the changing global economic landscape in favor of developing countries, the political will of the leaders and their interest in multilateral cooperation contribute to strengthening the BRICS positions in the international arena and the formation of a new model of global development focused on the principles of equity, sustainability and multipolarity. The quantitative and qualitative development of the association actualizes research on the possibilities and prospects of its further evolution in various aspects. An important role in the association's activities is given to issues of economic sovereignty, reform of international institutions with greater weight given to developing countries in decision-making, as well as overcoming the hegemony of developed countries and the US currency in international settlements. The purpose of the article is to analyze the prerequisites for strengthening the BRICS countries in the global economic and financial system, as well as feasible and potential methods and tools for expanding the influence of the association on the global financial architecture. The author concludes that in the face of pressure from Western countries on the global financial system, as well as despite existing contradictions and obstacles, sovereign states are striving to create an alternative financial architecture based on the principles of equal partnership.

Keywords: *BRICS+, global financial architecture, financial institutions, currency, New Development Bank (NDB).*

JEL codes: *F01, F02, F33.*

Статья поступила в редакцию 19.08.2025.

Современное состояние взаимной торговли в ЕАЭС: основные характеристики и тенденции

Чиниев Джами Бадридинович¹

В статье дается анализ торговли между странами регионального блока ЕАЭС (Евразийский экономический союз) на современном этапе. Проблематика взаимной торговли внутри ЕАЭС становится особенно актуальной в свете усиления глобальных экономических рисков. Необходимость повышения устойчивости торговых связей между странами Союза приобретает первостепенное значение для обеспечения стабильности развития экономик государств–членов. Исходные данные для анализа включают статистические показатели внешнеторговых операций, данные о товарообороте между странами ЕАЭС. Новизна заключается в комплексном подходе к исследованию проблем взаимной торговли с учетом специфики текущей геополитической ситуации и использования новейших аналитических инструментов. Исследование основывается на междисциплинарном подходе, объединяя методы экономической теории, международного права и статистики. Используются современные методики анализа данных, включая моделирование сценариев развития событий и прогнозирование возможных последствий различных вариантов политики. Особое внимание уделено применению передовых технологий сбора и обработки информации. Период исследования охватывает 2020–2024 гг. в связи с тем, что именно эти годы связаны с глобальными событиями в мире как COVID–19, специальная военная операция, в связи с которой были применены санкции. Эти события отразились на экономике и интеграционном процессе.

Ключевые слова: ЕАЭС, региональная экономическая интеграция, внутрирегиональная торговля, макроэкономическая динамика, структура взаимной торговли, эффективность взаимной торговли.

JEL коды: F13, F14, F15, F69.

Введение

Современная экономическая ситуация в мире характеризуется высокой степенью неопределенности и нестабильности. Это особенно заметно в контексте международной торговли, где наблюдаются значительные колебания цен на сырьевые товары, санкции, торговые войны и другие факторы, влияющие на экономические отношения между странами. Для Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который объединяет Россию, Белоруссию, Казахстан, Армению и Киргизию, эти вызовы становятся все более значимыми, поскольку интеграция стран–участниц требует эффективного взаимодействия в сфере торговли и экономики.

¹ Чиниев Джами Бадридинович — кандидат экономических наук, экономист, представительство МВФ в Таджикистане, Душанбе, Таджикистан.

Исследование взаимной торговли в условиях глобальной нестабильности на внутрирегиональном уровне ЕАЭС имеет важное практическое значение для выработки стратегий адаптации к новым условиям. Оно позволит выявить слабые места в интеграционных процессах, определить пути оптимизации торгового сотрудничества и предложить меры по повышению эффективности экономической интеграции. Кроме того, результаты работы могут быть использованы для формирования рекомендаций по совершенствованию таможенного регулирования, улучшению транспортной инфраструктуры и развитию совместных проектов в рамках ЕАЭС.

Цель исследования — провести анализ внутрирегиональной торговли в ЕАЭС в 2014–2023 гг. и на этой основе систематизировать новые возможности и риски в условиях роста глобальной нестабильности.

Характеристики внутрирегиональной торговли ЕАЭС

Интеграционные процессы в ЕАЭС в сфере торговли, производства, энергетики, транспорта, а также инвестиций и инноваций, традиционно играют важную роль для объединения и для каждой из стран-участниц. Однако в последнее десятилетие внешние факторы и эффекты стали оказывать на ЕАЭС и различные направления межстранового интеграционного взаимодействия растущее и все более негативное влияние вследствие растущих угроз, снижающих качество сотрудничества.

Если говорить о торговле в ЕАЭС, то, наряду с традиционными характеристиками, формируются новые особенности в этой сфере.

Если говорить о традиционных характеристиках, то они сформированы на протяжении не только постсоветского периода, но и до настоящего времени испытывают влияние «общего советского прошлого». Так, сохранение некоторых элементов советского разделения труда между бывшими союзными республиками, наличие технологического единства транспортной и энергетической систем, единых стандартов производства до настоящего времени выступают факторами интеграционного процесса (Евразийский экономический союз, 2017). Также можно отметить относительно высокую долю промышленности в ВВП. После распада СССР и постепенного создания основ развития в ЕврАзЭС/ЕАЭС сформировались дополнительные факторы интеграции — институциональные, правовые, финансовые, технические — влияющие на характеристики взаимной торговли. Таким образом, торговля в ЕАЭС характеризуется наличием следующих особенностей:

1. Общие принципы регулирования, направленные на формирование в интеграционном объединении общего рынка товаров и услуг. В ЕАЭС, согласно статье 42 Договора о Евразийском экономическом союзе, применяются в настоящее время единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза, утверждаемые Комиссией и являющиеся инструментами торговой политики Союза (Договор, 2023). Функционирует однообразная система таможенного регулирования и технические регламенты ЕАЭС. Такой подход содействует, снятию таможенных платежей, сокращению времени оформления доставки товаров и на этой основе — росту конкурентоспособности товаров за счет снижения издержек для бизнеса и повышению динамизма торговли.

2. Положительное влияние (при прочих равных условиях) внутрирегиональной торговли стран ЕАЭС на их экономический рост, социальный прогресс, а также на

технологическую составляющую национальных хозяйств (Саргсян, 2019; Соловьёва, 2016). Эмпирические исследования экспертов однозначно подтверждают, что участие в ЕАЭС содействует формированию и поддержанию у ее участников положительной макроэкономической динамики (Об основных, 2024). При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что наименее выраженный эффект в динамике ВВП за исследуемый период имеет место у Беларуси и Российской Федерации (табл. 1), чьи экономики находятся под прессом западных санкций.

Таблица 1.

Динамика ВВП стран ЕАЭС в 2014–2023 гг., млн долларов

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Армения	11610	10553	10546	11527	12458	13619
Беларусь	78813	56455	47724	54725	60031	64410
Казахстан	221416	184388	137278	166806	179340	181667
Кыргызстан	7468	6678	6813	7703	8271	8871
Россия	2059242	1363786	1276786	1574199	1657329	1693115
<i>ЕАЭС</i>	<i>2378549</i>	<i>1621860</i>	<i>1479147</i>	<i>1814960</i>	<i>1917429</i>	<i>1961682</i>
	2020	2021	2022	2023	Изменение, раз	
Армения	12642	13879	19514	24016	2,07	
Беларусь	61372	69674	72874	71617	0,91	
Казахстан	171082	197112	225496	260496	1,18	
Кыргызстан	77841	8741	10931	12145	1,63	
Россия	1493076	1836891	2240422	1983930	0,96	
<i>ЕАЭС</i>	<i>1816013</i>	<i>2126297</i>	<i>2569237</i>	<i>2352204</i>	<i>0,99</i>	

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ЮНКТАД.

Также исследователи обращают внимание на устойчивый рост интеграционных процессов в научно-технологической сфере (Овчинникова, Кокуйцева, 2020), что обеспечивает более высокую степень как экономической устойчивости, так и защиты национального суверенитета и безопасности (Чиниев, 2010).

3. Динамизм взаимной торговли в ЕАЭС (рис 1). В 2023 г. второй год подряд наблюдался рекордный рост товарооборота ЕАЭС на 14,7% ежегодно (в 2022 г. прирост составил +10,3 млрд долларов, в 2023 г. — +11,8 млрд долларов).

Внутрирегиональный товарооборот ЕАЭС вырос за последнее десятилетие в 1,25 раза, и это полностью соответствует общемировым тенденциям. В то же время, по мнению исследователей, и с этим можно согласиться, данный рост не соответствует ни задачам, ни потенциалу ЕАЭС.

Высокая волатильность внутрирегионального товарооборота в ЕАЭС в 2014–2023 гг. выступает одной из современных характеристик этого процесса, будучи результатом именно негативного внешнего (глобального) влияния. Причем в последнее десятилетие влияние внешнего фактора на внутрирегиональную торговлю в ЕАЭС растет, зачастую нарушая экономическую безопасность как отдельных стран, например России и Беларуси, так и объединения в целом, так как эти экономики и, соответственно, внешнеторговые партнеры в ЕАЭС остаются основополагающими.

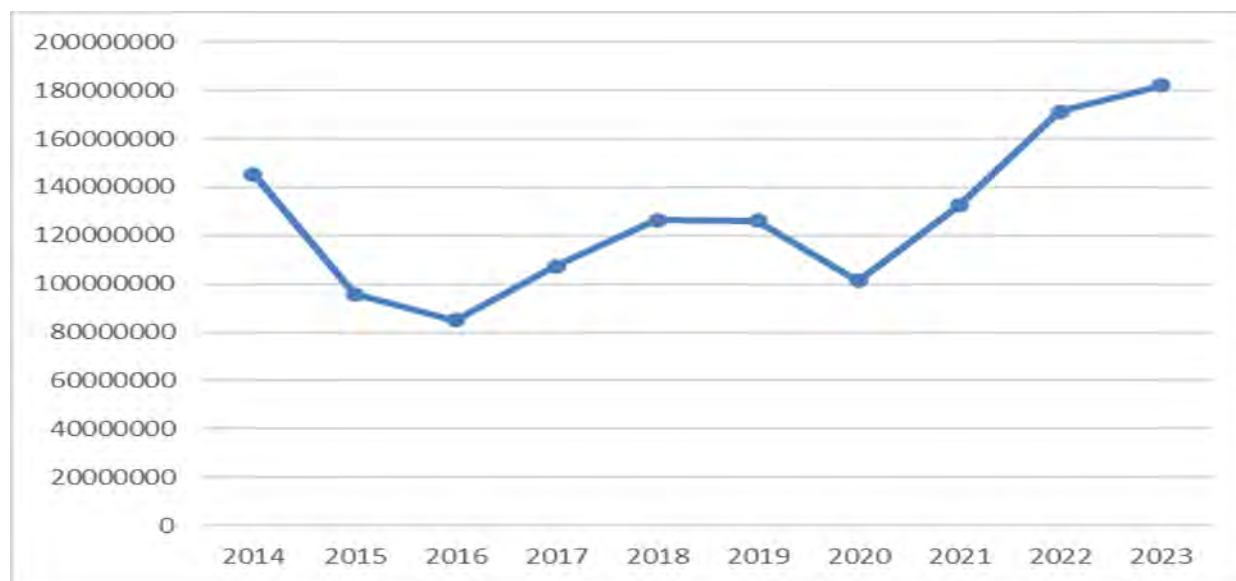

Рис. 1. Динамика внутрирегионального товарооборота ЕАЭС.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

4. Важной характеристикой взаимной торговли в ЕАЭС выступает **дифференциация как вклада отдельных стран в этот процесс, так и его изменения** (рис. 2).

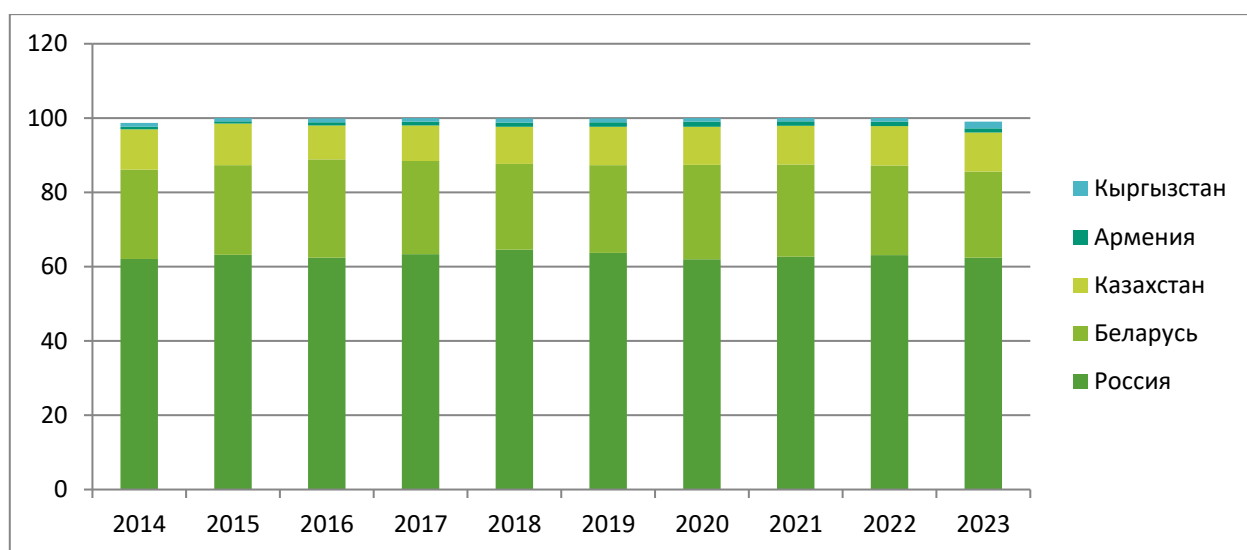

Рис. 2. Доля государств ЕАЭС во взаимной товарной торговле в 2014–2024 гг., %.

Источник: составлено автором по данным ЕЭК.

Россия остается ключевым участником взаимной торговли ЕАЭС, ее доля на протяжении анализируемого периода остается самой высокой — от 62% до 64,6%. Наибольшее значение зафиксировано в 2018 г. (64,6%), после чего наблюдается умеренное снижение до 62,4% в 2023 г. Беларусь занимает второе место по объему торговли в рамках ЕАЭС. Ее доля колеблется в пределах 23,2–26,5%. Пик пришелся на 2016 г. (26,5%), а к 2023 г. показатель снизился до 23,2%. Доля Казахстана варьируется от 9,1% до 11,2%. Максимальное

значение отмечено в 2015 г. (11,2%), а минимальное — в 2016 г. (9,1%). В последующие годы показатель стабилизировался на уровне около 10%. Армения имеет небольшую, но растущую долю в торговле ЕАЭС. С 0,7% в 2014 г. она увеличилась до 1,3% в 2020 г., после чего незначительно снизилась. Кыргызстан демонстрирует минимальные значения среди стран ЕАЭС — от 0,9% до 1,8%. Однако в 2023 г. зафиксирован заметный рост до 1,8%, что является рекордным показателем за весь период. Можно заметить, Казахстан остается на стабильном уровне. Армения и Кыргызстан, несмотря на скромные объемы, показывают рост, что может говорить о диверсификации торговых связей внутри ЕАЭС. Таким образом, взаимная торговля ЕАЭС остается сосредоточенной вокруг крупнейших экономик, но малые страны постепенно увеличивают свое участие в этом процессе.

5. Структура взаимной торговли в ЕАЭС остается неэффективной и препятствует активному инновационному развитию и техническому прогрессу, опираясь преимущественно на трудоемкие и ресурсоемкие производства. Вплоть до 2022 г. структура взаимной торговли не претерпела существенных изменений, направленных на удовлетворение потребностей каждой отдельной страны-члена («страна–страна»), демонстрируя слабую степень взаимной специализации и незначительную вовлеченность в формирование единого интегрированного рынка.

Основными группами товаров в структуре экспорта ЕАЭС высокотехнологичными товарами между государствами — членами ЕАЭС в период с 2014 г. по 2022 г. являлись следующие группы: лекарственные препараты и прочие фармацевтические товары, электронно-вычислительная техника, электрическое оборудование, ресиверы прочее телекоммуникационное оборудование, самолеты, оборудование, радиоактивные вещества и связанные запоминающие устройства и устройства ввода и вывода.

Опыт последних трех лет показывает высокую адаптивность взаимной торговли стран ЕАЭС и возможность эффективного управления рисками посредством углубления взаимосвязей. Вместе с тем прогресс качественных аспектов взаимодействия наблюдался преимущественно в условиях острых экономических проблем и являлся скорее реакцией на них, чем результатом целенаправленных усилий. Это подчеркивает важность продолжения работ по формированию глубокой производственной интеграции (Побирченко, Шутаева, 2024) и усилению коопераций на микроуровне бизнеса и компаний, а также необходимость тщательного анализа ситуации для поддержания устойчивости торговой системы ЕАЭС.

Интеграция стран в рамках евразийского проекта играет важную роль для участников, так как она выступает обязательным условием для реализации их внешних геоэкономических и геополитических интересов на мировой арене, включая сферу ИКТ. Здесь особое значение приобретает фактор масштаба и размеров в информационной конкуренции, что позволяет продвигать собственные инициативы и укреплять позиции на глобальном уровне.

Представленные характеристики во многом формируют основные тенденции взаимной торговли в интеграционном объединении и перспективы интеграционного взаимодействия в будущем.

Основные тенденции взаимной торговли стран ЕАЭС

Как показывает проведенное исследование, а также аналитические источники, среди основных тенденций, которые имеют место в сфере внутрирегиональной торговли товарами стран ЕАЭС можно выделить следующие.

1. Цифровизация взаимной торговли и трансформация бизнес-моделей под влиянием диджитализации, которая рассматривается как положительный аспект торгового взаимодействия (Король, 2024). Эта тенденция связана с общемировым трендом роста цифровизации торговли, развивающимся на протяжении XXI в. (Nasser et al., 2024). Цифровизация торговли ускоряет ее, содействует повышению ее эффективности, сокращая издержки, позволяет включиться в торговые процессы большему числу производителей (в том числе малых и средних предприятий) и потребителей, «продвигает» цифровую повестку в соответствующих странах, включая кооперацию в инновационной сфере (Новые тренды, 2023). Перевод экспорта в сектор высоких технологий и наукоемкой продукции создает стимулы для научных разработок, увеличивает конкурентоспособность на международном рынке (Соловьёва, 2016). Примером успешной кооперации в инновационной сфере служат успехи стран ЕАЭС в цифровизации госуслуг, демонстрируемые высокими позициями в рейтингах электронного правительства (так, Россия, Беларусь и Казахстан относятся к группе лидеров по уровню развития *e-government*). Соответственно, трансформируются бизнес-модели торгового взаимодействия стран ЕАЭС, что требует дополнительного изучения и институциональной поддержки, так как ряд экспертов, и с этим можно согласиться, рассматривают цифровизацию экономики и торговли в ЕАЭС как фактор углубления экономической интеграции в перспективе (Ляшенко, Калмыков, 2020).

Цифровизация торговли даст возможность обеспечивать постепенную трансформацию и модернизацию товарной структуры на региональном рынке ЕАЭС, что является одной из современных и одновременно перспективных задач объединения.

2. Рост значимости внутрирегионального рынка и взаимной торговли для стран ЕАЭС, особенно в последнее десятилетие, на фоне роста глобальной нестабильности. Эта тенденция подтверждается статистическими данными, которые фиксируют рост торговли между странами ЕАЭС в 2014–2023 гг. при снижении стоимостного объема торговли с третьими странами. Стоит отметить, что региональное направление активизации взаимной торговли рассматривается в условиях активизации деструктивного влияние внешнего фактора рассматривается, в том числе, с точки зрения возможности обеспечения экономической безопасности для России, Беларуси и других стран ЕАЭС (Беляева и др., 2024). Также имеет место рост расчетов в национальных валютах, что преследует ту же цель, как отмечает ЕЭК (Аналитический доклад, 2023).

В ЕАЭС проходит процесс формирования нескольких отраслевых «общих рынков», например, в медицинской и фармацевтической сфере, в энергетике, сфере финансов, транспорта, сельского хозяйства (Михалёва, Берман, 2023). Этот тренд в полной мере соответствует задачам и принципам формирования Экономического союза, а также сотрудничающих с ним стран-партнеров, уменьшит зависимость от мирового рынка (торговых контактов с недружественными странами) и деструктивного воздействия глобальных кризисов — экономического, торгового, финансового, валютного. По итогам 2023 г. доля взаимных расчетов в национальных валютах стран ЕАЭС превысила 84%. По сравнению с 2014 г. этот показатель вырос почти на 14 процентных пункта. При этом снизилась доля расчетов в долларах США: с 26% до 11%. Помимо российского рубля, наиболее заметно выросла доля расчетов в тенге: с 0,5% до 2,7% (В ЕАЭС доля расчетов, б/г).

3. Рост кооперационных поставок между странами ЕАЭС (прежде всего промышленные) как направление углубления торговой и хозяйственной интеграции между странами объединения. По данным на начало 2025 г., «... в ЕАЭС реализуется и

разрабатывается свыше 270 инвестиционных проектов в сфере промышленности, общая стоимость которых превышает 240 млрд долларов, и эти проекты обладают реальным потенциалом кооперационных поставок ... На 2025 г. в бюджете ЕАЭС заложено около 3 млрд рублей для финансового содействия реализующимся и разрабатываемым кооперационным совместным проектам в различных индустриальных направлениях» (На 2025 год) в соответствии с Решением Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2021 г. N 5 «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года» (Решение, 2021).

4. Еще одна тенденция, призванная активизировать взаимную торговлю и интеграцию, содействовать повышению эффективности и конкурентоспособности — **обновление транспортно-логистической составляющей торговли и транспортных коридоров**. Мировая практика подтверждает, что транспорт и логистика выступает одним из центральных элементов торговли, так как обеспечивает непосредственную и устойчивую связь между производителем и потребителем в разных странах. Поэтому в ЕАЭС, обладающем значительной территорией, этот сегмент выступает одним из важнейших элементов экономической интеграции. Помимо поддержки собственно торговых задач, транспортно-логистический сектор служит фактором роста национальных и региональной хозяйственных систем, так как обеспечивает новые рабочие места, привлекает технологии, инвестиции, в том числе совместные (ЕАЭС, 2024).

По территории ЕАЭС проходит как минимум два транспортных коридора: «Север — Юг» и «Восток — Запад». Эти коридоры являются международными и обеспечивают связь не только между странами ЕАЭС, но и между ЕАЭС, с одной стороны, и третьими государствами и регионами (партнерами ЕАЭС во внешнеторговой сфере).

5. Развитие процессов формирования ЗСТ со странами-партнерами ЕАЭС.

По информации на июнь 2025 г., ЕАЭС заключил несколько соглашений о ЗСТ с третьими странами (Крючкова, б/г):

- С ОАЭ заключено бессрочное соглашение, предусматривающее обнуление пошлин для 86% товарной номенклатуры, или 98% объема всего экспорта ЕАЭС в эту страну;

- С Монголией подписан временный договор, рассчитанный на 3 года (с возможностью продления на тот же срок) и охватывающий 367 товарных позиций для каждой стороны, на которые таможенные пошлины будут обнулены или снижены.

Кроме того, завершаются переговоры о ЗСТ с Индонезией, идут предварительные консультации с Индией и Египтом, планируется запустить их с Тунисом. В 2019 г. с Ираном подписано временное соглашение, ведущее к формированию ЗСТ; с Вьетнамом, Сингапуром в 2015–2019 гг. подписаны соглашения о свободной торговле.

Также между ЕАЭС и некоторыми третьими странами (например, Китай, Сербия и др.) подписаны соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. Подписание соответствующих соглашений и функционирование ЗСТ существенно расширит и укрепит позиции ЕАЭС в торговле с дружественными странами.

Стоит отметить, что эти тенденции развития внутрирегиональной торговли в ЕАЭС в полной мере соответствуют общемировым процессам и глобальным трендам, что дает возможность прогнозировать их дальнейшее укрепление в ЕАЭС.

Можно отметить ряд успешных примеров регионального сотрудничества в ЕАЭС:

1. Создание общего рынка товаров и услуг:

- Снятие таможенных барьеров между странами-членами (Россия, Казахстан, Беларусь, Армения, Кыргызстан) привело к росту взаимной торговли;

- В 2017–2021 гг. объем взаимной торговли вырос с 45 млрд долл. до 73 млрд долл., несмотря на санкционное давление;

- Казахстан и Беларусь активно поставляют в Россию сельхозпродукцию и промышленные товары, а Россия обеспечивает их энергоресурсами.

2. Координация в агропромышленном секторе:

- В 2020–2022 гг. ЕАЭС согласовал общие фитосанитарные нормы, что упростило экспорт сельхозпродукции;

- Россия и Казахстан увеличили поставки зерна и мяса в рамках Союза, избегая ограничений третьих стран.

3. Интеграция платежных систем:

- После отключения России от *SWIFT* в 2022 г. ЕАЭС ускорил внедрение системы передачи финансовых сообщений (СПФС);

- Казахстан и Армения подключились к системе, что снизило зависимость от западных платежных механизмов.

4. Логистические проекты:

- Развитие международного транспортного коридора «Север — Юг» (Россия — Казахстан — Иран — Индия) с участием ЕАЭС, имеющего важное значение с точки зрения развития внешнеэкономических связей как внутри регионального интеграционного объединения, так и со странами Азии, а также с точки зрения дальнейшего развития и укрепления транспортной дипломатии стран ЕАЭС (Международный транспорт, 2022).

- Упрощение транзита грузов через территорию Союза (например, китайские товары в Европу через Казахстан и Беларусь).

Также можно отметить пока малопродуктивные (или малоэффективные) примеры сотрудничества в ЕАЭС:

1. Несогласованная промышленная политика:

- Попытка создать единые промышленные цепочки (например, в автопроме) столкнулась с конкуренцией между странами.

Например, Казахстан и Беларусь развивают собственное автомобилестроение, конкурируя с российскими производителями.

2. Проблемы с единой валютой:

- Идея введения общей валюты (аналог евро) так и не реализована из-за разногласий.

Так, в 2022 г. Казахстан отверг предложение России о введении единой расчетной единицы на фоне опасений потери суверенитета.

3. Торговые конфликты между членами ЕАЭС:

В 2019–2021 гг. Москва ограничивала поставки белорусской молочной продукции под предлогом санкций, чтобы уменьшить конкуренцию их продукции в этой сфере и российской. В 2020 г. Казахстан временно запретил ввоз армянского алкоголя по причине «нарушений стандартов».

4. Нежелание углублять политическую интеграцию:

- Казахстан и Армения дистанцируются от инициатив России по созданию «политического союза» в рамках ЕАЭС. Например, в 2022 г. Казахстан отказался признать ДНР и ЛНР.

Можно также заметить, что в ЕАЭС наблюдается различный уровень заинтересованности стран-участниц в углублении союза. Соответственно, сохраняется ряд проблем во взаимной торговле стран ЕАЭС, требующих своего решения.

Заключение

Современное состояние взаимной торговли в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) характеризуется ростом товарооборота между странами-участницами. Это связано с активизацией интеграционных процессов в рамках союза, которые включают формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов и вызваны как внутристрановыми процессами, так и внешними (зачастую негативными) факторами.

Исследование позволило выявить следующие основные характеристики взаимной торговли в ЕАЭС в последнее десятилетие:

1. Доминирование внутреннего рынка ЕАЭС для стран-участниц как рынка сбыта и источника импортной продукции. Об этом свидетельствует динамика индексов экспортной и импортной ориентации — доли экспорта/импорта внутри Союза в совокупном экспорте/импорте стран-участниц ЕАЭС. Например, в 2023 г. индекс экспортной ориентации вырос до 16,6%, а индекс импортной ориентации — до 22,2%.

2. Рост объемов взаимной торговли. Например, за 2024 г. объем взаимной торговли стран ЕАЭС вырос на 6,8% по сравнению с 2023 г., приблизившись к отметке в 9 трлн рублей. Также произошло увеличение доли расчетов в национальных валютах во взаимной торговле — она достигла уровня 90%.

3. Основными факторами активизации взаимной торговли стали как интеграционные проекты и промышленная кооперация, которые стимулируют рост торговли. Например, в 2022–2023 гг. усиление торговли происходило за счет импортозамещения на уровне Союза и резекспорта санкционной продукции, так и меры срочного реагирования Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) для поддержки потребителей продукции отраслей критического импорта и предприятий, зависящих от импортных поставок. Например, временное освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин внутри ЕАЭС по 1307 позициям критического импорта.

4. Наконец, единое таможенное регулирование (для стран-участниц действует общий таможенный кодекс, установлены одинаковые таможенные пошлины, коды ТН ВЭД), создание общей системы технического регулирования и единый режим торговли с третьими странами позволили обеспечить тот уровень торговли, который сформировался к настоящему времени.

В то же время потенциал внутрирайонной торговли далеко не исчерпан, его более полной реализации будет способствовать уменьшение сохраняющихся во взаимной торговле стран ЕАЭС проблем.

Список литературы

1. Аналитический доклад (2023) О макроэкономической ситуации в государствах — членах Евразийского экономического союза и предложения по обеспечению устойчивого экономического развития. Москва. [Analytical report (2023) On the macroeconomic situation in the member States of the Eurasian Economic Union and proposals for sustainable economic

development. Moscow. (In Russian).] URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b59/Analytical_report_2022.pdf?ysclid=mcp3kfluwf691237638

2. Беляева Е. Н., Савон И. В., Черненко О. Б., Исик Л. В. (2024) Взаимная торговля Российской Федерации с государствами–членами ЕАЭС: региональный аспект экономической безопасности // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. № 3. С. 198–202. [Belyaeva E. N., Savon I. V., Chernenko O. B., Isik L. V. (2024) Mutual trade of the Russian Federation with the EAEU member States: a regional aspect of economic security // Competitiveness in the global world: economics, science, technology. No. 3. Pp. 198–202. (In Russian).]

3. В ЕАЭС доля расчетов в российских рублях повысилась до 81,3%. [In the EAEU, the share of payments in Russian rubles increased to 81.3%. (In Russian).] URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-dolya-raschetov-v-rossiyskikh-rublyakh-povysilas-do-81-3/>

4. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024). [The Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on 05/29/2014) (as amended on 05/25/2023) (as amended and supplemented, intro. effective from 06/24/2024). (In Russian).] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/18eeb7d78d488fc57f4273bae01601899946ea32/

5. ЕАЭС и формирование международных транспортных коридоров. Аналитическая записка. Дипломатическая академия, октябрь 2024. [The EAEU and the formation of international transport corridors. Analytical note. Diplomatic Academy, October 2024. (In Russian).] URL: https://www.dipacademy.ru/documents/9139/A3_ЕАЭС_и_коридоры_.pdf

6. Евразийский экономический союз / Винокуров Е. Ю., Коршунов Д. А., Перебоев В.С., Цукарев Т. В. Санкт-Петербург, 2017. 296 с. [The Eurasian Economic Union / Vinokurov E. Yu., Korshunov D. A., Pereboev V. S., Tsukarev T. V. Saint Petersburg, 2017. 296 p. (In Russian).]

7. ЕЭК (официальный сайт) [The EEC (official website) (In Russian).] URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/domestic_trade/series/?ysclid=ma2dkzf15s913437610

8. Король Т. А. (2024) Цифровая трансформация сферы торговли ЕАЭС / В сборнике: Трансформация механизма государства в период становления и развития инновационного электронного государства. Сборник статей международного круглого стола. Минск. С. 299–302. [Korol T. A. (2024) Digital transformation of the EAEU trade sphere / In the collection: Transformation of the mechanism of the state in the period of formation and development of the innovative electronic state. Collection of articles of the international round table. Minsk. Pp. 299–302. (In Russian).]

9. Крючкова Е. (2025) Между Абу-Даби и Улан-Батором. ЕАЭС заключил два новых соглашения о свободной торговле. [Kryuchkova E. (2025) Between Abu Dhabi and Ulaanbaatar. The EAEU has concluded two new free trade agreements. (In Russian).] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7851052>

10. Ляшенко М. В., Калмыков С. П. (2020) Необходимость цифровизации экономики стран ЕАЭС для углубления интеграции // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Т. 11. № 5 (47). С. 66–78. [Lyashenko M. V., Kalmykov S. P. (2020) The need for digitalization of the economy of the EAEU countries to deepen integration // Scientific

Papers of the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of Sciences. Vol. 11. No. 5 (47). Pp. 66–78. (In Russian).]

11. Международный транспорт, международная транспортная политика и транспортная дипломатия / Билялова Л. Р., Борисов А. Н., Бяшарова А. Р., Герман Е. И., Голубчик А. М., Демин В. А., Долбик-Воробей Т. А., Ефименко Д. Б., Жанказиев С. В., Илюхина С. С., Карелина Е. А., Кожанков А. Ю., Мальцева М. В., Мамедова И. А., Пак Е. В., Панфилов И. Д., Подхалюзина В. А., Полякова Т. Ю., Савченко-Бельский В. Ю., Савченко-Бельский К. А. и др. Учебник для магистратуры. Москва, 2022. 471 с. [International transport, international transport policy and transport diplomacy / Bilyalova L. R., Borisov A. N., Byasharova A. R., German E. I., Golubchik A. M., Demin V. A., Dolbik-Vorobey T. A., Efimenko D. B., Zhankaziev S. V., Ilyukhina S. S., Karelina E. A., Kozhenkov A. Yu., Maltseva M. V., Mammadova I. A., Pak E. V., Panfilov I. D., Podkhalyuzina V. A., Polyakova T. Yu., Savchenko-Belsky V. Yu., Savchenko-Belsky K. A. and others. A textbook for graduate studies. Moscow, 2022. 471 p. (In Russian).]

12. Михалёва Т. Н., Берман А. М. (2023) Единый рынок Евразийского экономического союза: de jure, de facto, de lege ferenda // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 4 (62). С. 673–688. [Mikhaleva T. N., Berman A. M. (2023) The single market of the Eurasian Economic Union: de jure, de facto, de lege ferenda // Bulletin of Perm University. Legal sciences. Is. 4(62). Pp. 673–688. (In Russian).] DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-673-688.

13. На 2025 год предусмотрено порядка 3 млрд рублей на кооперационные проекты в рамках ЕАЭС. [For 2025, about 3 billion rubles are provided for cooperation projects within the EAEU. (In Russian).] URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/na-2025-god-predusmotrenoporyadka-3mlrd-rublei-na-kooperatsionnye-proekty-v-ramkakh-eaes/?ysclid=mc3y57o9z167417242>

14. Новые тренды цифровизации: Россия и мир / Пономаренко Е. В., Дигилина О. Б., Шкваря Л. В., Вереникина А. Ю., Меланьина М. В., Налбандян А. А., Оганесян А. А., Рузина Е. И., Тыркба Х. В., Павлов А. М., Пономарева В. С. Москва, 2023. [New trends in digitalization: Russia and the world / Ponomarenko E. V., Digilina O. B., Shkvaryia L. V., Verenikina A. Yu., Melanyina M. V., Nalbandian A. A., Oganesyanyan A. A., Ruzina E. I., Tyrkba K. V., Pavlov A. M., Ponomareva V. S. Moscow, 2023. (In Russian).] DOI: 10.12737/2009648

15. Овчинникова О. П., Кокуйцева Т. В. (2020) Интеграционные процессы в научно-технологической сфере ЕАЭС: проблемы и перспективы // Россия и Азия. № 1 (10). С. 29–34. [Ovchinnikova O. P., Kokuitseva T. V. (2020) Integration processes in the scientific and technological sphere of the EAEU: problems and prospects // Russia and Asia. No. 1 (10). Pp. 29–34. (In Russian).]

16. Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза. Аналитический обзор 21 февраля 2024 г. [About the main socio-economic indicators Of the Eurasian Economic Union. Analytical review on February 21, 2024 (In Russian).] URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf

17. Побирченко В. В., Шутаева Е. А. (2024) Приоритеты развития внешней торговли товарами государств-членов ЕАЭС // Геополитика и экогеодинамика регионов. №3 (20). С. 42–57. [Pobirchenko V. V., Shutaeva E. A. (2024) Priorities for the development of foreign trade in goods of the EAEU member states // Geopolitics and ecogeodynamics of the regions. No. 3 (20). Pp. 42–57. (In Russian).]

18. Решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2021 г. N 5 «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года». [Decision of the Eurasian Intergovernmental Council No. 5 dated April 30, 2021 "On the Main directions of industrial cooperation within the framework of the Eurasian Economic Union until 2025". (In Russian).] URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21ms0005/?ysclid=mcp4d4encu995802089>
19. Саргсян Л. Н. (2019) Влияние внутрирегиональной торговли на экономический рост стран ЕАЭС / Экономика и современный менеджмент: теория, методология, практика. Сборник статей VII международной научно-практической конференции. Пенза. С. 84–87. [Sargsyan L. N. (2019) The impact of intraregional trade on the economic growth of the EAEU countries / Economics and Modern Management: theory, methodology, practice. Collection of articles of the VII International Scientific and practical Conference. Penza. Pp. 84–87. (In Russian).]
20. Соловьева Ю. В. (2016) Трансферт технологий стран–членов ЕАЭС: региональные особенности // Азимут научных исследований: экономика и управление. Т. 5. № 2 (15). С. 223–228. [Solovieva Yu. V. (2016) Transfer of technologies of the EAEU member states: regional features // Azimuth of scientific research: economics and management. Vol. 5. No. 2 (15). Pp. 223–228. (In Russian).]
21. Чиниев Д. Б. (2010) Экономическая безопасность Республики Таджикистан в условиях глобализации. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Российский университет дружбы народов. Москва. [Chinieva D. B. (2010) Economic security of the Republic of Tajikistan in the context of globalization. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences / Peoples' Friendship University of Russia. Moscow. (In Russian).]
22. Nasser M. H., Solovyova Yu., Telyatnikova V., Syrbu A. (2024) The concept of regional sectoral development in modern trends of sustainability and digitalization // E3S Web of Conferences. Vol. 549. P. 09014. DOI: 10.1051/e3sconf/202454909014.
23. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx>

The current state of mutual trade in the EAEU: main characteristics and trends

Jami B. Chiniev,

PhD (Economics), Economist, IMF Representative Office in Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan.

The article provides an analysis of trade between the countries of the regional bloc of the EAEU (Eurasian Economic Union) at the present stage. The issue of mutual trade within the EAEU is becoming particularly relevant in the light of increasing global economic risks. The need to increase the stability of trade relations between the countries of the Union is of paramount importance for ensuring the stability of the economies of the member States. The initial data for the analysis include statistical indicators of foreign trade operations, data on trade turnover between the EAEU countries, as well as research on trends in the global economy and international relations. The novelty lies in a comprehensive approach to the study of mutual trade issues, taking into account the specifics of the current geopolitical situation and the use of the latest analytical tools. The research is based on an interdisciplinary approach, combining methods of economic theory, international law and statistics. Modern data analysis techniques are used, including modeling scenarios and predicting the possible consequences of various policy options. Special attention is paid to the use of advanced information collection and processing technologies. The study period

covers 2020–2024 due to the fact that these years are associated with global events in the world such as COVID–19, a special military operation in connection with which sanctions were applied. These events have affected the economy and the integration process.

Keywords: *EAEU, regional economic integration, intraregional trade, macroeconomic dynamics, structure of mutual trade, efficiency of mutual trade.*

JEL codes: *F13, F14, F15, F69.*

Статья поступила в редакцию 24.05.2025.

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Перспективы стратегии декарбонизации Ирана в условиях неопределенности

Савинский Андрей Владимирович¹

Акселерация развития и роли энергетического сегмента в экономике Исламской Республики Иран наряду с высоким уровнем зависимости страны от данного сегмента, с одной стороны, и необходимостью снижения выбросов парниковых газов в условиях роста экологических угроз, национальных и глобальных, с другой стороны, актуализирует тему перспектив стратегии декарбонизации Ирана. Цель данного исследования — оценка основных перспектив стратегий декарбонизации: проблемы и перспективы (на примере Ирана). Объект исследования — стратегия декарбонизации Ирана; предмет исследования — перспективы в совершенствовании стратегии декарбонизации Ирана. Методы исследования — теоретический анализ, сравнительный анализ, синтез, дедукция, индукция, а также SWOT и PEST-анализ. Теоретическая значимость исследования состоит в обобщении существующих мнений в отечественном и зарубежном научном сообществе и по поводу декарбонизации Ирана, подкрепленных собственным анализом автора. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на актуализацию вопросов экологической безопасности и проявление интереса к международным альянсам, Иран пока не достиг успехов в создании выгодных партнерств (по большей части с западными странами). В таком контексте Иран остается в состоянии риска недостижения намеченных климатических целей. Практическая значимость исследования состоит в выявлении перспектив декарбонизации Исламской Республики Иран.

Ключевые слова: Иран, CO₂, энергетический сектор, декарбонизация, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), устойчивое низкоуглеродное будущее.

JEL коды: F64, L79, O13, O14, O53.

Введение

Тема декарбонизации становится все более актуальной в контексте глобальных изменений климата и необходимости снижения выбросов парниковых газов, которые ведут к росту температуры всей планеты (Шаповалова, 2022), изменяющих тренды развития мировой энергетики, что отмечают как отечественные (см., например: Конопляник, 2025), так и зарубежные исследователи (Vidal, 2017), включая и мировой энергетический рынок (Тебекин, 2024; Zhenlian, Solovieva, 2023). Кроме того, исследователи обосновывают наличие высокой

¹ Савинский Андрей Владимирович — доцент кафедры политической экономики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

корреляции между экономическим развитием и реализацией экологической повестки (Шкваря, Асмятуллин, 2023).

Иран, как одна из стран с высоким уровнем выбросов CO_2 , на протяжении ряда лет стремится реализовать собственную национальную стратегию декарбонизации, что имеет для страны важное значение (Гулиев, Бенашвили, 2022; Вахненко и др., 2003). Быстрое развитие нефтяной и газовой отрасли, энергетическая и экономическая зависимость от углеводородов и недостаточная диверсификация экономики делают страну уязвимой к современным требованиям по снижению углеродных эмиссий, поэтому изучение перспектив декарбонизации именно на примере Ирана обладает высокой актуальностью и в российском научном сообществе, так как вопросы декарбонизации для стран, ориентированных на традиционные источники энергии в ВВП и экспорте, остаются приоритетными.

Ключевым аспектом декарбонизации в Иране становится необходимость изменения подходов к энергетической политике и модернизации индустриальной базы (Алиев, Гулиев, 2022). В стране существуют ресурсы возобновляемой энергии (солнечной и ветровой), но их использование пока не стало доминирующим (Обухова, 2024). Вопросы, с которыми сталкивается Иран, включают технические, экономические проблемы и социальные — необходимость изменения мышления населения и повышение осведомленности о современных и перспективных компонентах устойчивого развития. Проблемы инерции в принятии решений и отсутствие предметно определенной государственной стратегии при таком подходе в одном государстве замедляют принятие прогрессивных решений и в других. В то же время, на наш взгляд, все еще недостаточно работ, посвященных исследованию энергетической составляющей Ирана с точки зрения декарбонизации его экономики.

Несмотря на вышеперечисленные трудности, Иран, на наш взгляд, имеет потенциал для успешной декарбонизации. В последние годы, с учетом изменений в климатической и политической повестке, государство проявляет интерес к международным соглашениям, направленным на уменьшение углеродного следа. Поддержка новых технологий, развитие альтернативных источников энергии и интеграция экологических норм в бизнес-программы создают возможности для формирования устойчивой энергетической структуры, поэтому, рассматривая ситуацию в Иране, в данном исследовании оцениваются перспективы, которые открываются для страны в контексте глобальных целей по борьбе с изменением климата.

Исследованием энергетики — мировой и страновой — и вопросами процесса декарбонизации занимались многие отечественные и зарубежные исследователи, среди которых Алиев Р. А., Бяшарова А. Р., Зотов А. Е., Гулиев И. А., Мастепанов А. М., Абрамов В. И., Путилов А. В., Афанасьев А. А., Баранов Н. Н., Тебекин А. В., Шаповалова А. Б., Конопляник А. А. и другие исследователи.

Цель данного исследования — оценка основных перспектив стратегий декарбонизации: проблемы и перспективы (на примере Ирана).

Результаты исследования

Энергетический сектор, выступая основным источником энергии в мире, обеспечивает комфорт и стабильность современного общества, параллельно оказывая влияние на окружающую среду, прежде всего за счет своей сохраняющейся зависимости от ископаемого топлива и связанных с ними негативных последствий — загрязнением воздуха и ухудшением климатической ситуации. Переход к низкоуглеродной инфраструктуре в энергосистемах

становится необходимостью в условиях глобального потепления и изменяющегося на планете климата, процесса, особенно остро затрагивающего отдельные страны и регионы (Гильмундинов, Тагаева, 2023; Минцзюнь, 2025). Целый ряд государств уже приступил к реализации стратегии декарбонизации (Айдрус, 2015; Zhenlian, Solovieva, 2023). Внедрение такого перехода требует комплексного подхода, включая использование возобновляемых источников энергии (ВИЭ) вместе с эффективными системами хранения, минимизирующих выбросы углерода (Бяшарова, Зотов, 2025; Соловьёва, 2023), но полный переход на возобновляемые ресурсы не всегда отвечает задачам по полному сокращению выбросов CO_2 , указывая на потребность в использовании «технологий улавливания» и хранения углерода (CCUS), которые служат инструментом в текущих и в будущих энергосистемах, особенно в странах и регионах, где ископаемое топливо остается доминирующим источником энергии.

Включение технологий улавливания, использования и хранения углерода (CCUS) в существующие теплоэлектрические системы представляет собой практическое решение для снижения выбросов углерода, а поэтапный отказ от устаревших, менее эффективных тепловых энергоблоков, работающих на ископаемом топливе, в пользу более «чистых» и устойчивых источников энергии (ядерной энергии) формирует низкоуглеродный энергетический сектор. Ядерная энергия, обладающая высокой производительностью и минимальными углеродными выбросами, уже широко используется в мире в качестве компонента в переходе к более устойчивой энергетике, дополнительно поддерживая другие низкоуглеродные источники. Все перечисленные стратегии, свойственные для концепции декарбонизации Ирана, создают целостную «дорожную карту» для достижения устойчивого низкоуглеродного будущего. Ключевым элементом в данном процессе служит планирование расширения генерации и хранения (GSEP), которое требует сбалансированного подхода к выбору оптимального сочетания генерационных и накопительных установок для удовлетворения энергетических потребностей в долгосрочной перспективе (процесс подразумевает математические задачи, в которых учитываются разные факторы — капитальные и эксплуатационные затраты, экологические воздействия и инновационные технологии) (Reguly, 2019).

Переход на низкоуглеродную экономику, который выступает одним из наиболее вероятных трендов развития мировой энергетики (Афанасьев, Баранов, 2021), требует комплексного подхода, который содержит учет неопределенности в инвестиционных стратегиях и понимание увеличения затрат, сопутствующих указанному процессу по сравнению с традиционными сценариями развития. В рамках данного перехода критически важно внедрение новых установок комбинированного цикла, оснащенных современными технологиями улавливания углерода (CCUS), снижающими выбросы CO_2 и улучшающими экологическую ситуацию. Одновременно Иран имеет возможность для внедрения возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и формирования политики по сокращению углеродных выбросов, что выступает неотъемлемой частью стратегического планирования, направленного на создание устойчивой национальной энергетической системы. При таком подходе модернизация уже действующих установок комбинированного цикла, работающих на природном газе, оптимизирует энергетику и повышает ее эффективность, способствуя переходу к «низкоуглеродному будущему».

В контексте стремления к устойчивому будущему переход к низкоуглеродной энергетике приобретает особую важность, потому что он все сильнее зависит от непостоянных возобновляемых источников энергии (ВИЭ), создавая новые задачи в области планирования и расширения энергетического сектора. Конструктивное управление возникающей

неопределенностью становится основой для успешного принятия обоснованных решений о будущей генерации мощностей и их структуре, и оценки связанных с ними затрат. В ответ на такие проблемы иранские специалисты разработали инновационную многоступенчатую стохастическую модель оптимизации, которая принимает во внимание инвестиции в генерацию и в устройства хранения энергии, обеспечивая интеграцию требований гибкости энергосистемы с глубоким пониманием неопределенностей в спросе и предложении на национальном уровне.

Данная модель служит инструментом для исследования воздействия разных уровней проникновения возобновляемых источников энергии на рынок в сфере спроса и предложения и анализа результатов политики по сокращению выбросов углерода, указывая на структуру взаимодействия между рассматриваемыми факторами (Climate Action Tracker).

При переходе к низкоуглеродному энергетическому сектору основной целью в планировании расширения является управление неопределенностью, вызванной растущим влиянием непостоянных возобновляемых источников энергии — неопределенность напрямую связана с многими переменными (колебаниями цен на традиционные энергоносители, изменениями в государственной политике, непредсказуемым спросом, развитием технологий и колеблющимся производством, основанным на климатических условиях) (Zhenlian, Solovieva, 2023). Для принятия обоснованных решений специалистами (при позитивных условиях) учитываются все перечисленные факторы в моделях планирования расширения, так как они напрямую влияют на надежность и стоимость предлагаемых решений. В рамках современных исследований используются разные методологии, направленные на эффективное устранение неопределенности, среди которых стоят стохастическое программирование, методы оптимизации с ограничениями по шансам и подходы, исключающие риск.

Также обращает на себя внимание аспект цифровизации энергетики как важной составляющей одновременно и экономического развития, и энергетического сектора при снижении экологической нагрузки на окружающую среду (Абрамов, Путилов, 2025).

Анализ текущих исследований по планированию расширения энергосистемы Ирана свидетельствует о прогрессе в интеграции факторов надежности, выбросов и водопользования в контексте устойчивого развития. Важность учета неопределенностей, связанных с возобновляемыми источниками энергии, выражается через моделирование множества сценариев, более точно оценивая средние результаты и разрабатывая обоснованные стратегии для перехода к низкоуглеродной экономике. Анализ рыночного поведения и влияния налоговой политики на выбросы углерода и субсидии на возобновляемые энергоисточники (ВИЭ) особенно критичны для Ирана, где низкие затраты на ископаемое топливо создают препятствия для устойчивого снижения выбросов. Исследования отражают потребность в улучшении инфраструктуры, включая взаимодействие электрических и газовых сетей, для повышения устойчивости к изменяющимся климатическим условиям и экономическим проблемам (Мастепанов, 2019).

Энергетическая политика Ирана за последние 2 десятилетия делает акцент на разработке целенаправленного и согласованного подхода, учитывающего социально-экономические и экологические условия страны (Overcoming), а также на проводимую страной политику в области энергетической дипломатии (Белов, 2024). Проблемы, возникшие из-за множества противоречивых целей, ставят под сомнение эффективность предыдущих политик, что выражается в недостаточно высоких результатах и неисполнении

запланированных инициатив. Учитывая сложности, связанные с управлением энергетическим сектором, необходим фокус на выработке конкретных стратегий, которые основываются на исследованиях внутреннего контекста, потребностей населения и природных ресурсов, повышая устойчивость и адаптивность энергетической системы страны к внешним факторам — изменению в мировой энергетической политике и воздействию климатических факторов.

С целью определения наиболее реальных перспектив развития политики декарбонизации Ирана нами был проведен SWOT-анализ, результаты которого представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1.

SWOT-анализ стратегии декарбонизации Ирана

Сильные стороны	Слабые стороны
– наличие природных ресурсов (солнечная и ветряная энергия), которые используются для производства чистой энергии – Иран имеет развитую инфраструктуру для энергетического сектора и опыт в разработке традиционных источников энергии, что способствует переходу к экологически чистым технологиям; – поддержка правительства и потенциальное сотрудничество с международными партнерами ускоряют процесс декарбонизации	– зависимость экономики от нефтяных доходов, которые создают риски при переходе к более низкому уровню углеродных выбросов; – существующие технологические и инвестиционные ограничения в области возобновляемых источников энергии замедляют процесс; – проблемы с внутренней политикой и социальные волнения затрудняют внедрение необходимых мер и технологий
Возможности	Угрозы
– Иран имеет международную поддержку и финансирование для инвестиций в «чистые технологии» и устойчивое развитие; – участие в международных соглашениях по климату и возможность адаптации к новым экономическим условиям, связанным с международным переходом к углеродной нейтральности, открывают дополнительные перспективы для страны	– международные экономические санкции, которые негативно сказываются на способности Ирана к привлечению иностранных инвестиций и технологий, необходимых для успешной декарбонизации; – экономические проблемы и политическая нестабильность внутри страны препятствуют внедрению необходимых реформ и технологий; – изменение климата ведет к нарастающим экологическим проблемам, что делает переход к устойчивым источникам энергии одновременно приоритетным, но сложным

Источник: разработано автором.

SWOT-анализ стратегии декарбонизации Ирана демонстрирует, что несмотря на ряд угроз и слабых зон, наличие ресурсов, международные возможности и необходимость адаптации к меняющимся условиям предоставляют Ирану шанс на преобразование собственного энергетического сектора и повышения его эффективности при снижении выбросов в окружающую среду.

Далее в табл. 2 представлен *PEST*-анализ стратегии декарбонизации Ирана. Все факторы оценивались по 3х-балльной шкале группой специалистов в области экологии и «зеленой» энергетики. В исследовании приняли участие 5 специалистов.

Таблица 2.

PEST-анализ стратегии декарбонизации Ирана

Фактор	Э1	Э2	Э3	Э4	Э5	Средний балл
Политические факторы						
Неравномерная политическая среда	2	1	2	2	2	1,8
Международные санкции	3	2	3	3	3	2,8
Политическая воля и поддержка со стороны правительства	3	3	3	3	3	3
Наличие стратегического партнерства с другими странами	3	3	3	3	3	3
ИТОГО ПО ГРУППЕ	11	9	11	11	11	2,65
Экономические факторы						
Колебания цен на нефть и внутренние экономические проблемы	3	2	2	3	2	2,4
Нестабильная экономика — трудности в привлечении иностранного капитала и технологий	3	3	3	3	3	3
Рост мирового спроса на «чистую энергетику» и существующие международные финансирования	3	3	3	2	3	2,8
Крупные ресурсы возобновляемой энергии, включая солнечную и ветровую	3	3	3	3	3	3
ИТОГО ПО ГРУППЕ	12	11	11	11	11	11,2
Социальные факторы						
Общественное мнение и социальные движения	2	3	3	2	2	2,4
Рост общественного давления на правительство с целью принятия мер по защите окружающей среды	2	2	2	2	3	2,2
Ответственные методы использования ресурсов и строительство устойчивого общества	2	2	2	2	2	2
Социальные программы, направленные на повышение осведомленности о экологических вопросах	2	2	2	2	2	2
ИТОГО ПО ГРУППЕ	8	9	9	8	9	8,6
Технологические факторы						
Адаптация и внедрение новых технологий	3	2	3	3	3	2,8
Местные разработки в области чистых технологий	3	3	3	3	3	3
Поддержка внешних технологий и научных исследований	3	3	3	3	3	3
Открытость к международному сотрудничеству в области науки и технологий	3	3	3	2	3	2,8
ИТОГО ПО ГРУППЕ	12	11	12	11	12	11,6

Источник: разработано автором.

PEST-анализ показывает, что стратегия декарбонизации Ирана находится под воздействием множества факторов, включая политические ограничения, экономические

проблемы, социальные движения и технологическое развитие. На данный момент на стратегию декарбонизации Ирана воздействуют практически все группы факторов, но в разной степени. На рис. 1 показана карта влияния по группам факторов.

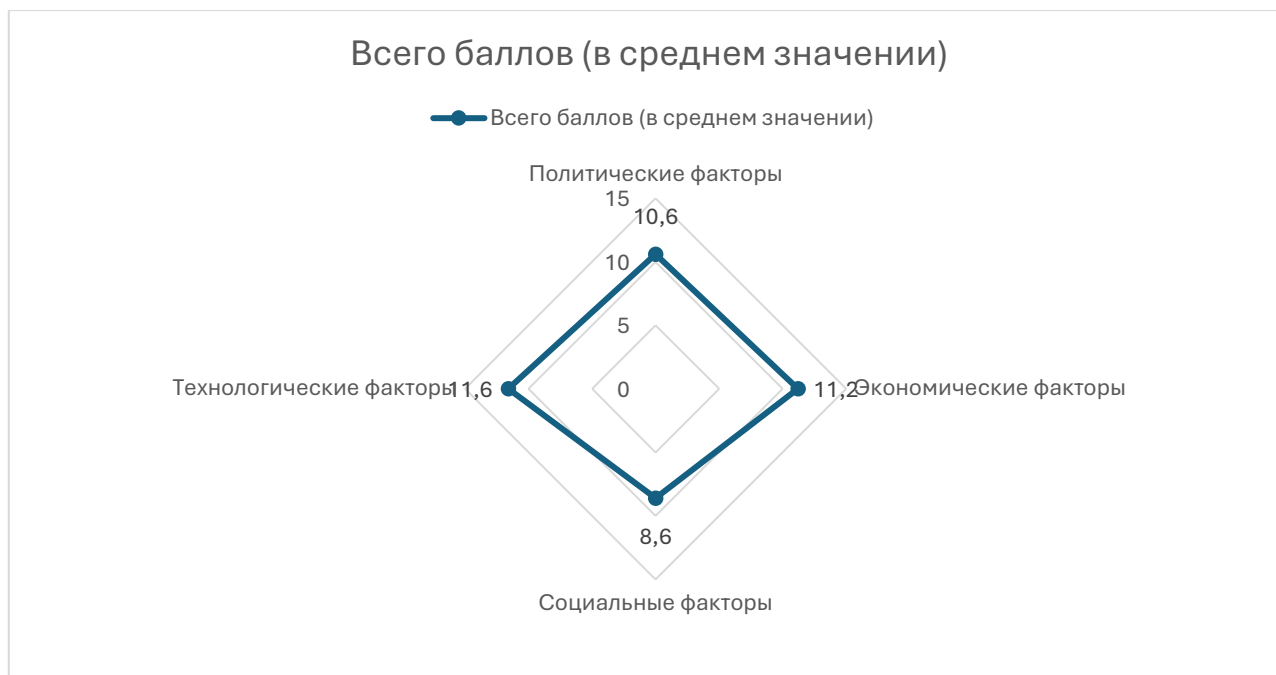

Рис. 1. Карта влияния факторов на стратегию декарбонизации Ирана по группам факторов

Источник: разработано автором.

Анализ влияния политических, экономических, социальных и технологических факторов на стратегию декарбонизации Ирана показывает, что преобладающая роль отводится экономическим и технологическим аспектам, за которыми следуют политические и социальные элементы.

Наибольшее значение, равное 11,6, принадлежит технологическим факторам, указывая на необходимость внедрения современных технологий и инноваций для сокращения углеродного следа и повышения энергоэффективности. Экономические факторы с оценкой 11,2 указывают на необходимость финансовых вложений и инвестиций для поддержки перехода к устойчивым источникам энергии. Политические факторы, набравшие 10,6, привлекают внимание к вопросу о значимости государственной поддержки и стратегического планирования в рамках национальной политики, остающихся важным стимулом для продвижения декарбонизации. Социальные факторы с оценкой 8,6 указывают на необходимость активного вовлечения общества и повышение общественной осведомленности об устойчивом развитии и изменениях климата с необходимостью снижения углеродного следа.

Таким образом, совершенствование стратегии декарбонизации Ирана открывает множество перспектив, которые влияют на переход страны к более устойчивой экономике. По мнению многих аналитиков, на данный момент Ирану необходимо внедрение технологических инноваций, включая возобновляемые источники энергии — солнечную и ветровую энергию, снижая зависимость от ископаемых видов топлива и уменьшая углеродные выбросы. При таком подходе экономическая перестройка, включающая привлечение

инвестиций в «зеленые технологии» и стимулирование частного сектора, ориентирована на создание рабочих мест и укрепление финансовой устойчивости. Социальный аспект, как показало наше исследование, аналогично требует внимания, потому что просвещение населения и информирование об экологических проблемах, вовлечение граждан в процесс принятия решений и изменение потребительских привычек усиливает общественную поддержку декарбонизационных проектов.

Заключение

Стратегия декарбонизации Ирана характеризуется многоуровневым подходом, включающим интеграцию возобновляемых источников энергии, улучшение энергоэффективности, развитие устойчивого общественного транспорта и управление водными ресурсами, что является ответом на растущие экологические проблемы и международные климатические обязательства. Внедрение технологий солнечной и ветровой энергетики, наряду с модернизацией существующих энергетических систем, направлено на уменьшение зависимости от ископаемых видов топлива, что способствует снижению углеродных выбросов. Но многими исследователями отмечено, и наше исследование это подтверждает, что реализация данной стратегии сталкивается с рядом проблем, включая экономические санкции, ограниченный доступ к современным технологиям, необходимость в значительных инвестициях и отсутствие широкой общественной поддержки.

Несмотря на актуализацию вопросов экологической безопасности и проявление интереса к международным альянсам, Иран пока не достиг значимых успехов в создании выгодных партнерств (по большей части с западными странами). В таком контексте Иран остается в состоянии риска недостижения намеченных климатических целей.

Совершенствование стратегии декарбонизации Ирана открывает множество перспектив, которые влияют на переход страны к более устойчивой экономике. По мнению многих аналитиков, и с этим можно полностью согласиться, на данный момент Ирану необходимо внедрение технологических инноваций, включая возобновляемые источники энергии — солнечную и ветровую энергию, снижая зависимость от ископаемых видов топлива и уменьшая углеродные выбросы.

Список литературы

1. Абрамов В. И., Путилов А. В. (2025) Цифровизация экономических отношений в энергетике как фактор устойчивого развития страны // Энергия: экономика, техника, экология. № 7 (487). С. 39–48. [Abramov V. I., Putilov A. V. (2025) Digitalization of economic relations in the energy sector as a factor of sustainable development of the country // Energy: economics, technology, ecology. No. 7 (487). Pp. 39–48. (In Russian).] DOI: 10.7868/S0233361925070043
2. Айдрус И. А. З. (2015) Развитие международного сотрудничества Бахрейна в нефтегазовой сфере и роль внешнего фактора // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 5. С. 5–15. [Aidrous I. A. Z. (2015) The development of Bahrain's international cooperation in the oil and gas sector and the role of the external factor // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. No. 5. Pp. 5–15. (In Russian).]
3. Алиев Р. А., Гулиев И. А. (2022) Энергопереход как фактор развития устойчивой энергетики стран Каспийского региона: монография. М.: Аспект Пресс. 272 с. [Aliiev R. A.,

Guliyev I. A. (2022) Energy transition as a factor in the development of sustainable energy in the Caspian region: a monograph. Moscow: Aspect Press. 272 p. (In Russian).]

4. Афанасьев А. А., Баранов Н. Н. (2021) Мировая энергетика: глобальные проблемы и перспективы развития // Энергия: экономика, техника, экология. № 2. С. 28–47. [Afanasyev A. A., Baranov N. N. (2021) World energy: global problems and development prospects // Energy: Economics, technology, ecology. No. 2. Pp. 28–47. (In Russian).] DOI: 10.7868/S023336192102004X

5. Белов В. И. (2024) Мегарегионализация и энергетическая дипломатия Ирана // Восточная аналитика. Т. 15. № 4. С. 75–90. [Belov V. I. (2024) Megaregionalization and energy diplomacy of Iran // Oriental Analytics. Vol. 15. No. 4. Pp. 75–90. (In Russian).] DOI: 10.31696/2227-5568-2024-04-075-090

6. Бяшарова А. Р., Зотов А. Е. (2025) Декарбонизация как глобальный вызов для стран — экспортеров энергоресурсов // Международная торговля и торговая политика. Т. 11. № 2. С. 50–61. [Byasharova A. R., Zotov A. E. (2025) Decarbonization as a global challenge for energy exporting countries // International trade and trade policy. Vol. 11. No. 2. Pp. 50–61. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2025-2-50-61

7. Вахненко В. А., Летунов Н. С., Преображенская Л. Б. (2003) Энергетика Ирана: реальность и возможности // Энергия: экономика, техника, экология. № 12. С. 28–33. [Vakhnenko V. A., Letunov N. S., Preobrazhenskaya L. B. (2003) Iran's energy sector: reality and opportunities // Energy: economics, technology, ecology. No. 12. Pp. 28–33. (In Russian).]

8. Гильмундинов В. М., Тагаева Т. О. (2023) Совершенствование институциональных механизмов сокращения негативного воздействия на окружающую среду // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Энергетический переход: к чему готовиться мировому нефтегазу // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. № 10 (178). С. 5–14. [Gilmundinov V. M., Tagaeva T. O. (2023) Improvement of institutional mechanisms for reducing negative environmental impact // Journal of the Siberian Federal University. Series: Energy Transition: what the global oil and gas industry is preparing for // Problems of economics and management of the oil and gas complex. No. 10 (178). Pp. 5–14. (In Russian).] DOI: 10.33285/1999-6942-2019-10(178)-5-14

9. Гулиев И. А. О., Бенашвили К. А. (2022) Трансформация топливно-энергетического комплекса стран Каспийского региона: перспективы развития ВИЭ // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 6–2. С. 231–237. [Guliyev I. A. O., Benashvili K. A. (2022) Transformation of the fuel and energy complex of the countries of the Caspian region: prospects for the development of renewable energy sources // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. No. 6–2. Pp. 231–237. (In Russian).] DOI: 10.17513/vaael.2270

10. Конопляник А. А. (2025) Тренды мировой энергетики: вызовы и перспективы для России и Газпрома // Энергия: экономика, техника, экология. № 6 (486). С. 11–23. [Konoplyanik A. A. (2025) Global energy trends: challenges and prospects for Russia and Gazprom // Energy: economics, technology, ecology. No. 6 (486). Pp. 11–23. (In Russian).] DOI: 10.7868/S0233361925060023

11. Мастепанов А. М. (2019) Энергетический переход: к чему готовиться мировому нефтегазу // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. № 10 (178). С. 5–14. [Mastepanov A. M. (2019) Energy transition: what the global oil and gas industry is preparing for // Problems of economics and management of the oil and gas complex. No. 10 (178). Pp. 5–14. (In Russian).] DOI: 10.33285/1999-6942-2019-10(178)-5-14

12. Минцзюнь Х. (2025) Формирование экологической цивилизации и декарбонизация как приоритетное направление развития экономики Китая // Международная торговля и торговая политика. Т. 11. № 2. С. 71–83. [Mingjun H. (2025) The formation of ecological civilization and decarbonization as a priority area for the development of the Chinese economy // International trade and trade policy. Vol. 11. No. 2. Pp. 71–83. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2025-2-71-83
13. Обухова А. Н. (2024) Реализация энергетического потенциала ИРИ как основы роста иранской экономики в 2000–2023 гг. // Восточная аналитика. Т. 15. № 4. С. 33–53. [Obukhova A. N. (2024) Realization of Iran's energy potential as the basis for the growth of the Iranian economy in 2000–2023 // Eastern Analytics. Vol. 15. No. 4. Pp. 33–53. DOI: 10.31696/2227-5568-2024-04-033-053
14. Соловьёва Ю. В. (2023) Экономическая целесообразность использования отходов при добыче углеводородов // Экономика и предпринимательство. № 11(160). С. 946–950. [Solovieva Yu. V. (2023) Economic feasibility of using waste in hydrocarbon production // Economics and entrepreneurship. No. 22(60). Pp. 946–950. (In Russian).] DOI: 10.34925/EIP.2023.160.11.179.
15. Тебекин А. В. (2024) Мировой энергетический рынок в рамках ресурсных циклов Дж. Форрестера // Энергия: экономика, техника, экология. № 9 (477). С. 16–27. (In Russian).] DOI: 10.7868/S0233361924090039
16. Шаповалова А. Б. (2022) Декарбонизация экономических систем // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. № 3 (42). С. 40–47. [Shapovalova A. B. (2022) Decarbonization of economic systems // Bulletin of the S. Y. Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management. № 3 (42). С. 40–47. (In Russian).] DOI: 10.21777/2587-554X-2022-3-40-47
17. Шкваря Л. В., Асмятуллин Р. Р. (2023) Проблемы взаимосвязи климатической повестки и экономического роста в ЕАЭС // Сегодня и завтра Российской экономики. № 113–114. С. 13–23. [Shkvarya L. V., Asmyatullin R. R. (2023) Problems of interrelation of the climate agenda and economic growth in the EAEU // Today and tomorrow of the Russian economy. No. 113–114. Pp. 13–23. (In Russian).] DOI: 10.26653/1993-4947-2023-113-114-02
18. Climate Action Tracker (CAT): Islamic Republic of Iran. URL: <https://climateactiontracker.org/countries/iran/policies-action/>
19. Overcoming Iran's power imbalance requires \$1b investment // Tehran Times. 15.09.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/503671/Overcoming-Iran-s-powerimbalance-requires-1b-investment-official>
20. Reguly E. (2019) Corporate knights. A tale of transformation: the Danish company that went from black to green energy. URL: www.corporateknights.com/channels/climate-and-carbon/black-green-energy-15554049/
21. Vidal O. (2017) Mineral Resources and Energy. Future Stakes in Energy Transition. CNRS, France. 156 pp.
22. Zhenlian T., Solovieva Y. V. (2023) Policy analysis of EU countries under the carbon emissions trading system // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 4(36). Pp. 41–49. DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-41-49.

Prospects for Iran's decarbonization strategy amid uncertainty

Andrey V. Savinsky,

Associate Professor of the Department of Political Economy, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

The acceleration of the development and role of the energy segment in the economy of the Islamic Republic of Iran, along with the country's high level of dependence on this segment, on the one hand, and the need to reduce greenhouse gas emissions in the face of growing environmental threats, national and global, on the other hand, actualizes the prospects for Iran's decarbonization strategy. The purpose of this study is to assess the main prospects of decarbonization strategies: problems and prospects (using the example of Iran). The object of the study is Iran's decarbonization strategy; The subject of the study is the prospects for improving Iran's decarbonization strategy. The research methods are theoretical analysis, comparative analysis, synthesis, deduction, induction, as well as SWOT– and PEST–analysis. The theoretical significance of the study lies in the generalization of existing opinions in the domestic and foreign scientific community on the decarbonization of Iran, supported by the author's own analysis. The author concludes that despite the actualization of environmental safety issues and the interest shown in international alliances, Iran has not yet achieved success in creating profitable partnerships (mostly with Western countries). In this context, Iran remains at risk of not achieving its intended climate goals. The practical significance of the study is to identify the prospects for decarbonization of the Islamic Republic of Iran.

Keywords: Iran, CO₂, energy sector, decarbonization, renewable energy sources (RES), sustainable low-carbon future.

JEL codes: F64, L79, O13, O14, O53.

Статья поступила в редакцию 30.05.2025 г.

Производство и импорт зерновой продукции как ключевые направления обеспечения продовольственной безопасности Китая

Чухарев Андрей Владимирович¹

В статье рассматриваются проблемы развития агропромышленного комплекса Китайской Народной Республики, проводится оценка текущего положения дел в сферах производства и импорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия в данном государстве. При этом особое внимание в работе уделяется вопросу обеспечения продовольственной безопасности Китая и значимой роли продукции зернового комплекса в его решении. К моменту своего образования в 1949 г. Китайская Народная Республика испытывала существенные трудности с самостоятельным обеспечением своих граждан продуктами питания, причиной чего выступала общая неэффективность аграрного производства в стране. На основе анализа эмпирических данных в исследовании установлено, что проведенные новым правительством Китая сельскохозяйственные реформы, позволили вывести национальное производство на качественно новый уровень, существенно повысить самообеспеченность государства продуктами питания, внести ощутимый вклад в укрепление его продовольственной безопасности. Вместе с тем, в начале XXI века Китай оказывается перед лицом новых вызовов и угроз для первичного сектора своей экономики, минимизировать негативное влияние которых способно плодотворное международное сотрудничество. Одним из наиболее перспективных направлений в данной сфере является укрепление и расширение форм сельскохозяйственного партнерства с Российской Федерацией, следствием которого может стать более комплексное и всеобъемлющее решение продовольственной проблемы не только на страновом и региональном, но и на глобальном уровнях.

Ключевые слова: продовольственная проблема, продовольственная система, модели питания, продовольственная обеспеченность, Китай, Россия.

JEL коды: Q11, Q13, Q15, Q17, Q18.

Введение

Продовольственная проблема остается одной из наиболее сложных в мире. Особенно остро она проявляется в отдельных странах, относящихся к группам развивающихся и наименее развитых, которые с ней сталкиваются в той или иной мере, что в первую очередь обуславливается многомерностью проявлений ее последствий. Данная проблема несет в себе не только экономические, но также социальные и демографические (в т. ч. миграционные) угрозы и вызовы. На протяжении всей своей истории человечество регулярно сталкивается с проблемой голода (или его угрозой), а также с необходимостью преодолевать его разрушительные последствия.

¹ Чухарев Андрей Владимирович — младший научный сотрудник отдела экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия.

Считается, что одним из первых ученых, которые изучали продовольственную проблему, стал Т. Мальтус, который в 1798 г. своей работе «Исследование закона народонаселения» высказал идею о том, что первопричиной голода выступает исключительно то обстоятельство, что рост населения происходит в геометрической прогрессии, в то время как производство продовольствия (продуктов питания) — лишь в арифметической, и именно это соотношение вызывает не только голод, но также эпидемии и войны (Мальтус, 1998). Возможность заблаговременного предупреждения связанного с природными ограничениями дефицита средств производства, следствием которого становится указанный выше комплекс социально-экономических трудностей и результирующего главным образом в широкое распространение голода, Т. Мальтус усматривал в прочном утверждении среди населения принципа «действительной и разумной свободы», подразумевающего популяризацию моральных ограничений, препятствующих для стремительному росту численности населения.

С тех времен подходы к решению продовольственной проблемы изменились, они стали более гуманными. Однако сама проблема, несмотря на то что в некоторой степени потеряла свою остроту, окончательно не была ликвидирована (Маскаев, Ширяев, Цыганков, Грищенко, 2024. С. 45–51). Сегодня все более широкое внимание исследователей наряду с классическими количественными вопросами продовольственной проблемы (наличие и доступность определенной калорийности и питательных элементов, потребляемых населением) привлекают и ее качественные аспекты (разнообразие, вкусовые качества и др.). Это связано с тем, что в мире и его отдельных регионах со временем происходит переход к новым, более современным, моделям питания, что становится следствием происходящих глобальных экономических, климатических, научно-технических, демографических и других трансформационных процессов, порождающих как новые возможности, так и новые потребности.

Еще одной категорией, касающейся продовольственной проблемы, выступает продовольственная система, представляющая собой комплекс видов экономической деятельности в сфере производства, распределения, обмена и потребления в продовольственной сфере, а также проведение соответствующей политики на международном, страновом, региональном и местном уровнях. Согласно ФАО, «Продовольственная система охватывает все элементы (окружающую среду, людские ресурсы, факторы производства, процессы, инфраструктуру, организации и т. д.) и все виды деятельности, связанные с производством, переработкой, распределением, приготовлением и потреблением продовольствия, а также результаты такой деятельности, в том числе социально-экономические и экологические» (Питание и продовольственные системы, 2018. С. 13).

Наконец, стоит отметить, что, будучи глобальной, продовольственная проблема весьма дифференцирована по макрорегионам мира и отдельным странам, таким образом, что ее острота сохраняется на более высоком уровне там, где имеет место более высокая плотность населения, динамика его роста, где складываются менее благоприятные возможности в сфере сельскохозяйственного производства (Инь, 2025), наблюдается значительное воздействие социально-экономических и политических факторов (Айдрус, Иванов, 2017).

Одной из стран, где продовольственная проблема все еще привлекает внимание исследователей, политиков и практиков, является Китай, где формируются новые основы продовольственной безопасности (Якимович, 2023) и предпринимающий серьезные меры по решению этой проблемы (World Bank — Food Security Update, May 2024). Например, в стране

создано Министерство сельского хозяйства и продовольственной безопасности, и объединение агросферы и продовольственной безопасности говорит как о серьезности проблемы, так и о необходимости ее решения. Авторы отмечают, что «В КНР продовольственная безопасность является первоочередной задачей развития страны, при условии прироста населения и поглощения значительных участков сельскохозяйственных под промышленное производство и городскую застройку. (Хуан, Чжу, 2018. С. 113). Поднебесная стремится окончательно преодолеть продовольственную проблему и обеспечить продовольственную безопасность, и опыт в этой сфере может быть полезен другим государствам.

Результаты исследования

Голод всегда был серьезной проблемой в старом полуколониальном и полуфеодальном Китае. Уровень развития сельского хозяйства в старом Китае был крайне низким. 80% населения долгое время пребывали в состоянии голода и полуголодания. В периоды истории, сопровождавшиеся разрушительными стихийными бедствиями, дефицит продовольствия в Китае достигал критических значений. Когда в 1949 г. после продолжительной гражданской войны был основан Новый Китай — современная Китайская Народная Республика — урожайность зерна с гектара в стране составляла всего 1011 кг (USDA/SB, 1988. Р. 21). В то время на одного китайца приходилось всего чуть более 200 кг произведенного внутри страны зерна в год (Ren, 2020. Р. 269; USDA/SB. Р. 19).

Правительство Нового Китая ликвидировало феодальную систему землевладения, привело людей к самостоятельности, они усердно работали, энергично развивали производство продуктов питания и использовали около 7% пахотных земель мира, чтобы прокормить 22% населения планеты. По сравнению с 1949 г., в 1995 г. общий объем производства зерна увеличился более чем в 3 раза, среднегодовой прирост составил 3,5%.

В настоящее время (по состоянию на 2024 г.) по общему объему производства зерна Китай занимает 1-е место в мире, при этом производство на душу населения составляет около 440 кг в год (включая фасоль и картофель), что ощутимо превышает среднемировой показатель, составляющий 387 кг на человека в год. Для сравнения, производство мяса на душу населения в Китае составляет 68 кг в год, яиц — 25 кг, фруктов — 187 кг, овощей — 427 кг (FAOSTAT — Crops and livestock products, 2025; FAOSTAT — Annual population, 2024), продукции рыбной промышленности — 49 кг (USDA/Report-CH2024-0044, p.3), что превышает среднемировой показатель.

Согласно статистике Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций, в 1980-х гг. на долю Китая приходился 31% мирового прироста производства зерна. Огромные достижения Китая в развитии производства сельскохозяйственного сырья и продуктов питания не только в основном решили проблему обеспечения людей продовольствием и постепенно повысили уровень их жизни, но и внесли значительный вклад в искоренение голода и нищеты в глобальном масштабе.

Рассматривая развитие производства продуктов питания с момента основания Нового Китая, можно сказать, что оно примерно разделено на 3 этапа.

Первый этап пришелся на 1950–1978 гг. В 1949 г. общий объем производства зерна в Китае составлял всего 111,21 млн тонн и достиг в 1978 г. 304,77 млн тонн (USDA/SB, 1988. Р. 19). За этот период Китай реформировал отношения землевладения, обеспечив практику

взаимопомощи и сотрудничества фермеров. такой подход обеспечил рост качества производственных процессов, способствовал совершенствованию сельскохозяйственной инфраструктуры, повышению качества используемых в сельском хозяйстве посадочных материалов и оборудования и ускорил прогресс сельскохозяйственной науки и техники, заложив основу для устойчивого развития производства продуктов питания.

Второй этап пришелся на 1979–1984 гг. В 1984 г. общий объем производства зерна в Китае достиг 407,3 млн тонн и в этот период рост производства зерна стал самым высоким с момента основания Нового Китая, что в основном было обусловлено серией реформ, осуществленных китайским правительством в сельских районах. Особую роль в них сыграло внедрение системы ответственности, основанной на семейных контрактах на совместное производство, и двухуровневой модели управления, сочетающей интеграцию и распределение. Кроме того, правительством были предприняты широкомасштабные политические меры, такие как существенное повышение закупочных цен на зерно (к 1984 г. они выросли в 1,5 раза относительно уровня 1918 г.: с 263,4 юаней за тонну в базовом периоде до 395,1 юаней за тонну в отчетном периоде (USDA/SB, 1988. Р. 17). Это в значительной степени мобилизовало большинство фермеров на активизацию зернового производства. Указанные меры позволили сконцентрировать ресурсы в сельскохозяйственной инфраструктуре, науке и технике, инвестициях и т. д.

Третий этап длится с 1985 г. по настоящее время. В 1995 г. общий объем производства зерна в Китае достиг 418,66 млн тонн (FAOSTAT — Crops and livestock products, 2025). В течение этого периода китайское правительство активно корректировало структуру сельскохозяйственного производства и развило многостороннее управление, результатом чего стала обширная диверсификация поставляемой на внутренний и мировой товарные рынки номенклатуры товаров. Производство мяса, продукции рыбного хозяйства, яиц, молока и фруктов достигло 99,22 млн тонн, 71 млн тонн, 36 млн тонн, 47,27 млн тонн и 271,81 млн тонн соответственно, совокупные количественные объемы производства сельскохозяйственной продукции данных товарных групп увеличились почти в 10 раз с 1984 г. (ibidem; Liu et al., 2024. Р. 1).

В процентах от ВВП

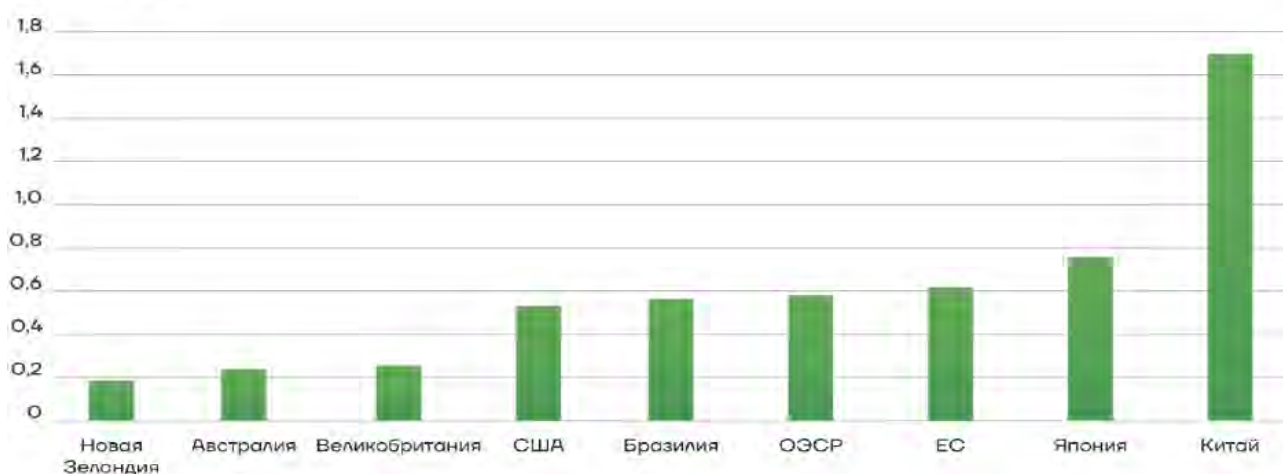

Рис. 1. Поддержка сельскохозяйственного сектора в различных странах и объединениях.

Источник: Продовольственная безопасность 2024. С. 13.

Но темпы роста производства продовольствия в этот период замедлились, несмотря на то что государство продолжает оказывать сельскохозяйственному сектору значительную поддержку.

Например, более 85% производителей пшеницы в Китае застрахованы от потерь урожая (погодные риски, болезни, вредители), причем 70% страховой премии покрывает государство. Также государство предоставляет субсидии для основных зернопроизводящих регионов, гарантированные закупочные цены снижают риски фермеров, а развитие инфраструктуры хранения пшеницы позволяет осуществлять накопление и перераспределения зерна. Наряду с этим уделяется внимание и экологическим аспектам производства пшеницы: страна стремится к ее высокой экологической чистоте.

Широкое разнообразие инструментов и мер государственной поддержки аграрного сектора экономики дало возможность Китаю увеличить внутреннее производство зерна, следствием чего стало укрепление продовольственной безопасности в государстве (Федосеев, Тан, 2024. С. 140), а также выход на первую позицию в мировом рейтинге стран-производителей зерна по суммарному объему собираемого урожая (табл. 1).

Таблица 1.

Производство пшеницы: ведущие производители в 2023–2025 гг., млн тонн

	2023	2024	2025 (оценка)	Изменение 2024/2025, %
Китай (материк)	136,6	140,1	140,5	0,3
Европейский союз	133,7	119,8	135,3	12,9
Индия	110,6	113,3	115,4	1,9
Российская Федерация	92,8	82,6	83,5	1,1
США	49,1	53,7	52,3	–2,6
Канада	32,9	35,0	35,0	0,1
Австралия	26,0	34,1	30,5	–10,7
Пакистан	28,2	31,4	27,9	–11,3
Украина	22,5	22,4	19,5	–12,9
Турция	22,0	20,8	19,5	–6,3
Казахстан	12,1	18,6	15,3	–17,7
Аргентина	15,9	18,5	20,5	10,8
Иран	16,6	16,8	13,5	–19,4
Объединенное королевство	14,0	11,1	13,0	16,6
Всего крупнейшие производители	712,8	718,2	721,7	0,5
Всего мир	791,9	797,7	800,1	0,3

Источник: FAO — Food Outlook: Biannual Report on Global Food Markets, Jun 2025. С. 13.

Как видно из табл. 1, в 2024 г. на долю Китая приходилось более 17,5% от мирового уровня производства пшеницы. В то же время в 2024 г. Китай было произведено в совокупности свыше 700 млн тонн зерна, что стало рекордным объемом. В 2025 г. Китай объявил о принятии десятилетнего плана по превращению страны в сельскохозяйственную державу, чтобы к 2035 г. достичь стабильных объемов производства зерна собственными силами и обеспечить более надежное продовольственное снабжение (Китай принимает, 2025). Так, согласно плану Министерства сельского хозяйства и продовольственной безопасности

Китая, к 2030 г. страна должна достигнуть общего валового сбора зерна на уровне 700 млн тонн в год, при этом ключевой вклад продолжат вносить пшеница и кукуруза. В то же время КНР удалось нарастить производство пшеницы на душу населения, превысив средний по миру показатель (табл. 2).

Таблица 2.

Производство пшеницы на душу населения в КНР в 2023–2024 гг.

	2023	2024	2025 (оценка)	Изменение 2024/2025, %
Население в Китае, млн человек	1422,59	1419,3	1416,1	99,77
Производство на душу населения в КНР, млн тонн	0,096	0,099	0,099	100,51
Население в мире, млн человек	8091,7	8161,97	8231,6	100,85
Производство на душу населения в мире	0,098	0,098	0,097	99,45

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD.

Но, как видно из табл. 2, количество населения в стране имеет тенденцию к сокращению при сохранении роста жителей планеты в целом. Стоит отметить, что, обладая около 22% мирового населения, Китай располагает лишь порядка 9% от общемировых запасов пахотных земель, хотя и стремится всячески увеличить или, как минимум, сохранить имеющиеся угодья.

По прогнозу Зарубежной сельскохозяйственной службы Минсельхоза США (FAS), в 2025–2026 гг. потребление пшеницы в Китае составит 151 млн тонн. Из них 118 млн тонн приходится на пищевые цели, а до 33 млн тонн — на кормовые нужды (Китай расширяет, 2025). При этом, по данным информагентства «Синьхуа», на начало 2024 г. общая площадь сельскохозяйственных угодий в Китае, отвечающих высоким стандартам, составила около 66,7 млн гектаров (66,7 млн гектаров, 2024).

Несмотря на это, КНР сталкивается с рядом трудностей (во многом — объективных) в производстве пшеницы. Например, эксперты отмечают, что в стране сокращается количество пахотных земель из-за урбанизации, а также вследствие роста количества промышленных и бытовых отходов с необходимостью их размещения (Чэн, 2019). Кроме того, периодические климатические катаклизмы, такие как наводнения, приводят к потерям урожая и снижению урожайности производства пшеницы. Существуют регионы с экстремальными температурными колебаниями. Незначительные размеры участков мелких фермеров не позволяют широко применять новейшие технологии, такие как умные ирригационные системы, умные теплицы и технологии капельного полива, сельскохозяйственные дроны и др., широко применяемые, например, в странах арабского региона (Шкваря, 2024) и обеспечивать необходимое финансирование. Сбои в глобальных цепочках поставок также нарушают возможности обеспечения продовольственной безопасности (Solovieva, He, 2021). Например, во время пандемии COVID–19 закрытие границ и транспортные ограничения привели к перебоям с поставками продовольствия. Страна нарабатывала определенный опыт решения этих и других проблем, которые, на наш взгляд, представляет интерес для других государств (Шамин, Вожаева, 2011).

Поднебесная планирует наращивать импорт продовольствия, в том числе пшеницы, в перспективе, включая и цели использования ее в качестве корма для сельскохозяйственных животных и птиц. Свою пшеницу Китай не экспортирует, но остается одним из крупнейших в мире ее импортеров, устойчиво наращивая свои запасы (рис. 2).

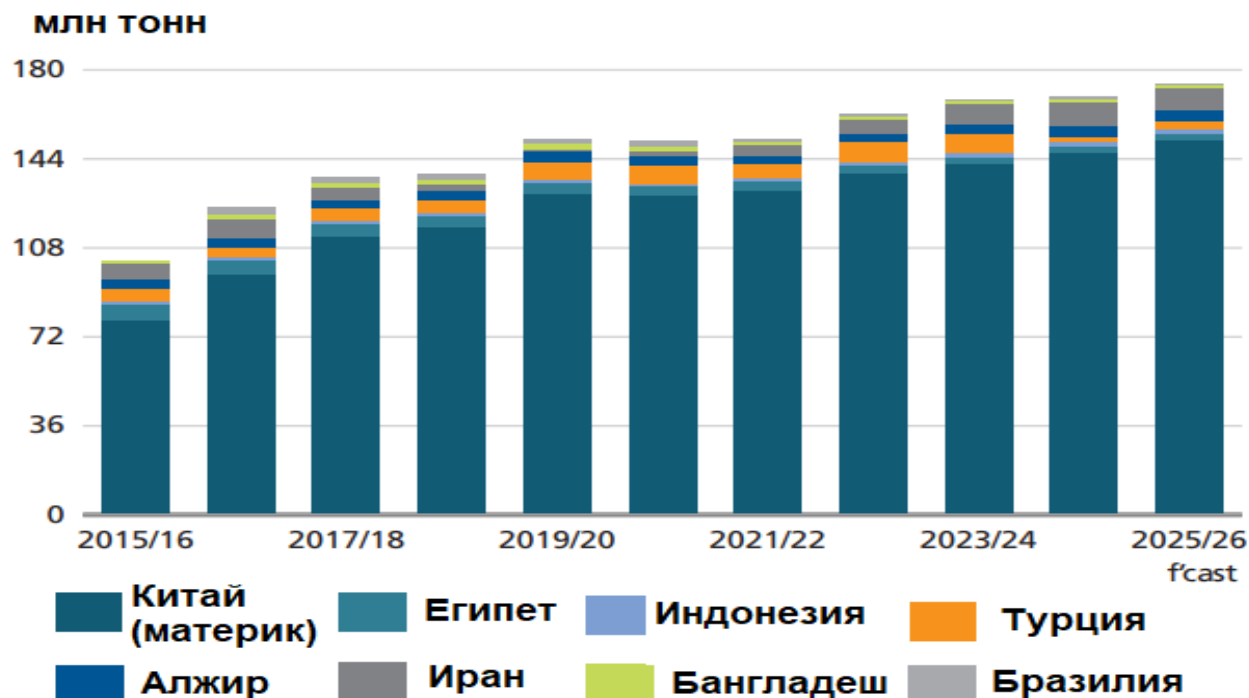

Рис. 2. Запасы пшеницы у крупнейших импортеров в 2015–2026 гг., млн тонн.

Источник: FAO — Food Outlook. С. 15.

Как видно из рис. 2, именно в Китае накоплены наиболее значительные в мире запасы пшеницы для обеспечения национальной продовольственной безопасности и сокращения связанных с ней экономических и социальных рисков, в которых отмечаются заметные успехи (Global Food Security Index).

На Россию приходится 20–25% мировой торговли пшеницей, и страна завоевывает все новые рынки (Чухарев, 2024). По итогам 2023 г. Китай нарастил закупки пшеницы из России до 35 млн долларов (в 2022 г. — 2,7 млн). По данным Россельхознадзора, по состоянию на 24 сентября 2023 г. поставки зерна и продуктов его переработки из России в Китай составили 3,6 млн тонн, что в три раза выше показателя аналогичного периода 2022 г. и на 63% выше показателя всего 2022 г. (ТАСС, 2023). По данным Государственного таможенного управления КНР, в 2024 г. объем экспорта российской пшеницы в Китай составил 87,252 млн долларов. Это в 2,5 раза больше, чем в 2023 г. (34,71 млн долларов) (Возобновление, 2025). Аналитический центр «Совэкон» повысил прогноз производства пшеницы в Российской Федерации в 2025 г. с 85,2 млн до 85,4 млн тонн на фоне хороших видов на урожай в Сибири и на Урале («Совэкон», 2025), что, на наш взгляд, обеспечит дополнительный потенциал роста российского экспорта в Китай.

Заключение

Сельское хозяйство Китайской Народной Республики на современном этапе представляет собой высокоэффективную отрасль экономики, характеризующуюся внушительным уровнем индустриализации, высокими показателями производительности и функциональной системой управления. Преодолев проблемы аграрного сектора, доставшиеся в наследство от феодального и частично колониального прошлого страны, правительство Китая за последние три четверти века сумело существенно модернизировать производство сельскохозяйственного сырья и продовольствия, доведя его показатели до мировых уровней и даже превысив их, что внесло существенный вклад не только в укрепление продовольственной безопасности в отдельно взятом государстве, но и в решение глобальной продовольственной проблемы.

Развитие производства продуктов питания в Китае после окончания гражданской войны проходило в три ключевых этапа, его результативность во многом обеспечивается эффективностью правительственной аграрной политики и широким использованием мер государственной поддержки сектора. Сегодня Китай является крупнейшим мировым производителем сельскохозяйственного сырья и продовольствия, на долю которого приходится порядка четверти совокупного мирового производства продуктов питания. Фундаментом продовольственной безопасности Китая (впрочем, как и в большинстве стран мира) выступает зерновой подкомплекс растениеводства.

Вместе с тем национальная аграрная экономика Китая, испытывающая беспрецедентное давление демографического фактора, в силу объективных исторических причин (таких как ограниченность наличных земель, пригодных для возделывания), а также новых вызовов и угроз, характерных для первой четверти XXI (например, ухудшение экологической обстановки в мире и связанные с ним климатические изменения, рост торговой напряженности и учащение экономических конфликтов, ведущие к появлению все большего числа барьеров для взаимовыгодного международного товарообмена), все еще остается не в полной мере способной к самостоятельному удовлетворению всех внутренних потребностей. Китай сохраняет за собой статус одного из крупнейших импортеров продуктов питания. Данным фактором обуславливается необходимость поиска Китаем наиболее эффективных каналов и механизмов международного взаимодействия, нацеленного на обеспечение продовольственной безопасности на страновом, региональном и глобальном уровнях.

В условиях глубокого кризиса либеральной модели глобализации, и все более широкого осознания мировым сообществом необходимости формирования многополярного мира, значимыми центрами которого способны стать Россия и Китай, сотрудничество данных стран в деле решения продовольственной проблемы представляется перспективным и крайне важным не только с точки зрения укрепления двустороннего сотрудничества, но и с позиции выстраивания наиболее оптимальной конфигурации всей мирохозяйственной системы. Россия, как один из ведущих поставщиков зерна на мировой рынок, исправно исполняющий принятые на себя обязательства в области международной торговли, может стать надежным сельскохозяйственным партнером Китая, одним из гарантов его продовольственной безопасности. Кроме того, в силу внушительного совокупного веса аграрных экономик данных стран их сотрудничество будет способствовать установлению на мировом рынке более справедливых принципов ценообразования в отношении критически важных сельскохозяйственных товаров, таких как пшеница и иные виды зерновых.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З., Иванов А. Л. (2017) Экономические санкции и импортозамещение в продовольственном секторе России // Инновационная экономика. № 2(11). С. 12. [Aidurus I. A. Z., Ivanov A. L. (2017) Economic sanctions and import substitution in the food sector of Russia // Innovative economy. No. 2 (11). P. 12. (In Russian).]
2. Возобновление поставок российской пшеницы в Китай (2025) [Resumption of Russian wheat supplies to China (2025) (In Russian).] URL: <https://graininfo.ru/news/vozobnovlenie-postavok-rossiyskoy-pshenitsy-v-kitay/>
3. Инь Ч. (2025) Продовольственная проблема в Центральной Азии: текущая ситуация, причины, меры // Постсоветские исследования. Т. 8. № 4. С. 446–455. [Yin Ch. (2025) The food problem in Central Asia: the current situation, causes, measures // Post-Soviet studies. Vol. 8. No. 4. Pp. 446–455. (In Russian).]
4. Китай принимает десятилетний план для укрепления продовольственной безопасности (2025) [China adopts a ten-year plan to strengthen food security (2025) (In Russian).] URL: <https://milknews.ru/index/kitay-plan-prodovolstviye.html>
5. Китай расширяет посевы и снижает зависимость от внешних поставок (2025) [China expands crops and reduces dependence on external supplies (2025) (In Russian).] URL: <https://agrosearch.kz/news/kitai-rassiryaet-posevy-i-snizaet-zavisimost-ot-vnesnix-postavok>
6. Мальтус Т. (1998) Исследование закона народонаселения. Киев: Основы. 535 с. [Malthus T. (1998) A study of the population law. Kiev: Osnovy Publ. 535 p. (In Russian).]
7. Маскаев А. И., Ширяев И. М., Цыганков С. С., Грищенко И. В. (2024) Экологизм как экономическая идеология: от Мальтуса до устойчивого развития // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 68. С. 40–61. [Maskaev A. I., Shiriaev I. M., Tsygankov S. S., Grischenko I. V. (2024) Environmentalism as an economic ideology: From Malthus to sustainable development // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. — Tomsk State University Journal of Economics. 68. Pp. 40–61. (In Russian).] DOI: 10.17223/19988648/68/2
8. Питание и продовольственные системы. Доклад группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания. Март, 2018. [Nutrition and food systems. Report of the high-level expert group on food security and Nutrition. March, 2018. (In Russian).] URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/d3b6842e-0076-47b8-9a7c-823916a4d637/content>
9. Продовольственная безопасность 2024: снижение цен и новые риски. Росконгресс. Институт изучения мировых рынков. Февраль, 2024. [Food security 2024: lower prices and new risks. Roscongress. Institute for the Study of World Markets. February, 2024. (In Russian).]
10. «Совэкон» повысил прогноз производства пшеницы в РФ до 85,4 млн тонн (2025) [«Sovecon» raised its forecast of wheat production in Russia to 85.4 million tons (2025) (In Russian).] URL: <https://agrotochka.org/post/sovecon-increases-russia-s-wheat-production-forecast-to-85-4-million-tons>
11. ТАСС (2023) Поставки зерна и продуктов его переработки из РФ в КНР в 2023 году выросли в три раза. [TASS (2023) Supplies of grain and processed products from Russia to China tripled in 2023. (In Russian).] URL: <https://tass.ru/ekonomika/18858189>
12. Федосеев И. В., Тан Ш. (2024) Анализ сельскохозяйственной отрасли Китая: потенциал и территориальные диспропорции // KANT. №3 (52). С. 131–141. [Fedoseev I. V.,

Tan S. (2024) China's agricultural industry analysis: potential and territorial imbalances // KANT. No. 3 (52). Pp. 131–141. (In Russian).] DOI: 10.24923/2222-234X.2024-52.20

13. Хуан С., Чжу Ю. (2018) Производство зерна — основа продовольственной безопасности КНР // Вестник магистратуры. № 5–4(80). С. 112–114. [Huang S., Zhu Y. (2018) Grain production is the basis of China's food security // Bulletin of the Magistracy. No. 5–4 (80). Pp. 112–114. (In Russian).]

14. Чухарев А. В. (2024) Российский экспорт пшеницы в страны Африки на современном этапе: ключевые особенности развития, вызовы и возможности // Международная торговля и торговая политика. Т. 10. № 3 (39). С. 133–146. [Chukharev A. V. (2024) Russian wheat exports to African countries at the present stage: key development features, challenges and opportunities // International Trade and Trade policy. Vol. 10. No. 3 (39). Pp. 133–146. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-133-146

15. Чэн И. (2019) Сокращение площади обрабатываемых земель в Китае и его роль в обострении продовольственной безопасности в стране // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 27. № 3. С. 514–524. [Cheng I. (2019) Reduction of the area of cultivated land in China and its role in exacerbating food security in the country // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. Vol. 27. No. 3. Pp. 514–524. (In Russian).]

16. Шамин А. Е., Вожаева Н. Г. (2011) Опыт решения аграрных проблем в сельском хозяйстве Китая // Вестник НГИЭИ. Т. 1. № 2 (3). С. 5–19. [Shamin A. E., Vozhdayeva N. G. (2011) The experience of solving agrarian problems in agriculture in China // Bulletin of the NGIEI. Vol. 1. No. 2 (3). Pp. 5–19. (In Russian).]

17. Шкваря Л. В. (2024) Стратегия развития сельскохозяйственного сектора в странах арабского региона и некоторые их результаты // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 20. № 1. С. 68–78. [Shkvarya L. V. (2024) Strategy for the development of the agricultural sector in the countries of the Arab region and some of their results // Geopolitics and ecogeodynamics of the regions. Vol. 20. No. 1. Pp. 68–78. (In Russian).]

18. Якимович Е. А. (2023) Продовольственная проблема Китая: вопросы преобразования системы и безопасности в условиях кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 31. № 3. С. 460–475. [Yakimovich E. A. (2023) China's food problem: issues of system transformation and security in a crisis // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. Vol. 31. No. 3. Pp. 460–475. (In Russian).] DOI: 10.22363/2313-2329-2023-31-3-460-475

19. 66,7 млн гектаров: в Китае пересчитали высокостандартные сельхозугодия (2024) [66.7 million hectares: China recalculates high-standard farmland (2024) (In Russian).] URL: https://www.trud.ru/article/13-09-2024/1648611_66_7 mln_gektarov_v_kitae_pereschitali_vysokostandartnye_selxozugodija.html

20. FAO — Food Outlook: Biannual Report on Global Food Markets, Jun 2025. URL: <https://drive.google.com/file/d/1l3oxgcqL2rvmApoHjNdE78lMWlrcYogn/view>

21. FAOSTAT — Annual population, December 2024. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/OA>

22. FAOSTAT — Crops and livestock products, Jun 2025. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL>

23. Global Food Security Index (GFSI). URL: <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/>

24. Liu X., Geng R., Do T. N., Lv X., Du X. (2024). Transforming China's Fisheries: A 40-Year Journey toward Sustainable Management (1980–2019) // *Fishes*. No. 9. P. 1–16. DOI: 10.3390/fishes9090343
25. Ren Y. (2020) Characteristics of Chinese population development from 1949 to 2018, and lessons learned // *China Population and Development Studies*. Vol. 3. P. 269–281. DOI: 10.1007/s42379-019-00042-5
26. Solovieva Y. V., He M. China-EU Trade: Dynamics and Current Trends // *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap: Institute of Scientific Communications Conference*. Vol. 198. Cham: Springer Nature, 2021. Pp. 1907–1913. DOI 10.1007/978-3-030-69415-9_209.
27. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.PopTotal>
28. USDA/Report-CH2024-0044 (2024) China Fishery Products Report / A. Branson, Foreign agricultural service, Beijing, China —People's Republic of, March 2024. 21 p.
29. USDA/SB-764 Agricultural statistics of the People's Republic of China, 1949–1986. (Statistical Bulletin) / F.W. Crook, Economic research service, Washington, DC. Agriculture and trade analysis div., April 1988. 167 p.
30. World Bank — Food Security Update, May 2024. URL: <https://drive.google.com/file/d/1DdXadjM4zt7iKxSWq3ViR7CwCP5iO7iD/view>

Production and import of grain products as key directions of ensuring food security in China

Andrey V. Chukharev,

Junior researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, Moscow, Russia.

The article examines the problems of the development of the agro-industrial complex of the People's Republic of China, assesses the current state of affairs in the areas of production and import of agricultural raw materials and food in this state. At the same time, special attention is paid to the issue of ensuring China's food security and the significant role of grain complex products in its solution. By the time of its formation in 1949 The People's Republic of China experienced significant difficulties in providing its citizens with food on their own, which was caused by the general inefficiency of agricultural production in the country. Based on the analysis of empirical data, the study found that the agricultural reforms carried out by the new Chinese government have made it possible to bring national production to a qualitatively new level, significantly increase the state's self-sufficiency in food products, and make a tangible contribution to strengthening its food security. At the same time, at the beginning of the 21st century, China is facing new challenges and threats to the primary sector of its economy, the negative impact of which can be minimized by fruitful international cooperation. One of the most promising areas in this area is the strengthening and expansion of forms of agricultural partnership with the Russian Federation, which may result in a more comprehensive and comprehensive solution to the food problem not only at the country and regional, but also at the global level.

Keywords: food problem; food system, nutrition patterns, food security, China, Russia.

JEL codes: Q11, Q13, Q15, Q17, Q18

Статья поступила в редакцию 19.08.2025.

Современные особенности экономической модели Республики Вьетнам

Сабон Виктория Лелу¹

Экономика Социалистической Республики Вьетнам интересна с точки зрения возможности применения опыта ее развития благодаря успеху перехода от централизованной плановой экономики к рыночной модели. Опыт Вьетнама включает изменения в разных секторах, меры государственной политики и поддержки и внешнеэкономические связи, которые можно использовать в других странах для стимулирования экономического роста, что актуализирует тему исследования. Целью данной статьи является анализ современного состояния вьетнамской экономики с точки зрения как ее тенденций, так и новых факторов развития. Основными методами исследования в данной работе являются статистический, компаративный, аналитический анализ. Автор отмечает значительные успехи процесса социально-экономического развития страны, во многом предопределенные адекватной политикой государства. В то же время автор приходит к выводу о том, что сохраняющиеся проблемы в экономике Вьетнама, такие как новые пошлины США (46%), замедление потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ), давление на внутреннее потребление, снижение прибылей в ряде отраслей, а также рост импорта из Китая и давление, связанное с изменением климата, ставят перед страной новые задачи дальнейшей трансформации внутристранового экономического пространства и поиска новых возможностей роста, среди которых основными, по мнению автора, могут стать фармацевтическая, электронная и другие отрасли с высокой добавленной стоимостью (высокотехнологичный сегмент), а также цифровизация сферы услуг и гостеприимства. Период исследования — 2013–2023 гг.

Ключевые слова: Вьетнам, Азия, ЮВА, экономическое развитие, факторы роста, цифровизация.

JEL коды: O11, O53, E20, E60, F02.

Введение

В условиях роста глобальной нестабильности и ухудшения экономического положения многих развитых стран (Новые тренды в экономической глобализации, 2023), отдельные государства Азии демонстрируют тенденцию к росту экономики и уровня жизни населения, формирования новых возможностей и условий для дальнейшего прогресса, что отмечает ряд авторов (Мельянцев, 2025; Страны Индокитая, 2024; Тригубенко, 2018; Соловьёва, 2020). Одной из таких стран является Вьетнам, экономика которого оказалась весьма устойчивой к глобальной пандемии и восстановилась после глобальной рецессии (Чан, 2022). Многие авторы полагают, что основными причинами успехов Вьетнама в процессе экономического

¹ Сабон Виктория Лелу — кандидат экономических наук, преподаватель кафедры Зеленой экономики, руководитель Центра глобальных бизнес-стратегий, Университет Сурья, Научный бизнес-парк, Сурья, Индонезия.

развития выступает не только грамотная внутренняя политика, но и продуманный внешнеполитический курс (Тураева, 2022; Шпаковская и др., 2018; Сергеева, Нгуен, 2017). В то же время отмечается, что вступление страны в ВТО создало для страны, наряду с прогрессом, и ряд проблем (Нгуен, 2018).

Однако, будучи малой экономикой, Вьетнам во многом зависит от внешних факторов. Именно они во многом формируют модель экономики Вьетнама. Поэтому глобальные тенденции, такие как рост неустойчивости мировой экономики во всех ее сферах, цифровизация, декарбонизация и «голубые» и «зеленые» тенденции оказывают, на наш взгляд, серьезное влияние на социально-экономическую динамику, будучи в настоящее время малоизучены.

Целью данной статьи является анализ современного состояния вьетнамской экономики с точки зрения как ее тенденций, так и новых факторов развития.

Результаты исследования

Общая характеристика страны и этапов становления ее экономики

Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) — небольшая, но стратегически важная страна в Юго-Восточной Азии. Будучи аграрной, благодаря экономическим реформам правительства по формированию рыночных основ, ориентированных на социализм (Нгуен, Тригубенко, 2018), ее экономика стала во многом самодостаточной. В настоящее время Вьетнам является промышленно-сельскохозяйственной страной, которая развивается, в значительной степени полагаясь на сельское хозяйство, туризм, экспорт сырья и прямые иностранные инвестиции. Общая площадь Вьетнама составляет 331 211,6 км². Он расположен в центре Юго-Восточной Азии, к востоку от полуострова Индокитай, на севере граничит с Китаем, на западе — с Лаосом, Камбоджей, на юго-востоке — с видом на Южно-Китайское море и Тихий океан, вблизи важных мировых морских путей, особенно Южно-Китайского моря, где проходит большое количество международных судов. Такое положение помогает Вьетнаму не только активно развиваться экономически, но и повышать безопасность на море. Кроме того, Вьетнам также располагает крупными международными воздушными портами, такими как Таншоннят и Ной Бай, которые связывают его с крупными городами по всему миру, облегчая поездки и международную торговлю.

Географически Вьетнам — прибрежная страна, окруженная Южно-Китайским морем. В частности, береговая линия Вьетнама протяженностью 3260 км протянулась по всей территории страны, что придает Вьетнаму особое стратегическое положение в продвижении экономических и политических обменов и сотрудничества между странами Юго-Восточной Азии и крупнейшими экономиками мира. Такое географическое положение дает Вьетнаму множество преимуществ в торговле, связанных с основными мировыми рынками, особенно морским путем через морские порты.

В частности, в Юго-Восточной Азии Вьетнам занимает следующее стратегическое положение:

- Мост между Китаем и Юго-Восточной Азией: Вьетнам стратегически расположен между Китаем и странами Юго-Восточной Азии, что обеспечивает этой стране важную роль в экономических, культурных и политических обменах между Китаем и другими странами региона. Вьетнам служит «дорожной развязкой», что позволяет Китаю легко связываться со

странами Юго-Восточной Азии, которые обладают быстрорастущей экономикой и важным для Китая, особенно в условиях продолжающегося американского давления, рынком сбыта.

- Мост, соединяющий материковую часть Юго-Восточной Азии с морскими островами Юго-Восточной Азии: Вьетнам, граничащий с Лаосом и Камбоджей, соединяет материковые страны ЮВА с морскими островными государствами, такими как Филиппины и Малайзия, содействуя в обеспечении более тесной сети экономического сотрудничества, торговли и туризма. Такая позиция повышает связанность и синхронность развития между странами региона.

- Мост, соединяющий Евразийский континент с Австралийским континентом: благодаря стратегическому расположению в Юго-Восточной Азии, Вьетнам имеет важное значение как связующее звено в соединении евразийских стран, с одной стороны, с Австралией и Новой Зеландией, с другой, образуя важный узел в международной торговле. Вьетнам выступает перекрестком между континентами, облегчающим перевозку грузов и соединяющим людей морскими и воздушными транспортными маршрутами.

Вьетнам с влажным тропическим муссонным климатом ежегодно получает большое количество солнечной радиации, что обеспечивает стране высокий тепловой фон, особенно южным провинциям, которые расположены близко к экватору. Это в перспективе может стать основой для углубленного и ускоренного развития «зеленой» энергетики как фактора роста национальной экономики. Средняя температура по всей стране ежегодно колеблется в промежутке 22–27 градусов по Цельсию. Территория Вьетнама простирается на 15 широте ниже экватора, поэтому климат Вьетнама имеет заметные различия с севера на юг. Климат Вьетнама делится на 3 региона:

Северный и Северо-Центральный — это влажный субтропический климат, состоящий из 4 сезонов: весны, лета, осени и зимы.

Центральная и южная части находятся в зоне муссонного тропического климата, переходящего в зону тропических саванн. В то же время на климат напрямую влияет действие муссона, который часто дует в низких широтах.

На Юге обычно преобладает жаркий и влажный тропический климат саванны с двумя сезонами: сухим и сезоном дождей (с апреля по май и по октябрь-ноябрь).

Благоприятный климат Вьетнама способствует развитию сельского и лесного хозяйства, а также рыболовства. Страна занимает 2-е место в ЮВА и 15-е место в мире по объемам производства и экспорта, особенно сельскохозяйственной продукции, такой как рис, кофе, каучук, фрукты и орехи. Помимо сельскохозяйственной продукции, Вьетнам также производит и экспортирует большое количество промышленной продукции, такой как текстиль и одежда, обувь и полуфабрикаты электронных компонентов.

В политическом плане, согласно статьям 1 и 2 Конституции, Республика Вьетнам является суверенным государством, возглавляемым Коммунистической партией Вьетнама. Правительство Вьетнама за последние несколько десятилетий осуществило множество реформ, направленных на формирование открытой экономики, международную интеграцию и укрепление позиций страны на региональном и глобальном уровнях. Вьетнам является активным членом многих международных и региональных организаций, таких как ООН, АСЕАН и АТЭС. Участие в этих организациях помогает Вьетнаму укреплять сотрудничество с другими странами, перенимать опыт и получать доступ к ресурсам. Вьетнам участвует во многих официальных и неформальных структурах на международной арене. Официальные структуры включают международные организации, соглашения о свободной торговле,

региональные форумы. Неофициальные структуры включают корпоративные сети, организации гражданского общества.

Экономическое развитие Вьетнама можно разделить на несколько основных этапов, отражающих изменения в экономической политике, индустриализации и интеграции в мировую экономику.

1. В 1858–1945 гг. (французский колониальный период) страна пережила ряд социальных преобразований, не всегда положительных, поскольку проникновение французов в страну ознаменовалось установлением французской монополии на торговлю. Медленно растет индустриализация, большая часть которой сосредоточена только в горнодобывающем секторе. После создания правительства во Вьетнаме Франция также установила торговый протекционизм, тарифные барьеры и применила некоторые монополии в пользу французских товаров.

2. В 1945 г. под руководством Коммунистической партии Вьетнама, возглавляемой Хо Ши Мином, вьетнамский народ сверг французское колониальное господство и династию Нгуен, провозгласив создание Демократической Республики Вьетнам.

3. 1945–1954 гг. имела место успешная борьба с повторным французским вторжением и военизация экономики Вьетнама. Запуск движения «Имитация производства, усиление сопротивления» с целью поощрения пожертвований, увеличения производства, поддержания натурального хозяйства.

4. Период 1954–1976 гг. был периодом сопротивления Соединенным Штатам во Вьетнаме (Вьетнамская война). Вьетнам разделен на 2 региона с двумя различными политическими и экономическими режимами, включая «Республику Вьетнам», зависящую от экономических субсидий со стороны США, и «экономику Демократической Республики Вьетнам», развивающуюся в основном на основе самообеспечения и в меньшей степени зависящей от внешней помощи. Республика Вьетнам существует в условиях рыночной экономики, классового разделения, средний доход пропорционален среднему ВВП, т. е. доходы не зависят от труда, не учитываются в общем ВВП, в то время как в Демократической Республике Вьетнам существует система субсидий, доходы людей сильно зависят от режима оплаты труда, применяемого в соответствии с подходом «следуй своим способностям, наслаждайся трудом».

5. В 1976–1986 гг. (субсидируемый период) режим Республики Вьетнам рухнул, 2 государства — Южный и Северный Вьетнам — были объединены и официально переименованы в Социалистическую Республику Вьетнам. Для этого этапа были характерны национализация и коллективизация активов иностранцев, непосредственное государственное управление экономикой, направленное на формирование централизованного планирования, развитие послевоенной экономики, обеспечение социальной безопасности и политической стабильности.

6. 1986–2000 гг. (период обновления) — переходный период экономики Вьетнама от централизованно планируемой экономики к функционированию в соответствии с рыночными механизмами. Государство больше не обладало абсолютной властью в экономике в результате активизации деятельности частного сектора. Тем не менее, проводилась политика экономической защиты с целью поддержки развития отечественной промышленности.

7. В период с 2000 по 2006 гг. экономика Вьетнама активно развивалась в направлении международной интеграции на основе подписания двусторонних торговых соглашений и вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО), осуществляя целый

ряд реформ, направленных на либерализацию национальной экономики, внешней торговли товарами, услугами и операций на финансовом рынке (Мазырин, 2007).

8. Период 2006–2008 гг. характеризовался замедлением экономического роста (достигшего всего 5–6% в год) из-за последствий финансового кризиса 2007–2010 гг. В 2007–2008 гг. инфляция ускорилась и сохранялась на уровне 10–20% ежегодно.

9. Период 2009–2011 гг. В 2009 г. правительство запустило пакет экономических стимулов на сумму 9 млрд вьетнамских донгов, который содействовал роста ВВП на 38,8% в 2010 г., но стимулировал спекулятивный «пузырь» на рынке ценных бумаг и недвижимости, спровоцировавший рост инфляции, большой дефицит бюджета и привел к высокому государственному долгу, дестабилизации макроэкономики и обменного курса. Страна оказалась перед необходимостью проведения очередной серии стабилизационных экономических реформ (Мазырин, 2013).

10. 2012–2020 гг. — период высокого экономического роста, который в среднем составлял 7,45% в год до 2020 г. Этот рост был обусловлен рядом мероприятий, направленных на то, чтобы открыть экономику для глубокой интеграции в мировую торговую систему посредством соглашений о свободной торговле.

11. Период 2020–2024 гг.: Пандемия *COVID–19* оказала сильное негативное влияние на экономику Вьетнама, ВВП составил всего 2,91% (2020 г.), что является самым низким показателем за 2011–2020 гг. Однако экономика быстро адаптировалась и резко восстановилась после окончания пандемии, вступления в силу соглашений о свободной торговле и региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве.

В целом, экономическая модель Вьетнама разработана в соответствии с государственным ее видением. Государственная модель — это социологическая теория, обосновывающая необходимость активного вмешательства государства в экономику и политическую жизнь общества. Государство считается высшим результатом и целью общественного развития. Исходя из этого подхода, вьетнамскую экономику можно разделить на 3 основных этапа развития следующим образом:

1. Становление социализма — период до экономической реформы 1986 г. Вьетнам придерживается модели централизованного планирования экономики. Экономика в основном опиралась на сельское хозяйство и помощь социалистических стран, таких как Советский Союз, с преобладанием коллективизированного сельскохозяйственного производства и государственной промышленности. Основная характеристика — зависимость от субсидий, отсутствие рыночной динамики.

2. Развитие «смешанной экономики» — с реформы 1986 г. до последних лет XX в. — Вьетнам перешел к смешанному экономическому развитию, сочетающему рыночную экономику и социалистическую ориентацию. Проводилась политика экономической открытости, предусматривающая отмену субсидий, поощрение приватизации и привлечение иностранных инвестиций в соответствии с Законом об иностранных инвестициях от 1987 г. Главной характеристикой этого периода стала реструктуризация экономики и переход от преимущественно сельскохозяйственной экономики к развитию промышленности и сферы услуг, имели место быстрый рост товарооборота (в 1990 г. достиг примерно 5,4 млрд долларов) и улучшение жизни людей. Вьетнам начал процесс региональной и глобальной интеграции, вступив в АСЕАН в 1995 г. и нормализовав отношения с США в том же году. Этот период характеризуется активным государственным вмешательством, субсидиями

местной промышленности, высокими импортными пошлинами для защиты отечественных предприятий.

3. С начала XXI в. Вьетнам сосредоточен на интеграции и интенсивном развитии. Экономика продолжает трансформироваться, специализируясь на обрабатывающей промышленности (например, производстве электронике, текстиля), а также на сельском хозяйстве и рыболовстве, благодаря использованию 17 соглашений о свободной торговле, таких как *CPTPP*, *EVFTA* и *RCEP*, и этот интеграционный процесс содействует укреплению национальной экономики Вьетнама (Шкваря, 2019). Основными характеристиками стали стабильный рост ВВП (в среднем на 6–7% в год), высокий импортный и экспортный оборот, а также глубокая глобальная интеграция благодаря вступлению в ВТО (2007 г.) и участию в таких организациях, как АТЭС и АСЕМ, сотрудничеству с другими интеграционными блоками, в том числе с ЕАЭС (Полозков, 2022). Этот период также ознаменовался значительным восстановлением после пандемии *COVID-19*, когда ВВП в 2024 г. вырос на 7,09%

В то же время автор приходит к выводу о том, что сохраняющиеся проблемы в экономике Вьетнама, такие как новые пошлины США (46%), замедление потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ), давление на внутреннее потребление, снижение прибылей в ряде отраслей, давление, связанное с изменением климата, а также рост импорта из Китая (Бабаев, 2023) ставят перед страной новые задачи дальнейшей трансформации внутристранового экономического пространства и поиска новых возможностей роста, среди которых основными, по мнению автора, могут стать фармацевтическая, электронная и другие отрасли с высокой добавленной стоимостью (высокотехнологичный сегмент), а также цифровизация сферы услуг и гостеприимства.

Модель развития Вьетнама и ее современные характеристики

За последние десятилетия экономика Вьетнама добилась значительных успехов, укрепив свое положение в мировой и региональной экономике. Благодаря политике экономических реформ, привлекательной инвестиционной среде и конкурентоспособным производственным мощностям Вьетнам не только сохраняет стабильные темпы роста, но и становится одним из привлекательных локаций для многонациональных предприятий.

Для определения основных тенденций развития страны важно проанализировать основные макроэкономические показатели Вьетнама. Это поможет сформировать общее представление о процессах и явлениях в экономике страны и позволит нам выявить сильные и слабые стороны экономики, а также выявить потенциальные риски и возможности.

Прежде всего стоит отметить, что за исследуемый период население Вьетнама выросло на 9,8 млн человек, или на 10,8% (табл. 1).

Этот позитивный рост обусловлен, главным образом, традиционными социокультурными и религиозными представлениями вьетнамского народа, побуждающими людей рожать много детей. Кроме того, растущая урбанизация и индустриализация создали множество новых и привлекательных рабочих мест и улучшили условия жизни, привлекая жителей из сельской местности в города, способствуя увеличению численности населения в городских районах. Рост населения ведет к увеличению потребительского спроса, что способствует развитию таких отраслей, как розничная торговля, жилищное строительство и телекоммуникации. Молодое население стало основой для формирования многочисленной

рабочей силы, которая при наличии подходящих рабочих мест способствует развитию производства, бизнеса и промышленности, в том числе в сфере цифровых видов деятельности. Динамичные молодые работники, быстро адаптирующиеся к технологиям и готовые к инновациям, вносят свой вклад в цифровую трансформацию и создание стартапов, повышая динамику экономики (Новые тренды, 2023).

Таблица 1.

Изменение численности населения Вьетнама и ведущих стран Азии в 2013–2023 гг.

(млн человек)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Вьетнам	90,6	91,7	92,8	94,0	95,2	96,2	97,2	98,1	98,9	99,7	100,4
Индия	1295,8	1312,3	1328,0	1343,9	1359,7	1374,7	1389,0	1402,6	1414,2	1425,4	1438,1
Китай	1363,2	1371,9	1379,9	1387,8	1396,2	1402,8	1407,7	1411,1	1412,4	1412,2	1410,7
Индонезия	255,9	258,9	261,8	264,6	267,3	270,0	272,5	274,8	276,8	278,8	281,2
Пакистан	211,1	214,3	217,3	220,1	223,3	226,9	230,8	235,0	239,5	243,7	247,5
Мир	7265,3	7353,9	7441,5	7528,5	7614,1	7696,5	7776,9	7856,1	7921,2	7990,0	8061,9

Источник: составлено автором на основе данных World Bank, Population, total.

Однако рост населения также имеет негативные последствия. Например, слишком быстрый рост населения, который «не поспевает» за созданием рабочих мест, приводит к росту безработицы (особенно среди молодежи), что приводит к социальным волнениям (Рязанцев, Пискунова, 2023). Быстрый рост населения может увеличить спрос на продовольствие и энергию, что усугубит дефицит торгового баланса, если не будет поддерживаться внутреннее производство. При надлежащем управлении рост населения может способствовать экономическому прогрессу. Однако сферы, связанные с образованием, инфраструктурой и здравоохранением, а также другими социальными аспектами, также предполагают инвестиции, чтобы избежать нестабильности и неравенства. Вьетнаму важно скоординировать рост населения с устойчивой экономической политикой, чтобы избежать кризиса.

Сравнивая данные с ведущими странами мира (по населению) за 2023 г., можно сказать, что население Вьетнама в 14,3 раза меньше населения Индии, в 14 раз меньше населения Китая, в 2,8 раза — населения Индонезии и в 2,5 раза меньше населения Пакистана. Доля населения Вьетнама в мировом показателе в 2013 г. составляла 1,247%, а в 2023 г. — 1,244%, то есть снизилась на 0,003% за 11 лет, следовательно, несмотря на достаточно высокий демографический рост в стране, он оказывается ниже общемирового процесса.

Что касается динамики объема вьетнамского ВВП за период 2013–2023 гг. (табл. 2), то этот показатель за период увеличился на 216 млрд долларов — с 213,7 млрд долларов в 2013 г. до 429,7 млрд в 2023 г., что эквивалентно 201%, т. е. вырос почти вдвое за десятилетие. Этот рост не только отражает стабильное экономическое развитие, но и подтверждает все более прочные позиции Вьетнама в регионе и на международной арене.

Ключевые факторы, способствующие этому росту, включают значительное расширение экспортной деятельности, особенно в таких секторах, как текстильная промышленность, электроника и сельскохозяйственная продукция, а также обильные потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ) благодаря конкурентоспособным затратам на рабочую силу и привлекательной инвестиционной политике правительства на протяжении ряда лет (Фам, 2015). Кроме того, участие в соглашениях о свободной торговле, таких как *CPTPP* и *EVFTA*, открыло Вьетнаму множество возможностей для доступа к международным

рынкам, в то время как институциональная реформа и бизнес-среда также играют важную роль в создании импульса роста. Эти достижения помогло Вьетнаму превратиться из страны с низким уровнем дохода в государство с доходом выше среднего, одновременно значительно улучшив качество жизни людей, сократив уровень бедности и укрепив свои позиции на глобальной экономической карте.

Таблица 2.

ВВП Вьетнама и ведущих стран Азии, 2013–2023 гг. (млрд долларов)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Вьетнам	213,7	233,5	239,3	257,1	281,4	310,1	334,4	346,6	366,5	410,3	429,7
Китай	9570,5	10475,6	11061,6	11233,3	12310,5	13894,9	14280,0	14687,7	17820,5	17881,8	17794,8
Япония	5212,3	4897,0	4444,9	5003,7	4930,8	5040,9	5118,0	5055,6	5034,6	4256,4	4204,5
Индия	1856,7	2039,1	2103,6	2294,8	2651,5	2702,9	2835,6	2674,9	3167,3	3353,5	3567,6
Мир	77873,4	80020,3	75472,5	76702,6	81712,0	86884,8	88149,9	85763,0	97848,3	101770,9	106171,7

Источник: составлено по данным World Bank, GDP.

Однако быстрый рост ВВП также несет в себе множество рисков, на которые необходимо обратить внимание. Например, высокая зависимость от ПИИ и экспорта делает вьетнамскую экономику уязвимой к глобальным экономическим колебаниям, таким как экономическая рецессия или торговые войны, общая нестабильность. С другой стороны, крупные ПИИ, поступающие во Вьетнам, помогли пополнить внутренние ресурсы, способствуя инвестициям и росту ВВП, создавая новые рабочие места.

Сравнивая объем ВВП Вьетнама в 2023 г. с ведущими азиатскими экономическими державами, можно увидеть, что Вьетнам по-прежнему остается страной с небольшой экономикой. ВВП Вьетнама в 41,4 раза меньше, чем у Китая, в 9,8 раза меньше, чем у Японии, в 8,3 раза меньше, чем у Индии и в 247,08 раза ниже мирового показателя. Доля ВВП Вьетнама в мировом индексе в 2013 г. составляла 0,27%, а в 2023 г. — 0,4%, увеличившись на 0,4% за 11 лет, а по сравнению со странами того же региона, такими как Южная Корея (ВВП около 1,7 трлн долларов) или Индонезия (ВВП около 1,3 трлн долларов), Вьетнам постепенно сокращает разрыв. Это свидетельствует о наличии у Вьетнама потенциала стать одной из более крупных экономик Азии в перспективе, если СРВ продолжит поддерживать темпы роста и успешно решать внутренние проблемы.

В долгосрочной перспективе тенденция экономического роста во Вьетнаме оценивается как положительная. Причину этого роста можно объяснить такими факторами, как открытость экономики, привлечение иностранных инвестиций и активное развитие перерабатывающей, производственной и экспортной отраслей. Кроме того, экономические реформы и политика международной интеграции, такая как присоединение к соглашениям о свободной торговле, создали благоприятные условия для роста.

Между тем темпы роста Вьетнама относительно стабильны и менее волатильны, чем во многих странах Азии, что свидетельствует о том, что экономика способна хорошо адаптироваться к внешним потрясениям, но все еще нуждается в улучшениях для достижения прорывного роста. Причинами волатильности также остаются разрывы в развитии между регионами, увеличение нагрузки на инфраструктуру и окружающую среду.

Структура ВВП Вьетнама по секторам с 2013 по 2023 г. (табл. 3) демонстрирует явный сдвиг и процесс индустриализации и модернизации национальной экономики. За исследуемый период доля сельского, лесного и рыбного хозяйства в ВВП Вьетнама последовательно

снижалась — с 16,66% в 2013 г. до 13,05% в 2023 г., — а совокупная доля промышленности и строительства увеличилась с 38,95% до 40,52%. Сектор услуг также продемонстрировал небольшой рост — с 44,39% до 46,43% за тот же период. Эта тенденция представляет собой переход от экономики, зависящей от сельского хозяйства, к экономике, ориентированной на промышленность и услуги, в соответствии с процессом экономического развития Вьетнама и мировыми трендами. По данным на 2023 г., на долю промышленности и строительства пришлось 40,52%, на сферу услуг — 46,43%, а на сельское, лесное и рыбное хозяйство — лишь 13,05%. Этот приоритет демонстрируется на конкретных примерах, таких как активное развитие промышленных парков в Бакнинь и Бакзянг, где технологические компании, такие как *Samsung* и *Foxconn*, инвестируют в производство электроники, внося значительный вклад в экспорт и ВВП. Кроме того, индустрия туризма в Дананге и Фукуоке с увеличением числа иностранных посетителей также является свидетельством сосредоточения внимания на услугах, особенно после открытия после пандемии.

Таблица 3.

Отраслевая структура ВВП Вьетнама и мира в 2013–2023 гг., %

	Отрасль	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Вьетнам	Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	16,7	16,3	15,9	15,2	14,2	13,5	12,9	13,9	13,8	13,1	13,1
	Промышленность	38,9	38,8	37,7	37,6	38,9	40,2	40,4	40,3	40,9	41,7	40,5
	Услуги	44,4	44,9	46,4	47,2	46,8	46,3	46,6	45,9	45,2	45,2	46,4
Мир	Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	4,5	4,4	4,41	4,4	4,3	4,1	4,2	4,5	4,5	4,5	4,3
	Промышленность	29,3	29,0	28,0	27,4	27,8	28,3	27,7	27,1	28,3	28,7	27,8
	Услуги	66,2	66,6	67,6	68,3	67,9	67,6	68,1	68,5	67,3	66,8	67,8

Источник: составлено по данным UNCTADstat.

Кроме того, во Вьетнаме наблюдается явное изменение тенденции выбора рабочих мест для молодого поколения. Молодые люди все чаще покидают сельскохозяйственный труд, чтобы заняться промышленностью и сферой услуг, благодаря лучшим возможностям трудоустройства и более высокому уровню доходов. Например, многие молодые люди из сельских районов Центрального региона переезжают в такие города, как Ханой, Хошимин, или в промышленные парки, чтобы работать на фабриках или начать бизнес в области технологий и электронной коммерции, например, Шопи или Тики. Эта тенденция отражает изменение осведомленности и навыков молодого поколения, поскольку оно отдает приоритет учебе и работе в современных отраслях, а не придерживается традиционного сельского хозяйства. Однако это вызвало ряд побочных эффектов, таких как создание волны миграции молодых людей из сельских районов в городские, увеличение экономической доли городских территорий, а также замедление экономического роста в районах, где доминирует сельское хозяйство. Кроме того, тенденция выбора новых рабочих мест среди молодежи может привести к трудовой миграции из сельской местности в формирования, вызывая дефицит

рабочей силы в сельской местности и безработицу в городах, оказывая давление на городскую инфраструктуру и создавая дисбаланс развития между регионами. Однако есть и положительные аспекты, например сосредоточение внимания на развитии промышленности и услуг создает большую добавленную стоимость, чем натуральное сельское хозяйство, тем самым увеличивая ВВП на душу населения. Обрабатывающие отрасли (например, текстильная промышленность, электроника) приносят больше иностранной валюты, чем традиционные сельскохозяйственные культуры. Еще одним преимуществом является создание рабочих мест в городах, что помогает снизить уровень бедности в сельской местности.

При сравнении структуры ВВП Вьетнама в 2023 г. со структурой мирового ВВП по отраслям промышленности есть некоторые заметные различия. Во Вьетнаме на сектор сельского и лесного хозяйства и рыболовства приходится 13,05%, что выше общемирового показателя в 4,31%, следовательно, Вьетнам по-прежнему больше зависит от сельского хозяйства, чем мир в целом. С другой стороны, это позволяет стране производить продукты питания, что очень важно в условиях роста волатильности на продовольственных рынках, тем более что перспективы развития национального сельскохозяйственного производства оцениваются как позитивные (Григорьев, Разумовский, 2022). Доля промышленности и строительства Вьетнама (40,52%) также выше, чем в мире (27,83%), что отражает важную роль индустриализации в экономике Вьетнама. Напротив, сектор услуг Вьетнама (46,43%) значительно ниже общемирового показателя в 67,77%, что свидетельствует о его потенциале, особенно с учетом активного развития электронной коммерции (Шкваря, Хуинх, 2025).

Рост ВВП на душу населения во Вьетнаме с 2013 по 2023 гг., согласно данным табл. 4, демонстрирует стабильную и положительную тенденцию, отражающую повышение уровня жизни и экономическое развитие.

Таблица 4.

ВВП Вьетнама на душу населения и сравнение с мировым показателем в 2013–2023 гг.

(тысяч долларов)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Вьетнам	2,4	2,6	2,6	2,7	3,0	3,2	3,4	3,5	3,7	4,1	4,3
Мир	10,7	10,9	10,1	10,2	10,7	11,3	11,3	10,9	12,4	12,7	13,2

Источник: составлено по данным World Bank, GDP per capita.

ВВП Вьетнама на душу населения вырос с 2,36 тыс. долларов в 2013 г. до 4,28 тыс. долларов в 2023 г., при этом среднегодовой рост составил от 2,55 тыс. долларов (2014 г.) до 4,28 тыс. долларов (2023 г.). В период 2020–2022 гг. наблюдалось значительное восстановление показателя — с 3,53 тыс. до 4,12 тыс. долларов, что свидетельствует об адаптивности экономики после пандемии COVID-19. Тенденция роста ВВП на душу населения во Вьетнаме сложилась во многом благодаря процессу индустриализации и международной интеграции в АСЕАН. Это результат деятельности по содействию иностранным инвестициям в перерабатывающие и экспортные отрасли, реформированию экономической политики и открытию торговли для участия в соглашениях о свободной торговле.

Уровень инфляции во Вьетнаме с 2013 по 2023 гг., согласно данным табл. 5, демонстрирует колебания, но имеет тенденцию эффективно контролироваться в последние

годы. Темпы инфляции колебались от пика в 4,4% в 2017 г. до минимума –1,7% в 2015 г., но в 2022–2023 гг. они стали ниже среднемирового показателя.

Таблица 5.

Уровень инфляции во Вьетнаме и в мире в 2013–2023 гг. (%)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Вьетнам	4,1	3,7	–1,7	1,8	4,4	3,6	2,4	1,5	2,9	4,1	1,9
Мир	2,3	1,9	2,3	1,9	3,0	2,8	2,4	1,9	4,6	7,2	4,8

Источник: составлено по данным World Bank, Inflation.

В период 2013–2016 гг. наблюдалась волатильность показателя, с элементами дефляции, в частности, в 2015 г. Это отражало влияние падения цен на нефть и глобального экономического спада, особенно в 2014–2015 гг., из-за увеличения поставок нефти из стран ОПЕК и добычи сланцевой нефти в США, что привело к снижению мировых цен на энергоносители. Вьетнам, импортер нефти, напрямую пострадал от этой тенденции, что привело к падению цен на сырье и повышению инфляции до отрицательных –1,7% в 2015 г. Кроме того, замедление глобального экономического роста в сочетании со слабым внутренним спросом также способствовало дефляционному давлению. Денежно-кредитная политика в этот период не была достаточно гибкой, а контроль денежной массы не смог адаптироваться к колебаниям цен, что еще больше усугубляло негативную инфляционную ситуацию. После периода 2013–2016 гг. инфляция колебалась от 1,5% до 4,4% с пиком в 4,4% в 2017 г. и стабилизировалась ниже 3% с 2020 г. (1,5%) по 2023 г. (1,9%). Эта тенденция отражает эффективность более скорректированной денежно-кредитной политики, такой как контроль денежной массы и процентных ставок, а также восстановление экономики после пандемии.

Стабильная, но низкая инфляционная тенденция может иметь ряд последствий. Положительным моментом является то, что низкая инфляция создает стабильную среду для инвестиций и потребления, помогая поддерживать покупательную способность и способствовать экономическому росту. Однако если инфляция продолжит оставаться слишком низкой или перейдет в дефляцию, как в 2015 г., это может привести к снижению потребительского спроса, сокращению производства из-за низкой прибыли и увеличению риска безработицы. Кроме того, продолжительная низкая инфляция может снизить долгосрочные инвестиционные стимулы, что повлияет на будущий экономический рост.

Заключение

Таким образом, экономическая модель Вьетнама менялась с разной степенью успеха. Был осуществлен успешный переход от модели экономического развития с централизованной плановой экономикой к рыночной экономике, ориентированной на социализм, со все более широкой интеграцией, с использованием трудовых, инвестиционных и торговых соглашений для содействия устойчивому росту. Период интеграции и развития с 2000 г. по настоящее время считается наиболее успешным периодом, характеризующимся высокими темпами экономического роста, широкой интеграцией, улучшением жизни людей и повышением международного статуса, что создает прочную основу для устойчивого развития Вьетнама в будущем.

Вьетнам, благодаря своему стратегическому географическому положению в самом сердце Юго-Восточной Азии и стабильной политической обстановке, построил динамичную экономическую модель, сочетающую социалистическую ориентацию и рыночную экономику. Население составляет более 100 млн человек, ВВП достигает примерно 429,7 млрд долларов (2023 г.), устойчивый темп роста составляет около 5–6% в год, а ВВП на душу населения составляет около 4300 долларов, что отражает большой экономический потенциал. Структура экономики изменилась в положительную сторону: на сферу услуг и промышленность приходится значительная доля ВВП, в то время как сельское хозяйство пришло в упадок, но по-прежнему играло важную роль.

Однако помимо этих факторов, которые создают прочную основу для широкого участия Вьетнама в международной торговле, страна смогла сформировать новые возможности, такие как цифровая торговля (внутренняя и внешняя) и в целом развитие цифровых сегментов экономики.

Список литературы

1. Бабаев К. В. (2023) Проблемы и перспективы вьетнамо-китайских отношений на современном этапе // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. Т. 7. № 3–2. С. 5–17. [Babaev K. V. (2023) Problems and prospects of Vietnamese-Chinese relations at the present stage // Vietnamese studies: electronic scientific journal. Vol. 7. № 3–2. Pp. 5–17. (In Russian).] DOI: 10.54631/VS.2023.732-430187
2. Григорьев В. И., Разумовский В. М. (2022) Перспективы сельского хозяйства Вьетнама в развитии государства и его регионов // Инновационная экономика. № 3 (32). С. 25–38. [Grigoriev V. I., Razumovsky V. M. (2022) Prospects of agriculture in Vietnam in the development of the state and its regions // Innovative economy. No. 3 (32). Pp. 25–38. (In Russian).]
3. Мазырин В. М. (2007) Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986–2006 гг.): направления, динамика, результаты. М.: Ключ–С. 336 с. [Mazyrin V. M. (2007) The reforms of the transition period in Vietnam (1986–2006): directions, dynamics, results. Moscow: Klyuch–S. 336 p. (In Russian).]
4. Мазырин В. М. (2013) Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986–2010 гг.). М.: Форум. 384 с. [Mazyrin V. M. (2013) The Vietnamese economy today. The results of 25 years of market transformation (1986–2010). Moscow: Forum. 384 c. (In Russian).]
5. Мельянцев В. А. (2025) Динамика и факторы экономического и социального прогресса развивающихся стран. Часть 1 // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. С. 128–141. [Melyantsev V. A. (2025) Dynamics and factors of economic and social progress of developing countries. Part 1 // East. Afro-Asian societies: History and Modernity. No. 2. Pp. 128–141. (In Russian).] DOI: 10.31696/S086919080034006-3
6. Нгуен К. Х., Тригубенко М. Е. (2018) Социализм во Вьетнаме: миф или реальность? // Региональные проблемы преобразования экономики. № 1 (87). С. 91–97. [Nguyen K. H., Trigubenko M. E. (2018) Socialism in Vietnam: myth or reality? // Regional problems of economic transformation. No. 1 (87). Pp. 91–97. (In Russian).]
7. Нгуен Х. Ф. (2018) Вьетнам и ВТО: проблемы и перспективы социально-экономического развития // Инновационное развитие. № 9 (26). С. 65–68. [Nguyen H. F. (2018)

Vietnam and the WTO: problems and prospects of socio-economic development // Innovative development. No. 9 (26). Pp. 65–68. (In Russian).]

8. Новые тренды цифровизации: Россия и мир / Пономаренко Е. В., Дигилина О. Б., Шкваря Л. В., Вереникина А. Ю., Меланьина М. В., Налбандян А. А., Оганесян А. А., Рузина Е. И., Тыркба Х. В., Павлов А. М., Пономарева В. С. Москва, 2023. 209 с. [New trends in digitalization: Russia and the world / Ponomarenko E. V., Digilina O. B., Shkvarya L. V., Verenikina A. Yu., Melanyina M. V., Nalbandian A. A., Oganessian A. A., Ruzina E. I., Tyrkba H. V., Pavlov A. M., Ponomareva V. S. Moscow, 2023. 209 p. (In Russian).] DOI: 10.12737/2009648

9. Новые тренды экономической глобализации / Алешин Д. А., Антюхова Е. А., Булатов А. С., Варнавский В. Г., Габарта А. А., Галищева Н. В., Грязнова В. А., Гулиев И. А., Дрыночкин А. В., Ёрмирзоев М. М., Иванова Н. А., Калашников Д. Б., Карлусов В. В., Касаткин П. И., Кони́на Н. Ю., Костюнина Г. М., Кузнецов А. В., Крылов А. В., Максакова М. А., Мамедова Н. М. и др. Москва, 2023. [New trends in economic globalization / Aleshin D. A., Antyukhova E. A., Bulatov A. S., Varnavsky V. G., Gabarta A. A., Galishcheva N. V., Gryaznova V. A., Guliev I. A., Drynochkin A. V., Ermirzoev M. M., Ivanova N. A., Kalashnikov D. B., Karlusov V. V., Kasatkin P. I., Konina N. Yu., Kostyanina G. M., Kuznetsov A. V., Krylov A. V., Maksakova M. A., Mammadova N. M. and others. Moscow, 2023. (In Russian).]

10. Полозков М. Г. (2022) Торгово-инвестиционное сотрудничество Вьетнама со странами ЕАЭС / Государственное управление и развитие России: проектирование будущего: Сб. статей международной конференц-сессии. М. С. 847–855. [Polozkov M. G. (2022) Trade and investment cooperation of Vietnam with the EAEU countries / Public administration and development of Russia: designing the future: Collection of articles of the international conference session. M. Pp. 847–855. (In Russian).]

11. Рязанцев С. В., Пискунов С. А. (2023) Организованная трудовая миграция вьетнамцев в Россию: история и современность // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. Т. 7. № 3–2. С. 39–52. [Ryazantsev S. V., Piskunov S. A. (2023) Organized labor migration of Vietnamese to Russia: history and modernity // Vietnamese studies: electronic scientific journal. Vol. 7. № 3–2. Pp. 39–52. (In Russian).] DOI: 10.54631/VS.2023.732-288542

12. Сергеева О. Ю., Нгуен Б. Ч. А. (2017) Современная модель развития экономики Вьетнама // Евразийский юридический журнал. № 4 (107). С. 318–320. [Sergeeva O. Yu., Nguyen B. C. A. (2017) The modern model of economic development in Vietnam // Eurasian Law Journal. No. 4 (107). Pp. 318–320. (In Russian).]

13. Соловьёва Ю. В. (2020) Национальные системы трансфера технологий стран-лидеров технологического развития: региональные особенности стран Азии // Азия и Африка сегодня. № 8. С. 44–51. [Solovieva Yu. V. (2020) National technology transfer systems of leading countries of technological development: regional features of Asian countries//Asia and Africa today. No. 8. Pp. 44–51. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750010450-7.

14. Страны Индокитая в АСЕАН: ключевые аспекты развития / Бойцов В. В., Бредихин А. В., Бурова Е. С., Бутко А. А., Ван Ц., Виноградов И. С., Евтодьева М. Г., Ефремова К. А., Канаев Е. А., Колдунова Е. В., Колотов В. Н., Кунтыш Л. М., Кучеренко Г. Н., Липилина И. Н., Мазырин В. М., Найн С. У., Осман Н. Д., Тьярёнси Н., Попов А. В., Рязанцев С. В. и др. Москва, 2024. 308 с. [The countries of Indochina in ASEAN: key aspects of development / Boytsov V. V., Bredikhin A. V., Burova E. S., Butko A. A., Wang Ts., Vinogradov I. S., Evtodyeva M. G., Efremova K. A., Kanaev E. A., Koldunova E. V., Kolotov V. N.,

Kunttysh L. M., Kucherenko G. N., Lipilina I. N., Mazyrin V. M., Nain S. U., Osman N. D., Tyarensi N., Popov A. V., Ryazantsev S. V. and others. Moscow, 2024. 308 p. (In Russian).] DOI: 10.48647/ICCA.2024.54.72.001

15. Тригубенко М. Е. (2018) Экономика Вьетнама сегодня: состояние и реальные угрозы // Экономика и управление. № 3 (149). С. 26–29. [Trigubenko M. E. (2018) Vietnam's economy today: state and real threats // Economics and management. No. 3 (149). Pp. 26–29. (In Russian).]

16. Тураева М. О. (2022) Динамика развития торгово-инвестиционных взаимосвязей между ЕАЭС и Вьетнамом // Государственное управление и развитие России: проектирование будущего: Сб. статей международной конференц-сессии. М. С. 858–867. [Turayeva M. O. (2022) Dynamics of the development of trade and investment relations between the EAEU and Vietnam // Public administration and development of Russia: designing the future: Collection of articles of the international conference session. M. Pp. 858–867. (In Russian).]

17. Фам В. Ф. (2015) Инвестиционная политика Вьетнама в экономической стратегии 2020 // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 1. С. 26–29. [Pham V. F. (2015) Vietnam's investment policy in the economic strategy 2020 // Scientific review. Series 1: Economics and Law. No. 1. Pp. 26–29. (In Russian).]

18. Чан Т. Х. (2022) Экономика Вьетнама процветает после пандемии // Actual Issues of the Modern Economy. № 7. [Chan T. H. (2022) Vietnam's economy is thriving after the pandemic // Actual Issues of the Modern Economy. № 7. (In Russian).] DOI: 10.34755/irok.2022.48.28.080

19. Шкваря Л. В. (2019) Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве. Сер. Высшее образование Бакалавриат. Москва. [Shkvarya L. V. (2019) International economic integration in the global economy. Ser. Higher education Bachelor's degree. Moscow. (In Russian).]

20. Шкваря Л. В., Хуинх Ф. К. (2025) Электронная торговля во Вьетнаме: современное состояние, динамика, государственное регулирование // Россия и Азия. № 2 (32). С. 40–52. [Shkvarya L. V., Huinh F. K. (2025) Electronic commerce in Vietnam: current state, dynamics, government regulation // Russia and Asia. No. 2 (32). Pp. 40–52. (In Russian).]

21. Шпаковская Н. А., Куклин Н. С., Ву Тхуй Чанг. (2018) Вьетнам в реализации концепции большого евразийского партнерства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Т. 1. № 2 (39). С. 136–145. [Shpakovskaya N. A., Kuklin N. S., Wu Thui Chang. (2018) Vietnam in the implementation of the concept of the greater Eurasian Partnership // South-East Asia: actual problems of development. Vol. 1. No. 2 (39). Pp. 136–145. (In Russian).]

22. UNCTADstat, Gross domestic product: GDP by type of expenditure, GDP by type of economic activity, total and stock, annual. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/shared-report/9e972dfd-587d-4b56-9d32-bf3a6eda503f>

23. World Bank, Inflation, Consumer Prices (annual %) URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=FP.CPI.TOTL.ZG&country=#>

24. World Bank, GDP per capita. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.PCAP.CD&country=#>

25. World Bank, GDP. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.MKTP.CD&country=#>

26. World Bank, Population, total. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>

Modern features of the economic model of the Republic of Vietnam

Victoria Lelu Sabon,

PhD in Economics, Lecturer at the Department of Green Economy, Head of the Center for Global Business Strategies, Surya University, Science Business Park, Surya, Indonesia.

The economy of the Socialist Republic of Vietnam is interesting from the point of view of the possibility of applying the experience of its development due to the success of the transition from a centrally planned economy to a market model. Vietnam's experience includes changes in various sectors, public policy and support measures, and foreign economic relations that can be used in other countries to stimulate economic growth, which actualizes the research topic. The purpose of this article is to analyze the current state of the Vietnamese economy in terms of both its trends and new development factors. The main research methods in this work are statistical, comparative, and analytical analysis. The author notes the significant successes of the socio-economic development of the country, largely predetermined by the adequate policy of the state. At the same time, the author concludes that there are continuing problems in the Vietnamese economy, such as new US duties (46%), slowing flows of foreign direct investment (FDI), pressure on domestic consumption, declining profits in a number of industries, as well as rising imports from China and pressure related to climate change. climate change, poses new challenges for the country to further transform the domestic economic space and search for new growth opportunities, among which, according to the author, the pharmaceutical industry may become the main ones., electronic and other high-value-added industries (high-tech segment), as well as digitalization of the service and hospitality sectors. The study period is 2013–2023.

Keywords: Vietnam, Asia, Southeast Asia, economic development, growth factors, digitalization.

JEL codes: O11, O53, E20, E60, F02.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025.

ПОСТРЕЛИЗ / POSTRELEASE /

Российско-китайский форум сотрудничества в новую эпоху

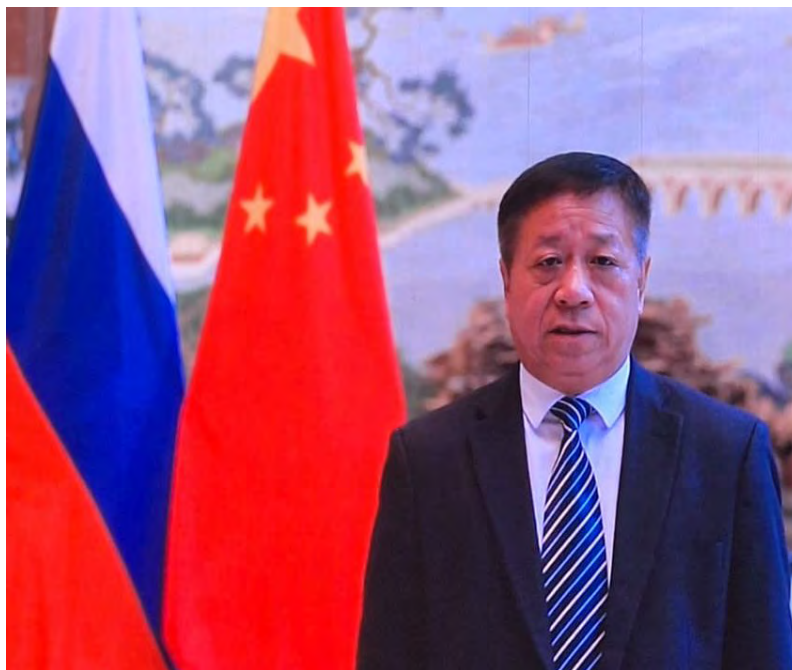
22 августа 2025 г. в Москве в парке Хуамин состоялся российско-китайский форум сотрудничества в новую эпоху на тему «Развитие доверительных механизмов сотрудничества — залог укрепления российско-китайского стратегического партнерства». Организаторы мероприятия (Общество Российско-Китайской Дружбы, Союз предпринимателей Большого залива Гуандун–Гонконг–Макао), при поддержке Посольства КНР в РФ, предпринимателей РФ, Представительства Китайского комитета содействия международной торговле в РФ, собрали впечатляющую аудиторию заинтересованных лиц, которые на пленарном заседании

(зал Пекин) и пяти параллельных секциях, посвященных важнейшим направлениям двустороннего сотрудничества, таким как Гуманитарное сотрудничество (зал Пекин), Финансовые инструменты сотрудничества (зал Куньлун), Экспорт из России и логистика (зал Хуанхэ), Промышленная кооперация, импорт из Китая (зал Янцзы), Сотрудничество в области строительства и инфраструктуры (зал Чжудзян), обсудили основные тенденции и нюансы двустороннего

сотрудничества. Модератор Санакоев С. Ф., заместитель Председателя Общества российско-китайской дружбы; президент АНО «Центр исследований и прогнозов развития Азиатско-Тихоокеанского Региона» (на фото слева).

С приветственным словом к участникам конференции выступили И. И. Мельников, Председатель общества Российско-Китайской Дружбы, Первый заместитель Председателя Государственной Думы РФ, Чрезвычайный и полномочный посол КНР в Российской Федерации Чжан Ханьхуэй (на фото справа), который подчеркнул, что двусторонние отношения России и Китая демонстрируют невиданный уровень

эффективности и приносят впечатляющие плоды в различных сферах — от энергетики до высоких технологий, открывая новые возможности.

Выступивший на пленарном заседании Андрей Иванович Денисов — Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации ФС РФ по международным делам — отметил, что сложившийся на протяжении длительного периода уровень торгово-экономических отношений не отражает возможностей сторон, но обратил внимание на необходимость больше ориентироваться на качественные аспекты взаимодействия.

Этого мнения, в целом, придерживались и другие спикеры, как китайские, так и российские, выступившие на Пленарном заседании.

Цай Гуаньшен — Председатель Союза предпринимателей Большого залива Гуандун–Гонконг–Макао.

Так, И. В. Иванников, заместитель директора департамента аналитического сопровождения внешнеэкономической деятельности Минэкономразвития РФ, отметил в своем выступлении, что долгосрочное двустороннее сотрудничество обеспечивает реализацию особенно важных задач, охватывает около 80 реальных инвестиционных проектов (исключая энергетику) в сельском хозяйстве, машиностроении, в химической промышленности и др. Только за последние 2 года было обеспечено содействие более чем 30-ти проектам (например, на острове Большой Уссурийский создан технопарк), развиваются двусторонние сельскохозяйственные и другие проекты.

Как Китай, так и Россия сохраняют интерес к развитию двусторонних отношений в условиях роста глобальной нестабильности, инициируемой Западом, и прежде всего США. В заключение мероприятия прошли презентации и подписание проектов.

Зам. главного редактора сетевого научного
издания «Россия и Азия»,
Соловьёва Юлиана Владимировна

